АКАДЕМИЯ НАУК СССР ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ХП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения)

Часть II

литературовеление

З.Н.Ворожейкина

K BOTTPOCY O "CTPARCTBYOHUX" YETBEPOCTMUNRX

Существование "странствующих" хайямовских четверостивий отмечено в научной литературе уже восемьдесят лет назад. В.А.Туковский, первым обративший внимание на этот факт, выявил в результате текстологического сличения тридцать девять поэтов XI-XУП вв.,
в диванах которых встречаются приписываемые Хайяму четверостишия. Прошедшие с тех пор десятилетия изучения Хайяма не прояснили проблему объема и состава его поэтического наследия. В настоящее время насчитывается около пяти тысяч рубаи, встречающихся в рукописях под именем Омара Хайяма; с относительной уверенностью можно утверждать авторство Омара Хайяма лишь для нескольких десятков четверостиший.

Факт "странствования" под видом хайямовских такого большого числа четверостиший представляет проблему более общую, чем авторская атрибуция того или иного стихотворения. Примечательно, что эти кочующие четверостишия не ощущались чужеродными равным образом ни в диванах многочисленных поэтов, ни среди стихотворений великого Омара Хайяма. В этом следует видеть не столько широкое подражательство — ведь среди авторов "странствующих" рубаи были и предшественники Хайяма — сколько настоятельную литературную тенденцию времени, нашедшую в творчестве Омара Хайяма наиболее совершенное воплощение.

"Странствующие" хайямовские четверостишия и - шире - хайямовские мотивы вообще - своеобразное литературное явление средневекового Ирана, могут быть важны при попытках реконструировать идеологическую жизнь иранских средневековых городов.

Какие мотивы характерны для "странствующих" четверостиший? В.А. Туковский в свое время отметил, что они тяготеют в основном к двум темам: жалобы на судьбу, мир, людей — 43%; любовь, вино, наслаждение — 33%. Эта классификация остается верной и теперь, когда исследователя располагают значительно большим материалом для сравнения. Она подводит к следующему выводу: среды "странствующих" четверостиший не встречаются, как правило, стихотворения, темой которых является конфликт человека с творцом — хайямовское обличение бога в его несправедливости, непоследовательности и отсутствии милосердия, и хайямовское отрицание посмертного существования, то есть самое сильное и ценное, в чем Омар Хайям, как поэт остался в персоязычной литературе неповтореным. Эту тему можно считать почти безоговорочным критерием лля атомбушии хайямовских стихотворений.

Зато хайямовский конфликт человека с неблагоприятствующим временем, с судьбой, и как его производное — гедоника — излюбленные темы средневековой поэзии Ирана.

Большие или меньшие циклы четверостиший, посвященные этим темам, можно найти в диванах многих старых поэтов. Одним из поэтов, четверостишия которого в некоторой части переплелись с наследием Омара Хайяма, был Камал Исмаил, родившийся спустя полвека после смерти Хайяма. В самом начале ХШ века Камал Исмаил возглавил исфаханский литературный круг. Небезинтересно, что значительная часть творческой жизни Хайяма падает также на Исфахан, где он до конца ХІ в. руководил исфаханской обсерваторией.

В рукописях дивана Камала Исмаила В.А.Жуковский обнаружил пять четверостиший, вошедших в издание текста стихотворений Хай-яма. Проведенное нами исследование тегеранского критического издания дивана Камала Исмаила позволило добавить к ним еще шесть четверостиший, которые принято считать хайямовскими. Четыре из них вошли в московское издание 1959 г., для которого издатели отобрали в качестве наиболее достоверных 293 рубаи Омара Хайя—ма⁴:

ی باز خورم و لیک مستی کنم * الا بقدح دراز دستی نکنم دانی غرضم ز می برستی چر بود * نا بیجو تو خویشتن برستی کنم

- Опять я пью, но хмель мой севобиден, Я руку алчности тяну лишь к винной чаше. Сказать тебе, в чем смысл моей любви к вину? -Чтоб в себялюбии, как ты, не ивопряться.

گفتی زبرای می که کمز خر ازین * گف بچه عذر برنداری سر ازین عذری رخ یار و با ده میم دهست * انصاف بده جه عذر دش رازین

- Сказала ты: "Поменьше пей вина! И почему б тебе не бросить пить?" Вот доводы мои - подруги лик и утренний глоток вина. Так рассуди сама, нужны ль другие оправданья?

برخیز و مخرعم جهان گذران * بنشین و جهان بشادمانی گذران در طبع جهان اگروفانی بودی * نوبت بتو خود نیامدی از دگران

> - Брось горевать, что жизнь течет так быстро, И радостно пройди свой путь земной. Когда б в обычае у мира было постоянство, От тех, кто жил до нас, черед к нам не дошел бы.

من عی نه برای تنگرستی نخرم * با از غر رسوانی وستی نخرم من می زیرای خوشدلی خرم * اکنون که تو در در مشتی نخرم

> - Не пью вина не потому, что беден, И не из страха пред хмельным позором я не пью. Я пил вино, чтоб в сердце была радость,

А ныне, когда в сердце моем ты, не пью.

Четверостишия Камала Исмаила попали в сборники русских переводов Хайяма. Первое и третье из приведенных изданы в переводе Германа Плисецкого в 1972 г.⁵, там же еще одно четверостишие Камала Исмаила:

⁶ کلنون که خوشرلی درایام نماند * یک بعدم بخته جزمی جام نماند درست طرب از ساخرمی باز مگیر * امروز نه دست گیر جزجام نماند

- Сегодня, когда жизнь нам радость не дарит, И нет иного друга, кроме винной чаши, От ручки чаши винной руки не отрывай, - Зря будещь ты искать руки иного друга.

Среди более ранних русских переводов Хайяма можно отыскать и другие стихотворения Камала Исмаила, например, следующее: 7 مى ده كر دل ربيش سرا مرهم اوست * سودا زدگان عشق را هدم اوست پستس در من خاك يكي حربه بهست * از چرج كر كاسه سرحالم اوست

- Дай мне вина, вино мои врачует раны, Вино - наперсник тех, кто страждет от любви. Джя сердца моего глоток вина дороже, Чем этот небосвод - над миром опрокинутая чаша.

Эти четверостивия (вместе с отмеченными В.А. Туковским их одивнадцать), имеющие вирокое хождение под именем Омара Хайяма — типические для творчества Камала Исмаила. Более четверти рубайат Камала Исмаила (около 250 из 963) — это витейская и философская афористика, лирическая дидактика, эпикурейская и ваккическая поэзия, пейзажная лирика — то есть именно тот комплекс тем, который характерен для "странствующих" хайямовских четверостиший.

"Хайямовскую" тетрадь Камала Исмаила следует выделить как одну из ценных частей его дитературного наследия. При всей обобщенности, согласно литературному вкусу времени - поэтического высказывания, эти стихотворения приближают нас к постижению дичности поэта, мира его души. Сугубо личное звучит в горьких сетованиях на духовное одиночество, страх перед жизныю, неверие в людей, в жалобах на обманутые жизнью ожидания и проч. Вместе с тем. в "хайямовской" тетради Камала Исмаила нет целостного мироощущения, напротив, заметна пестрота настроений и жизненных позипий, внешне противоречивых для сознания одного человека. Рядом с сетованьями на превратности судьбы и несправедливое распределение мирских благ проповедуется пренебрежение к жизненному благополучию. Соседствуют обывательская мудрость самосохранения - и эпикурейская беспечность теории "одного дня". И тут же - гордость честного непреуспеяния в несправедливом мире и преодоленного страдания, отрицание смирения, протест. А в бессилии против

незаслуженных ударов судьбы - совет просто посмеяться над ней.

Уместно вспомнить, что подобная смесь ценностных ориентаций ставила в тупик издателей и исследователей Омара Хайяма.
Некоторые из литературоведов считали это смешение результатом
вплетения в поэтическое наследие Хайяма стихов других авторов,
каждый из которых выражал свое мироощущение. Изучение четверостиший Камала Исмаила подсказывает другой вывод. В его "хайямовских" стихах мы находим весь набор всечеловеческих истин,
представленный, как правило, в пословичном фольклорном фонде прбого из народов. Камал Исмаил художественно формулирует мысли
и настроения, популярные у городских слоев населения.

Тяготение к афористичным формам мышления, характерное для средневековья вообще, в самой высокой степени проявилось в словесной культуре персоязычных народов. С самого зарождения новоперсидской поэзии пословицы, поговорки, стихотворные афоризмы питали дух человека в его неудовлетворенности жизнью и в стремлении познать и сформулировать ее непостижимые для них закономерности.

Камал Исмаил дал высокие образцы искусства афористичности, крылатости поэтического речения, столь ценимого в его время. В его четверостишиях можно проследить все характерные черты жанра классического рубаи. Это — художественная обобщенность метких характеристик, общезначимость философских, этических и лирических высказываний. Многие из четверостиший, следуя стилистическим конструкциям народных пословиц, императивны: советы и сентенции прямо обращены к читателю, и последний чувствует себя в положении избранного собеседника поэта в доверительном разговоре о жизни. Императивы часто вынесены в концы строк, в рифму или редиф, что сообщает рубаи особую экспрессию. Эту императивность поэт нередко обращает на себя, как бы отождествляя себя с читателем, и стихотворные строки звучат своеобразным самоуговором или принимаемым обетом, как, например:

-Клянусь, не буду я скорбеть о несовершенстве мира, не будут близки мне ни радость, ни страдание. Корону пусть возложат мне на голову - не возгоржусь, Последнюю пусть шапку снимут - не опечалюсь.

Из четверостиший Камала Исмаила можно составить целую антологию таких ходовых, по-видимому, в его время сентенций, которым мастерство поэта придало афористически-отточенную форму: - В тот день, когда мы в суете уйдем из жизни, Которую лишь по ошибке мы считаем жизнью, С какою мыслью мы уйдем из жизни? -Не выпла жизнь - поймем в итоге жизни.

- Нас одарило время только цепью бед, Хоть раз коснулись ли мы розы, шипом не уколовшись? В итоге даже душу оно возымет от нас назад, -Так что оно нам в самом леле лало?

Афористичность поэтического высказывания отличает главным образом второй, заключительный бейт рубам. В ряде случаев он без труда вычленим из четверостишия и показывает полную готовность к самостоятельному существованию. Четверостишия Камала Исмаила изобилуют такого рода литературными пословицами:

В чаше жизни мирской перемещаны сладость и горечь,
 Так одно с губ любимой испей, а другое - с губ чаши вина.

Пока жив, не пугай себя мыслыю о смерти, Отведи смерти миг, а весь век беспечально живи.

О хотя б нам страданые отмерялось по длине нашей жизни, Или жизнь отмерялась по тяжести ноши страданья...

Как и всякие афоризмы, эти авторские литературные пословицы воплощают так или иначе жизненные и нравственные идеалы эпохи, вскрывают существовавшие связи между человеком и его временем. Именно поэтому социальная роль этих литературных афоризмов,
каковыми по сути и были "хайямовские" четверостишия, представляется особо значимой, и может быть, именно эта часть персидской поэзии — так сказать "обобществленная" лирика — и была
прежде всего пищей для духа и ума в средневековом обществе. Распространенность этих стихов и "странствование" их из дивана в
диван, полиавторство их и многовариантность свидетельствуют о
широком бытовании их, множественности переписок и устных передач, то есть об огромном читательском спросе.

 $^{^{}m I}$ В.А.Жуковский. Омар Хайям и "странствующие" четверости-

- жия. -Ал-Музафаррийа. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена... СПб.. 1897. с.325-363.
- 2 О проведенных исследованиях и предлагавшихся методах атрибуции см. Омар Хаййам, Руба ййат. Подготовка текста, перевод и предисловие Р.М.Алиева и М.-Н.Османова, М., 1959, ч.2, с.9-22.
 - В.А.Жуковский, ук.изд., с.345, 348, 349, 353, 365.
- 4 Омар Хаййам, Руба^сййат, ук. изд., ч.2, № 103, 215, 269, 112. В диване Камала Исмаила (Тегеран, 1971, изд. Бахр ул-Улами) № 631, 572, 535; в литографии куллийата Камала Исмаила (Бомбей. 1307/1890), с.476.
 - ⁵ Omap Xafifiam. Pyoafiat. M...1972. № 178. 298.
 - 6 Там же. № 237. в диване Камала Исмаила № 403.
- 7 См. Восток, Сборник второй. Л.,1935, с.232, № 98, в диване Камала Исмаила № 567.

Л.В.Гелкина

СТИХОТВОРЕНИЕ П.ВЕРЛЕНА "ДОЖДЬ В ГОРОДЕ" И ПОЭЗИЯ КИМ ДЖОНСИКА (СОВОЛЬ) (1903—1934 гг.)

В работах некоторых исследователей, посвященных корейской литературе нового времени, затрагивается вопрос о влиянии поэзии французского символизма на корейскую поэзию 20-30 гг. К сожалению, помимо констатации самого факта влияния, авторы ограничиваются перечнем имен французских поэтов, пользовавшихся популярностью в это время в среде корейской интеллигенции, и указанием на восприятие корейскими поэтами пессимистических настроений, свойственных поэзии французского символизма. Нет никаких конкретных исследований, позволяющих судить о том, что именно, как и почему заимствовалось.

Не претендуя на сколько-нибудь общую постановку и решение этого вопроса, мы проследим, как отразилось на творчестве корейского поэта Ким Джонсика (Соволя) его знакомство со стихотворением известного французского поэта-символиста П.Верлена "Дожиь в городе".

С этим стихотворением Соволь познакомился благодаря переводу своего школьного учителя и литературного наставнике Ким Ока. Остановимся на этом переводе подробнее, чтобы представить, каким текстом, как отправным, располагал Соволь. Сравним отрывок из стихотворения Верлена и перевод Ким Ока:

Il pleure dans mon coeur.
Comme il pleut sur la ville.
Quelle est cette langueur
Que penetre mon coeur?

O bruit doux de la pluie
Par terre et sur les toits!
Pour un coeur qui s'ennue
O le chant de la pluie!

Льются слезы в моем сердце. Подобно тому, как идет дождь в городе. Что такое эта печаль, Которая пронизывает мое сердце?

О мидый /сердцу/ шум дождя — По земле, по крышам! Сердцу, которое тоскует, /Ты поешься/, о, песня дождя!

Перевод Ким Ока:

Корие наринын пиинтыт Нэ касыме нунмурый пи оненя Оччихаймион ирохан сорыми Нэ касымене сумйотыронно.

А, ттанъедо, чибунъедо Наринын коун писсори. Эдалихын маым ттэмунираго О нариоонын пиый нора!

Словно дождь, идущий на улице, В моей душе идет слевный дождь. Почему такая тоска Таится в моей душе? Ах! На землю, не крыши Падающие милые/сердцу/ звуки дождя! Из-за того, что печальна моя душа, /Ты поещься/, о, песня идущего дождя!

Обращает на себя внимание большая точность передачи авукового уровня французского стихотворения корейским поэтом.

Ключевыми словами в стихотворении Верлена являются слова "coeur" ("сердце") и "pluie" ("дождв").

Тема "сердца" наиболее отчетливо звучит в первой строфе стихотворения, где подобраны слова, близкие по звучению к слову "соешт" ("сердце") - "соште" ("словно") - "il pleure" ("льются сдези") - "quelle" ("что") - "que" ("которая") - "languer" ("печаль") и продолжает звучать во второй строфе стихотворения.

Вторая строфа стихотворения посвящене теме "дождя", которая начинается еще в первой строфе и на звуковом уровне реализуется сдедующим образом: "pluie" ("дождь") - "il pleure" ("льются сдези") - pleut" ("идет дождь") - "bruit" ("шум") - "par" ("по") - "pour" ("для").

Ким Ок в своем переводе пытается воспроизвести звуковую гармонию верленовского стиха: так, из синонимов "мани", "симдань", "сим", "касым", означающих "сердце" ("душа") он выбирает слово "касым", менее распространенное в поэзии, по сравнению с другими синонимами, но адлитерирующее со словом "соеиг"; из синонимов: "пи", "уджок", означающих "дождь", он выбирает слово "пи", начальный звук которого созвучен с начальным звуком слова "pluie" ("дождь") во французском стихе.

Слово "соешт" ("сердце") в корейском переводе передано словом "касым" ("душе"); соответственно, первая строфа, в основном, посвящена теме "души" ("на касыме"), а вторая — теме "дождя" ("наринын пиинтыт") — "словно идущий дожды". Тема "дождя" вдесь, как и у Верлена, начинает звучать в первой строфе стихотворения.

Тема "души" на звуковом уровне поддерживается такими словами: "кори" ("улице") — "сорыми" ("тоске") — "сумйотыронно" ("таиться") — "мами" ("душе") — "нунмурый" ("слезный") — "писсори" ("щум дождя").

Тема "дождя" развивается на звуковом уровне в следующих словах: "нарёсонын пинй" ("мдущего дождя") — "пи онани" ("мдет дождь") — "чибунъедо" ("на крими") — "коун писсори" ("милые (сердду) звуки дождя") — "ттэмунираго" ("мз-за того, что) — "нора" ("несня").

Таким образом, можно сказать, что перевод верленовского стихотворения, выполненный Ким Оком, сохраняет обе темы — тему "сердца" ("души") и тему "дождя" на семантическом и на авуковом уровне.

Стихотворение Верлена отражает характерное для французского символизма представление о единстве мира и человеческой души.
"Моя жизнь на земле хрупка, - писал известный поэт-символист
Малларме, - и потому я должен подчиняться развитию, необходимому для того, чтоба Вселенная нашла в моем "я" свое подобие". 5
В стихотворении Верлена мир "внешний" преломляется во "внутреннем" мире человека ("слезы в сердце" - "дождь в городе"), мир
"внутренний" и мир "внешний" оказываются изоморфными. И эти
взаимоотношения "внутреннего" и "внешнего" мира переданы в переводе Ким Ока не только на смысловом уровне, но и на звуковом
(за счет общих согласных "н" и "р").

Известно, что Соволь до знакомства с Ким Оком не уделял большого внимания форме стиха: его не привлекали новые размеры, рифма, не интересовал звуковой уровень. Заметим также, что корейской поэтической традиции, предмествовавшей Соволю, такое взаимоотношение "внутреннего" и "внешнего" мира, какое мы находим у Верлена Ким Ока, не было свойственно. В старой корейской поэзии мир "внешний" созерцался человеком. Настроение человека зависело от происходящего в природе, фиксировался момент эмоционального воздействия "внешнего" мира на "внутренний", но "внутренний" мир не изображался как развернутая зрительная картина, данная так же подробно, как картина "внешнего" мира.

Отметив эти два момента, обратимся к стихотворениям Соволя и сравним их с переводом Ким Ока. Рассмотрим отрывок из стихотворения "Эмо" ("Тоска"):

> Одуун касым согый кусок кусок Хванхая коулсок помкурым чамгинтыси Сосолби наримйо талмури туллора Идэдорок ве ани осинаё ве ани осинаё?!

В потвенных глубинах моей мрачной души... [Там], словно погрузились в ясное зеркало весенние облака / и оно вамутилось].

Мелкий дождь моросит и венчик окружает луну.
Тек почему же ты не приходинь? Почему ты не приходинь?!

В этом отрывке звучит тема "души", т.е. "внутреннего мира". Ее представляет сочетание "касымсогый" ("в глубине души"). (Ср. "на касыме" у Ким Ока). Она связана с темой "внешнего мира", которую представляют "сосолби" ("мелкий дождь") — ср. "наринын пи" у Ким Ока, "талмури" ("венчик луны"). Тема "души" на звуковом уровне соотнесена со словами "хванхан коулсок" ("в ясном зеркале") за счет звуков "к", "с", "о"; со словами "пом курым" ("весение облака") за счет звуков "к", "и", "и", "ы", "ы", "о"; со словом "талмури" ("венчик луны") за счет звуков "м", "ы", "а". Она также за счет звуков "к", "с", "о" соотнесена со словами "ве ани осинаё " ("почему же ты не приходишь"), характеризующими эмопиональное состояние человека.

Примеры отражения, преломления внешнего мира в душе человека мы можем встретить и в других стихотворениях Со Воля, например, в "Соул пам" ("Сеульская ночь"), где механистический мир большого города как бы переносится во внутренний мир чедовека:

Красные огни.

Зеленые огни.

Если путь открыт, зеленые огни.

Если путь закрыт, красные огни.

Огни сверкают.

Огни меркнут.

Отни снова горят.

Отни сторожат длинную, словно мертвую ночь.

В потаенных глубинах моей души,

Даже в этой глубине, где то светло, то темно.

Красные огни рыдают.

Зеленые отни рыдают.

Красные огни.

Зеленые огни.

А говорили, что улицы Сеула хороши. А говорили, что ночь в Сеуле хороша. В потаенных глубинах моей души. Одинокие зеленые огни.

Тему "внутреннего" мира в стихотворении представляет строка: "наый касымый сок морыл косый" - "в потаенных глубинах моей души". Тему "ночных улиц Сеула" - тему "внешнего" мира представляют строки:

сэул кэрига чотхаго хэё А говорили, что улицы Сеула хороши сэул пами чотхаго хэё А говорили, что ночь в Сеуле хороша.

Нетрудно заметить, что они сближены за счет общих согласных "к", "с", "м". Т.е. и в этом стихотворении представление о единстве "внутреннего" и "внешнего" мира реализуется как на смысловом, так и на звуковом уровне.

Примеры стихотворений Соволя свидетельствуют о воздействии на его творчество стихотворения П.Верлена в переводе Ким Ока. Соволь вслед за Ким Оком для обозначения "внутреннего" мира, "души" избирает слово "касым" ("грудь", "душа"). Между тем, "касым" как сферс эмоций в старой корейской поэзии не выступает. Эмоциональной жизнью человека ведала "печень" ("канджань"), а не "душа", которая представляла сферу сознания, мышления.

Как можно убедиться, понимание "внутреннего" и "внешнего" мира как изоморфных друг другу и взаимопроникающих, свойственное Верлену - Ким Оку, было воспринято Соволем. Представление о близости "внутреннего" и "внешнего" мира резлизовалось у Верлена, у Ким Ока в его переводе, а следом и у Соволя - на звуковом уровне. Приведенные стихи Соволя свидетельствуют о повышении роли "звука" в его творчестве. Т.е. произошли определенные изменения в сфере поэтических представлений и в сфере звуковой организации стиха.

Вместе с тем, надо отметить, что восприятие европейских веяний в рассматриваемом случае было облегчено тем, что корейской культуре было свойственно идущее из древности представление о сознании человека как о зеркале. Эти представления нашли отражение в хянга и в стихах Чхве Чхивона (857-?):

Готов шлифовать

зеркало своего сердца так, чтобы видеть (в нем сущность мира)⁸

Высокая степень звуковой организации текста стихотворения также не является чем-то совершенно новым для корейской культу-ры: старая корейская поэзия (хянга,сиджо,каса) располагает примерами таких текстов. Т.е. и в этом случае воздействие европейской поэтической традиции легло на подготовленную почву.

Т.о. произошло наложение европейского влияния на корейскую традицию, обогатившее корейскую поэзию.

- 6 Хёндо чосон мунхак сонджип, т.2, Пхеньян, 1957, стр. 108.
- ⁷ Хёндэ чосон мунхэк сонджип, т.2, Пхеньян, 1957, с.83.

Н.Б.Гафурова

ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ СХОДСТВА ДВУСТИВИЙ КАБИРА В ТРАДИЦИЯХ ДАДУПАНТХИ И СИКХСКОЙ

Определение достоверности произведений Кабира все еще остается важной и актуальной проблемой в исследовании творчества великого поэта. Впервые эта задача была поставлена индийским ученым П.Н.Тивари. На основе выделения основных традиций передачи сочинений Кабира и сопоставления их между собой он вычленил наиболее аутентичные, на его взгляд, произведения и собрал их в "критическом" издании, известном под названием "Кабир Грант-хавали". Это издание включает 274 двустишия, 20 рамаини и 200 пад поэта. В 1974 году появилась работа французского ученого Ш.Водевиль "Кабир" автор которой, в свою очередь, проводит формальное сопоставление известных источников, используя "критическое" издание П.Н.Тивари. Ш.Водевиль сопоставляет три основные традиции: "Адигрантх", "Кабир Грантхавали" и "Бижак". Спи-

I Ли Бэнги, Пэк Чхоль, Кук мунхак чонса, Сеул, 1968. Далее: Ли Бэнги.

² Текст дается по издению: Французские стихи в переводе русских поэтов XIX-XX века. М., 1973.c.476.

В лит. перевод этого стихотворения см. там же, с.477-478.

⁴ Ли Бэнки, с.274-275.

⁵ Цит. по: А.И.Владимирова, Проблема художественного познания во французской литературе на рубеже двух веков (1890-1914), Д., стр.49-50.

³ Л.В.Жданова, Жизнь и творчество Чхве Чхивона, рук.,с.21.

сок соответствий показывает, что количество двустиний, общих всем трем традициям, составляет только I4 единиц; II5 двустиший являются общими для традиций "Кабир Грантхавали" и "Адирантхавати" и "Бижак". На этом основании Ш.Водевиль приходит к выводу, что традиция "Кабир Грантхавали", или раджастканская занимает центральное положение между традициями "Адигрантх" и "Бижак". По ее мнению "Адигрантх" и "Кабир Грантхавали" представляют так называемый "западный корпус" творений Кабира, который отличается от "восточного корпуса", представляются варианты "Бижака".

Двустимия Кабира еще не были подвергнуты систематическому анализу в пределах двух "западных" традиций — традиции дадупантки "Кабир Гранткавали" и традиции сикков "Адигрантк". В данном сообщении автор на основе двух вышеназванных традиций пытается выделить наиболее достоверные стихи Кабира и определить соотношения этих двух традиций между собой.

Значительную долю произведений Кабира составляют стихи форми "сакки" или доха. Доха являлась типичной формой литературы апабхраниа. В йогической и особенно в аскетической литературе, доха служит характерной формой дидактического стиха. Она также использовалась в лирических произведениях народной литературы апабхраниа и в старом западном раджастхани. Неудивительно поэтому, что основная часть стихов Кабира, и, особенно, его произведения дидактического характера, подобно произведениям многих поэтов-сантов Индии того времени, сложены в этой форме. Основные собрания творений Кабира содержат большое число стихов доха. Так, "Адигрантх" содержит их 234, "Кабир Грантхавали" - 809, и "Бижак" - от 353 до 445.

В собрании "Адигрантх" дохи, принадлежащие Кабиру, называются "салок" (шлока). В собрании "Кабир Грантхавали" они именуются
"сакхи" (что означает "свидетельство"). "Адигрантх", куда вошли
изречения Кабира, единственное собрание, имеющее точную датировку — 1604 г. Собрание свободно от сектантских элементов, хотя,
возможно, содержит ряд интерполяций и переделок. Простота языка
и естественность стиля дает нам право считать стихи Кабира, вошедшие в "Адигрантх", наиболее аутентичными из всех существующих
традиций.

Традиция дадупантки запечатлена в сборнике "Кабир Грантхавали", впервые изданном в 1928 г. Шьям Сундар Дасом. Автору принадлежит и первое, еще самое общее сопоставление текстов традиций "Адигрантх" и "Кабир Грантхавали". Он вилочил в издание в качестве приложения 192 дохи Кабира из "Адигрантх", практически, в приложение вошло значительное число стихов, отинчающихся от соответствующих двустимий корпуса книги лишь несущественными разночтениями, а иногда и полностью им идентичных. В сборнике "Кабир Грантхавали" все изречения классифицированы тематически и распределены в 59 главах неравного объема. Самая общирная из них "Глава о предостережении" содержит 62 дохи. Самые короткие — две главы: "Глава об изумлении и "Глава о зыбком существовании" — содержит по две дохи. Принцип тематического членения дает более или менее ясное представление о шкале духовных ценностей у последователей Кабира.

Подобное членение мы находим и в поздней литературе сантов, однако оно не было знакомо предшествующей Кабиру литературной традиции натклантки и сахажья. Индийский ученый П.Чатурведи считает, что такое членение было введено средневековым поэтом-сантом Раджабом (17 в.), составителем собрания произведений Кабира "Сарбанги". Мы в свою очередь можем добавить, что подобные примеры встречаются уже в древней индийской литературе — в буддийской "Дхамменаде" и в древнем тамильском сборнике изречений "Тируку-рал".

Дохи Кабира в "Адигрантх" не организованы в тематические разделы, в отличие от "Кабир Грантхавали". Это нескольно затрудняет
ориентировку в их содержании. Ш.С.Дас констатировал, что число
двустиший, являющееся общим для двух названных традиций, составляет 48. Однако, по нашим наблюдениям количество их достигает
95. Общим мы считаем не только буквально совпадающие стихи,
но также сходные по содержанию и строению. Здесь можна выделить
три типа сходства: І. Полностью идентичные двустишия. 2. Двустишия, сходные по структуре и содержанию, по различающиеся лексикой.З. Двустишия, где варьируется какая-либо из структурных частей.

К первому типу относится ЗІ двустивие. Многие из них различаются незначительными разночтениями. Второй тип представлен З5 двустивиями. Третий тип двустивий — варианты, в которых наблюдаться общность мысли, образности и единая тематическая направленность. Их — 27.

Однако , нам представляется более целесообразным и полезным сравнение не только по линии внешнего сходства, но также методом

использования внутренних криториев, определяемых общими тенденпиями. Ваглядами и миниснием великого повта.

Больное место в творчестве Кабира принадлежит восхвалению гуру — духовного наставника. Это не удивительно. Почитание гуру или духовного учителя (гурувада) существовало в Индии с древнейших времен. Высокое уважение и доверне и духовному наставнику, который дает подлинное знание истины и ведет и спасемию, свойственно не только всей индуистской, но также и мусульманской религиозной и этико-философской традиции.

В основе всего творчества Кабира лежит идея бхакти-любви к всевышнему. Эта любовь реализуется неустанным обращением к богу, отрешением от мирных страстей, нравственным усовершенствованием человека. В стихах общих рассматриваемым двум традициям, не интерпретируется природа бога , ибо главная цель для автора — излить свое чувство искренней любви к богу. Стихи свободны от многих принципов тантрической йоги и практического эзотеризма учения Горакха (секта натхпантхи) — важных элементов индийской средневековой культуры, составляющих единсе целое с концепцией так называемой "ниргун бхакти" — теорией невидимого и неосязаемного бога.

Больное место в творчестве поэта уделяется общественно-бытовым и морально-религиозным установлениям. Центральной доктриной в учении Кабира является совершенствование адепта. Поэт проповедует принцип внешнего и внутреннего очищения индивидуума. Пагубными для него он считает такие свойства, как гордость, страсть, зависть, эло,грех. Поэт осуждает и ядовито высмеивает их, ибо, только освободившись от этих черт, человек может достичь совершенства.

В поэзии Кабира поднимается вопрос о преходящем характере земного существования. Кабир не осуждает мирскую жизнь и не проповедует полного аскетизма и бездействия. Напротив, он призывает познавать бога в труде. Поэт рассматривает рождение человека, как исключительно благоприятный случай в цепи перерождений. Он может более не повториться, поэтому в этой жизни человек должен творить благо, чтобы прервать цель перерождений, несущую с собой неизбежные горе и страдание.

Известно, что Кабир был выходцем из народа, из касты ткачей (джумаха). Естественно, он всегда стоял на стороне угнетенной части населения и выступал как защитник ее интересов. Кабир,

поэт-гуманист, не мог равнодушно проходить мимо социальной неспреведливости и деспотизма, которые царили в Индии того времени. Высокомерию и себялюбию богачей он резко противопоставляет высокие моральные качества бедняка.

Кабир отвергал сектанство, отвергал он и увлечение культовой обрядностью индусов и мусульман. Поэт считал, что для человека взыскующего всевышнего, не обязательно соблюдение различных религиозных предписъний, сосредоточение на внешних проявлениях любы и богу. По его убеждению, сама сила истинной любы, а не пост и паломничество, ведет человека и духовному совершенствовавив.

В поэзии Кабира ярко проявился индо-мусульманский синтев. Признание им возможности вичного общения с божеством для каждого человека фактически отрицало правомерность кастовых и имущественных привилегий, уравнивало всех людей перед лицом единого dora.

Таковы основные тенденции творчества Кабира, объединяющие обе рассматриваемые традиции. Следует отметить, что двустивия, видоченные в "Адигранти", отличаются простотой стиля и ясностью выражения мысли. Стихи с труднодоступными и сложными техническим словарем и символами, заимствованными Кабиром из предмествуршей традиции натхпантки явились достоянием только собрания "Кабир Грантхавали".

Таким образом мы имеем основание полагать, что оба собратия произведений Кабира, имеющие много общего, представляют две ветви, по сути дела, одной традиции. На данном этане изучения весьма трудего установить, каким путем происходило их взаимопроникновение, по ясно одно, что все узловне темы, проходящие мрасной нитью перез творчество Кабира, волновали и тревожили умы простых лидей так в Панджибе, так и в Раджасткане и продолжают, истати, волновать их до сих пор.

¹ प्रांस नाथ तिलारी नालीर-ग्रंथानती, प्रयाग, 2981

² Charlotta Vaudeville, Kabir, London, 1974.

³ Tam me, c.77.

⁴ Charlotta Vaudeville, des Duhā de Dhola-Mārū, Pondichery.

⁵ ग्रायामस्टार ग्राम, नाबीर - ग्रंथावानी, प्रपाग, प १४६-३३२

6 गररा,राम बत्वेदी जवीर-साहित्य की पारवा, प्. 60

- 7 Дхаммапада (перевод с пади, введение и комментарии В.Н.Тонорова). М..1960.
- ⁸ Тирукурал, Избранные аформамы. Перевод с тамильского Ажева Ибрагимова М., 1974.

Л.В.Жланова

СТИХОТВОРЕНИЯ КОРЕЙСКОГО ПОЭТА ЧХВЕ ЧХИВОНА (857-?), НАПИСАННЫЕ ОСЕНЬЮ-ЗИМОЙ 884 г. - ВЕСНОЙ 885 г. (К структуре цикла)

Рассматривая художественные особенности пикла Чхве Чхивона "Воспеваю ветер и луну", мы обнаружили, что цикл в целом являет собою некую модель космоса, гармоническую по своим характеристикам. ^{I} Предположив, что подобная структура в принципе характерна для поэтического цикла, мы решили проверить свое предположение, рассмотрев ряд стихотворений того же автора, не объединенных им в цикл. и сопоставив их с циклом "Воспеваю ветер и луну". Были взяты 8 стихотворений: "Вторю /стихам/ друга, переданным /мне/ во время нашей встречи в новогоднюю ночь". "Восточный ветер", "На берегу моря весной смотрю вдаль", "Весной на рассвете свободен, смотрю вдаль", "Свободен, брожу по берегу моря", "Накануне возвращения в Хэдон - Страну, что к востоку от моря - с высокого горного пика весной смотрю вдаль". "Вторя юзньваю Киму. преподношу живущему у высокого горного пика чистейшему и высшему из дюдей". "Ива у скита "Ворота у моря". 2 Эти стихотворения написаны примерно в то же время, что и цикл "Воспеваю ветер и луну" (цикл - осенью-зимой 884 г.; стихотворения, не объединенные в цикл. - весной 885 г.) и в той же ситуации (по пути на родину в Корею, во время вынужденного пребывания Чхве Чхивона на побережье в провинции Шаньдун). Они, казалось бы, естественно объединяются в "весенний цикл" и составляют своеобразный поэтический диптих с зимним циклом "Воспеваю ветер и луну". Однако, то, что по нашим представлениям легко могло быть воспринято как цикл, не является таковым с точки эрения данной поэтической традиции, где цикл обладает, повидимому, особыми внутренними закономерностями.

Сравнивая пространственно-временные характеристики и особенности психологической ориентации личности в цикле и в перечисленных выше стихотворениях, мы постараемся показать, почему последние не могли быть оформлены автором как цикл.

Условимся цикл "Воспеваю ветер и луну" называть далее "циклом", а стихотворения, не объединенные поэтом в цикл, — "не циклом".

Пространство.

Основные координаты реального "физического" пространства в "цикле" и в "не цикле" одни и те же. Это - гора (вертикаль) и море с его прибрежной полосой (горизонталь). Однако, если в "цикле" доминирует вертикаль (гора)⁸, то в "не цикле" основное внимание сосредоточено на горизонтали, представленной "морем", "берегом моря", "отмелью", "песчаным мысом" или просто "песком". Так в 8 стихотворениях "не цикла" "море" упоминается ІІ раз, "берег" - ІО раз. Иными словами, горизонталь здесь представлена 2І водным и "околоводным" образом, тогда как вертикаль (гора) - лишь 6. Не менее наглядно и употребление одного из элементов горизонтали - "берега моря", который в ІО стихотворениях "цикла" упомянут лишь І раз, в то время как в 8 стихотворениях "не цикла" - 6 раз, что, безусловно, свидетельствует о разной экцентированности координат в пределах одного и того же пространства.

О том, что вертикаль не является существенной для "не цикла", свидетельствуют светила. Так в "не цикле" отсутствует "луна", светило в дальневосточной культуре связанное с вертикалью. "Солнце" же, упомянутое в "не цикле" всего дважды, либо тяготеет к горизонтали (заходит), либо занимает неопределенное положение в пространстве. Между тем, светила в "цикле" представлены "гармоничне": "луна" встречается 5 раз, "солнце" также 5 раз, причем дважды дано восходящее и дважды — заходящее солнце.

Горизонталь в "цикле" развернута и на восток (море), и на запад (поле) по отношению к горе - вертикали, и это позволяет говорить об определенной сбалансированности пространства в "цикле". В "не цикле" одна из горизонтальных координат (поле) отсутствует. "Не цикл" ориентирован только на восток (море).

Для "цикла" характерно наличие кадров "крупного плана", отсутствующих в "не цикле", — изображения отдельного элемента пространства (сосна на камне, камень на вершине горы, чайка над морем и т.д.) как своеобразной микромодели космоса со своей вертикалью, соотносимой с общей вертикалью и со своей горизонтальь, выступающей как часть общей горизонтали.

Большое внимание в "цикле" уделяется "камию": его форме (вертикально стоящий, плоский, как блюдо, похожий на ракушку), динамической тенденции формы (опасно стоящий, готовый вот-вот рухнуть в волны, способный дать трещину), цвету, фактуре (нешлифованный), связи с другими элементами пространства (гора, цветок, сосна, источник, облако). "Камень" встречается в 8 из 10 стихотворений "цикла". Он "распределен равномерно", оказываясь причестным то к вертикали, то к горизонтали.

Такое же внимание, какое в "цикле" уделяется статике вечного (камень), уделяется и динамике вечного в природе -"ветру", который встречается также в 8 стихотворениях из 10. Таким образом в "цикле" дается гармоническое сочетание статического и динамического начал. Не то мы наблюдаем в "не цикле", где гармония статики-динамики нарушена преобладанием динамического начала (ветер).

По-разному представлен в "цикле" и "не цикле" цвет. Если в "цикле" дана практически вся цветовая гамма, предусмотренная для поэвии дальневосточной культурой, и при этом доминирующими цветами являются синий и красный, то "не цикл" по цвету значительно беднее. В стихотворениях "не цикла" встречается (дважды) лишь зеленый цвет.

В "не цикле" отсутствует звук. Между тем, гармоническое состояние космоса подразумевает наличие в нем света (тени как "антисвета") и звука. Сочетание света и звука (свет луны и звук источника и т.д.) характерно для "цикла".

При сопоставлении "цикла" с "не циклом" создается впечатление, что от пристального разглядывания и вслушивания в то, что проявляло себя в замкнутом пространстве в "цикле", поэт обратился к открытой, разомкнутой на восток горизонтали в "весенних" стихах. Не случайно, одним из ключевых знаков в названиях стихотворений стал знак "ван" - "смотреть вдаль". В "не цикле" встречаются образы, фиксирующие точки на горизонте (облако, птица над поверхностью моря), не свойственные "циклу". В "цикле"

только в первом стихотворении дается крайняя точка горизонтали — появляющееся в море солнце. Однако, в этом случае, как и
в любой другой "космической" картине в "цикле", "работают" и
цвет, и форма, и динамика: солнце сравнивается с лотосом, "распускается" подобно этому цветку. Отметим, что при всей устремленности человека к морю, на восток, в "не цикле" ни разу не
фиксируется появление солнца в море, также как не называется
цвет морской воды (в "цикле" он назван дважды). Возможно, это
связано с переходом от статического созерцания в "цикле" к динамическому скольжению взгляда в "не цикле".

Одно и то же, с точки зрения основных координат, пространство в "никле" и в "не никле" по-разному переживается человеком. Вертикаль и горизонталь в "цикле" осознаются, с одной стороны, как причастные миру бессмертных (ориентация на восток по горивонтали), как космические, с доугой - как связанные с социально вначимым пространством (орментация на запал по горизонтали). Причем. "космическая" интерпретация вертикали в "цикле" полразумевает наличие абсолютного верха (дуна). В "не цикле" горизонталь развертывается, как уже отмечалось, только на восток и только до географически определенных грании - до своей родины (неличие в "не цикле" названий корейского государства Керим -Петушиный лес и Хэдон - Страна, что к востоку от моря). Родина в "не цикле" эссоциируется прежде всего с родным домом, поэтическим образом которого выступает "старый сал". Тем самым пространство по горизонтали в "не цикле" сводится к одной единственной точке в пределах географически определенных границ. Обращение к вертикали в "не цикле" связано либо с желанием обрести высокую точку в пространстве, чтобы разглядеть в море "заставы родины", либо - с посещением поэтом буддийских монахов, чье жилище - на вершине горы, в любом случае вертикаль в "не цикле" не соотнесена с абсолютным верхом. Она "ограничена" вершиной горы, являющейся здесь реальной (физической) позицией, с которой человек обращает взор к "физической" же ограниченной (другим берегом) горизонтали.

Время.

Наиболее существенным показателем различного восприятия времени в "цикле" и в "не цикле" являются светила, так или иначе связанные с вечностью. Из всех стихотворений "цикла" светила солнце и луна отсутствуют лишь в 2, где идея времени передана за 2-3 82 счет образов цветка и дерева. В стихотворениях "не цикла" дважди упоминается только одно из них — солнце. Отсутствие луны само по себе свидетельство определенного нарушения "гармонии". Напомним, что в "цикле" оба светила "распределены равномерно", не отдано предпочтение какому-то одному из них. Равномерно распределены светила и в пределах суток (восход — заход солнца), и в пределах лунного месяца (смена фаз луны). В "не цикле" закономерность чередования разных периодов времени отсутствует.

С луной в этой культуре связаны представления о вечности - бессмертии. В Отсутствие луны в "не цикле" может быть понято как знак принципиально иной временной ориентации человека. Человек здесь "занят" настоящим, его динамикой. Отсюда, сосредоточенность в "не цикле" на времени года, на моменте в пределах данного времени года. Весна в этих стихах отмечена прежде всего стихией ветра (образ несет идею динамики). Ветер в "не цикле" ("восточный", знаменующий собой внезапно произошедшую в природе перемену, и "весенний", сигнализирующий о быстротечности сезона) как бы отмечает начало и конец весны, отрезок времени, отмеренный природой для этого сезона.

Одним из существеннейших моментов в "цикле" является внимание к циклически-ритмическим образам времени (приливы, фазы луны), во всей своей материальной наглядности несущих идею вечно повторяющихся в природе явлений. Для "не цикла" этот момент не существенен.

Психологическая ориентация личности.

В "цикле" человек сосредоточен на космосе, на единстве и самостоятельной ценности всех элементов мироздания, существующего вечно в потоке бесконечно возрождающейся жизни. Космос в
"цикле" - стимул для осознания себя как личности, причастной к
вечности. Не случайно поэт соотносит себя с элементами космоса
(цветок, камень, сосна, источник). Параллельно поэт соотносит
себя и с выдающимися людьми прошлого (полководцы Цзун Цюе и
Чжугэ Лян, философ Чжуан-цзы, проницательнейший человек в государстве Бянь Хэ, образцовый министр Янь Ин, советник и военачальник первого императора династии Хань Чжан Лян, отшельник Сунь
Чу), являющими собой в сущности все мыслимые для дальневосточной культуры типы личности.

"Не цикл" лишен космически-исторических ассоциаций. В нем человек поглощен "интимной" стороной своего существования, мыс-

лями о доме и о весне, настроением данного момента. Желание обрести лушевный покой, которого поэт лишился с приходом весны. вызвало обращение к миру буллийских монахов в этих стихотворениях. Не сдучайно появление темы "вина" в "не пикле" ("вино и пветы", "вино и блаженство, свобода от дел", которые поэт готов "купить за тысячу золотом"). Очевидна связь этой темы с обреченным исчезнуть мгновением и с состоянием, присущим человеку, свободному от служебных пут и мыслей о делах в госуларстве. Знак подобного типа поведения - "сянь" в "не цикле" встречается 4 раза (из них 3 раза он заляется в заглавии), в то время как в "цикле" он не встречается ни разу. Единственный раз в "цикле" говорится о поведении, близком к "сянь", но как о повелении, вызывающем у человека стыд. поведении вынужденном. на которое поэт обречен в силу сложившихся обстоятельств. В последнем стихотворении "не цикла" ("Ива у скита "Ворота у моря"") появляется образ женшины, с которой поэту предстояло pacctathes.

x

Таким образом, в отличие от цикла, воссоздающего всеобъемлющую модель космоса, гармоническую по своим характеристикам, "выверенную" с точки зрения пронорций, группа "весенних" стихотворений воспроизводит лишь фрагмент этой модели, и, возможно, поэтому она не была оформлена Чхве Чхивоном как художественно завершенная совокупность стихотворений . как цикл.

І Частично эти вопросы рассмотрены в работах Л.В.Ждановой: Два стихотворения из цикла Чхве Чхивона "Воспеваю ветер и луну" (в связи с представлениями о пространстве, времени и личности) в сб. "Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока" (Тезисы докладов УП научной конференции), М., 1976; Образ цветка (рододендрон) в цикле корейского поэта Чхве Чхивона "Воспеваю ветер и луну" - "Тезисы докладов ХУП конференции молодых ученых". М., 1976; Художественное пространство в цикле Чхве Чхивона "Воспеваю ветер и луну" - ПП и ПИКНВ, ХІ.М., 1975.

- 2 "Гуйрань бигэн-цэи" (Сборник пахавшего кистью в Саду коричных деревьев), в сер. "Сыбу цункань", Шанхай, 1928, цз.20, 11^6 -12.
- 3 О психологической ориентации человека на вертикаль при обращении к космосу в этой культуре см.: М.И.Никитина, Сиджо. Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время. (рук.). с.8-26. IO4-IIO.
- 4 О роли луны в моделировании вертикали см.: М.И.Никитина, Сиджо. Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время.. с.8-76. 255-273.
- 5 О воспроизведении элементов природы "крупным планом" в дальневосточной культуре (в частности, в китайской живописи жанр "цветы и птицы") см. у Н.С.Николаевой, Японские сады, М., 1975, с.103: "Единичный мотив (цветок, птица на ветке), увиденный не изолированно, но как часть огромного мира, отражающий в себе его закономерности и его смысл, позволил как бы укрупнить "план" восприятия природы, сделать ее более приближенной к человеку ...".
- 6 Термин заимствован из работы Н.С.Николеевой, Японские сады.
- 7 Об особом отношении к камню в культуре стран Дальнего Востока см.: Н.С.Николаева, Японские сады. Как показывает автор этой книги, в японской культуре через камень шло осознание соотношения предмета и пространства, камень был центральным предметом сакрального пространства древних синтоистских ритуальных комплексов. См. там же (с.50) о камнях в китайских садах как "главном выражении концепции природы". См. там же (с.45) ссылку (2) на японскую летопись "Нихонсёки" о роли корейских мастеров, впервые устроивших "на японской земле сады ... еще в правление императрицы Суйко (592-628)". См. также "Слово о живописи из Сада с горчичное зерно", пер. и коммент. Е.В.Завадской, М., 1969 "Книгу о горах и камнях", начинающуюся определением природы камней как обители духа и остова Неба и Земли. О космической причастности камня к небу (миф о Нюй-ва, расплавившей камни пяти цветов, благодаря проникновению в их суть, и починившей Небо) см.

в кн. Юзнь Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965.

8 См. М.И.Никитина, Сиджо. Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время., с.8-56, 417-424.

М.В.Кравцова

HEKOTOPHE THIIH HOBTOPOB B HOBBIN MBHL DB (441-513)

В данной статье сделана попытка проанализировать некоторые типы повторов, встретивниеся в позвин Шэнь Dэ, в их связи с на-родными песнями-кэфу и с более поздней, так называемой "поэзией эпохи Тан".

Одним из наиболее употребительных и интересных повторов у Шэнь Юэ является эпаностроф — повторение одного или нескольких иероглифов, стоящих в конце одной строки, в начале следующей строки. Эпаностроф или лексическая акромонограмма — характерный прием для древних народных песен-вэфу. Однако по мере развития народной поэзии эпаностроф употреблялся все реже и реже (I,191). Поэтому наличие довольно большого количества эпанострофов в творчестве Шэнь Юэ вызывает особый интерес.

У Шэнь Юэ этот прием чаще всего встречается в подражаниях въфу, как, например, в стихотворении "Встретились мы на узкой дороге" (5, т.2, 989):

Постоял и спросил, из какого господин дома, Дом господина в самом деле легко узнать, Легко узнать и легко запомнить.

Эти строки почти полностью совпадают с соответствующими строками из одноименной народной песни (5, т.1,69). Однако наличие эпаностроба в стихотворениях-подражениях не всегда объясияется стремлением поэта следовать оригиналу. Рассмотрим. например. восъмистичне "Подражаю стихотворению "Зелена-велена трава на берегу реки":

> 漠潭州上摩 心,中隐故人 館稻已久

THE HER HEVY ON ON синь чжун и гу жэнь гу жэнь бу кэ и чжун е чан тань си танъ си сян жун и бу янь чан ое ли бе ли нао и цар MEH MED MEH HEAP HEAP (5. T.2.99I).

Тихо-тихо, ложе покрылось пылью... В душе думаю о любимом. O ADDOMNOM HE MORY AVMATA. HOUSD JOHO BRINKAD. Ввинхар и вспоминар черты твоего лица. Не говорр. что разлука долга. Разлука /даже если/ коротка, все равно - длинна. Пустое ложе... Посылаю тебе кубок вина...

В этом восьмистивми эпанострофом связаны 6 строк из 81 Причем, не I-2, 3-4 и т.д. строки, а 2-3, 4-5 и 6-7 строки, т.е. в данном случае поэт явно нарушает обычную связь в двустишии и тем самым особо выделяет I и 8 строки. Кроме того, в стихотворении повторяются и некоторые другие иероглифы, например: (чжун)。 小意 (и) и т.д. Первая строка начинается удвоением-тавтофоном иероглифа う葉 (мо). Таким образом. из 40 иероглифов 12 повторяются дважды. Такое обилие повторов в одном. сравнительно коротком стихотворении, было, видимо, не характерным даже для древней поэзии. Обратимся к юэфу "Зелена-зелена трава..." (4.59-60). В нем вироко применяется другой тип повтора - тавтофоны в 1.2.3.4.5 и 6 строках (у Шэнь Юэ этот прием встретился только в первой строке). В другом одноименном подражании - стихотворении, написанном Лянским У-ди, современником Шэнь Юэ, эпанострофом связаны 4 строки из 12, а тавтофоны встретились в первых

двух строках (5, т.2, 852). Очевидно, что Шэнь Юэ в данном случае сознательно использовал эпаностроф как художественный прием. Повторение иероглифов, сцепление одной строки с другой, композиционное выделение І и 8 строк — все это усиливает основную мыслы стихотворения, придает ему особую мелодику и выразительность.

Однако по количеству эпанострофов данное восьмистимие резко выделяется из других произведений поэта. Обычно этим приемом связаны две или три строки, причем количество повторяющихся мероглифов варьируется от I до 4. Эпаностроф встречается либо в первых двух строках, либо в середине стихотворения, например:

山河 P隔長 <u>路</u> 超 基本 xá rā qah <u>nỳ</u> 这 这 海 溪 海 yà mahō nahê nyh ní (5, t.2, 1018).

Горы и реки преграждают далекий путь,
Путь долог — оторвал от меня черты твоего лица.

("Подражаю древним", 5 и 6 строки)

Странник в пути замечает наступармур весну, Наступармая весна заметна для тех, кто в пути, $(^{10}O, \text{ скорбы})^{11}$, I и 2 строки)

Интересен эпаностроф и в стихотворениях, написанных смещанным размером, как, например, в четырех семистишиях из цикла "Четыре стихотворения на мелодию "К югу от Цзяна" (5, т.2,996). В них поэт применяет одинаковый прием: три последних мероглифа 3-й семисловной строки повторяются в следующей строке, написанной трехсловным размером:

文館徘徊白雲起 chaft xáo naff xýah gah nhi цh 白雲起 gah nhi цh

Темный журавль кружется, белые облака поплыям, Белые облака поплыли ("Чжаоскай мелодия для гуслей -ca").

Название и цикла, и семистиший, особый размер — все это указывает, что данные стихотворения являются песняки, а эпаностроф, видимо, играет роль своеобразного припева. Интересен и эпаностроф в стихотворениях-поэмах (каждое длиной до 48 строк) из цикла "Восемь воспеваний". Во всех этих стихотворениях эпанострофом связаны первая (трехсловная) и вторая (пятисловная) строки

и название:

Поднявшись на башно смотрю на осеннюю дуну. Смотрю на осеннюю дуну, Осенняя дуна, свет ее подобен шедку.

Кроме эпанострофа в творчестве Пэнь Юэ встречается еще один прием, характерный для юэфу, — лексическая анафора (повторение одного или нескольких иероглифов в начале смежных строк). Как и эпаностроф, анафора чаще всего встречается в стихотворениях — подражаниях, как, например, в шестистиции "Подражаю стихотворению "Три красавици" (5, т.2, 990).

Стармая невестка вытирает яммовый футляр, Средняя невестка придерживает мелковый полог, Младмая невестка в одиночестве томится без дела.

Анафорой могут быть связаны 2 или 3 строки. Своеобразной анафорой начинается, например, стихотворение "Скорблю об умершей жене" (5, т.2, 1012).

Промной осенью светила полная луна, И этой осенью вернулась и освещает стропила дома. В эту весну - орхидем и травы, и новой весной они будут благоухать.

Анафора в этом четверостивии создает определенный графический рисунок, который подчеркивает основную мысль строк — вечный круговорот природы. В поэвии Шэнь Юэ часто встречаются тавтофоны (два одинаковых мероглифа рядом) и повтор одного мероглифа (одинаковые знаки, разделенные другими мероглифами). Проиллюстрируем лишь второй случай:

И не дымка, и не облако,

Похож на велковые ните и похож на туман.

("Написал по высочаймему повелению о дожде во дворе"),

Каждая из этих строк делится иероглифом "фу" на две равноценные части, каждая из которых состоит из повторяющегося пероглифа и иероглифов, близких по смыслу. С помощью этого приема поэт рисует картину дождя. Все четыре иероглифа (дымка, облако, шелковые нити и туман) в целом близки друг к другу. Однако в первой строке содержится отрицание, а во второй утверждение. Утверждения и отрицания могут иметь место не в двух, а в одной строке:

Хочет есть и стесияется есть.

("Вспоминаю, как она еда" из цикла "Несть воспоминаний").

Гораздо реже при таком повторе обе части строки утвердительные, как, например, в уже приведенном стихотворении "Встретелись мы...":

Легко узнать и легко запомнить.

Таким образом, различные типы повторов играют значительную роль в поэзии Шэнь Юэн. Поэт охотно использовая в своем творчестве приемы, характерные для древней народной поэзии. Приведенные примеры свидетельствуют, что Шэнь Юэ сознательно использовал различные типы повторов, как художественно-композиционные приемы, добивался с их помощью интересных и своеобразных звуковых, графических решений.

Еще один вид повторов в поэзии Шэнь Юэ — параллелизм. Как известно, параллельности строк в так называемой танской поэзии (особенно в "уставных" стихах — "люйни") придавалось очень боль-шое значение, и существовал целий ряд строгих правил для состав-

дения парадлелизмов (2,142; 3,21-22). Анализ творчества Шэнь Юз показал, что парадлельные строки встречаются в большивстве его стихотворений, различных по длине и по поэтическому размеру.

Основное количество парадлелизмов приходится на начало произведения и на середину. Гораздо реже парадлельными бывают последние строки. В семисловных стихотворениях часто встречаются случаи неполного парадлелизма, когда парадлельны динь доцезурные или послецезурные части строк. В четырехсловных и пятисловных произведениях парадлелизмы, как правило, полные и грамматически, и лексически. В стихотворениях длиной более 10 строк количество парадлельных строк. видимо не лимитировано.

В восьмистивиях поэта количество параллельных строк более ограничено — 4, реже 6 параллелизмов в одном стихотворении. Хотя есть и исключения. Распределение параллельных строк вполне соответствует правилам танских "люйши", где параллельными должны были быть четыре центральные строки, "дополнявшие" основную мыслы произведения (3,22).

Таким образом, с одной стороны, поэзия Шэнь Юэ находилась под большим влиянием древнего народного творчества. Об этом свидетельствует наличие в его творчестве большого количества различных повторов — приемов, характерных для юэфу. С другой стороны, при анализе параллельзмов видно, что поэт, составляя параллельные строки, стремился следовать определенным правилам, которые, видимо, уже складывались в поэтической реальности в то время и которые были затем канонизированы в классической поэзии.

 $^{^{\}rm I}$ И.С.Лисевич, Древнекитайская поэвия и народная песня ,М., 1969.

² Ван Ли, Хань юй шилюйсюе , Шанхай, 1964.

³ Линь Гэн, Таншидэ гэлюй - в журнале "Юйвэнь свеси", № 9, 1957, с.20-23.

⁴ Хань, Вай, Лючао шисюань, Пекин, 1958.

⁵ Цюань Хань, Саньго, Цзинь, Наньбэйчао ши, т.І,2. Шанхай, 1959.

ТАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО БИОГРАФИИ ЦЭНЬ ШЭНЯ (714? - 770? г.г. н.э.)

Биография Цэнь Шэня (今季, 今嘉州 — Цэнь Шэнь, Цэнь из Цзячхоу, 714-770 г.г. н.э. — дати жизии согласно работе Вэнь И-до (I, IOI-142), как наиболее вероятные), равно как и его творчество, пока еще не изучались в советской, и, сколько нам известно, зарубежной, исключая собственно Китай, синологии. Китайская критика ставит некоторые произведения Цэнь Шэня выше близких по теме стихов таких признанных корифеев китайской поэзии как Ли Бо и Ду Фу, хотя и оценивает его творчество в целом ниже их уровня (см. например, послесловия к У).

Выбрав поэтому темой своей работы изучение литературного наследия Цэнь Шэня, мы, естественно, попытались найти все источники как биографических сведений, так и критических суждений о поэте. И прежде всего нас интересовали источники танского времени (618-907 г.г. н.э.), как наиболее достоверные и важные, поскольку они являются либо документальными свидетельствами, зафиксированными в исторических сочинениях, либо написаны современниками поэта, либо современниками потомков Цэнь Шэня, вхожими на правах друзей в его семью.

В "Истории династии Тан" (Тан шу) биография поэта по невыясненным причинам отсутствует, хотя биографии его предков есть, а сам Цэнь Шэнь, получив в 744 г. степень цзиньши на столичных экзаменах, занимал достаточно ответственные посты в государстве. Поэтому при составлении биографии поэта пришлось использовать различные "побочные" материалы.

Мы обнаружили лишь три танских источника по его биографии. Первым по времени и единственным синхронным источником является "Доклад на высочайшее имя с прошением о назначении находящегося не у дел Цэнь Шэня" (П) от 2-го июня 757 г. (по европейскому летоисчислению), подписанный Пэй Цэянем (表意), Ду Фу (社事), Вэй Шао-ю (章少游), Вэй Ци-данем (起齊頭) и Мэн Чан-хао (孟昌浩), в котором в частности говорится (здесь и далее мы будем приводить тексты, не переводя пока названия чинов и должностей, так как это требует отдельного исследования): "/ Представляется трону/ срань и лан им (宣議於試),

да ли пин им (大理评事), временно исполнявший должность императорского цензора (цзянь ча вй им) (監察御史) пожалованний меночком с темнокрасными рыбками, Цзиь Шэнь. На наш, нике-подписавшихся сановников, взгляд Цзнь Шэнь: [человек] познавший чистое и предвидящий далекое, искусный в суждениях и словах правильный, славное имя рано утвердивний, [на которого его] по-коление взирает с надеждой. Ныне, когда путь к вакансиям широко открыт, а соответствующие чиновники еще не назначени, почтительно помышляем [о том, чтобы] к свите государя был приближен истинний эрудит, и блестящий телент.

Почтительно преподносим деклад с рекомендацией для высочаймего служа и, припадая к стопам [ванего величества], ожидаем ремения^и.

Сам по себе этот документ дает нам как-будто незначительные факты для биографии поэта. Однако он может служить отправной точкой для привлечения к изучению биографии Цэнь Шэня фактов жизни и творчества близких ему людей, в первую очередь Ду Фу. И действительно, в стихах обоих поэтов ми находим послания друг другу, и, таким образом, можем установить, кроме оценки творчества Цэнь Шэня, ряд немаловажных фактов его биографии. Помимо этого, сам доклад является своеобразным дополнением ко второму, и по существу, основному документу о жизни и творчестве Цэнь Шэня.

Этим вторым источником является предисловие к сборнику его стихотворений (У), составленному и изданному одним из друзей потожков Цэнь Шэня, неким Ду Црэ (本土 形定). В нем достаточно подробно рассматривается жизнь поэта (в основном его перемещение по служебной лестнице), а также дается восторженная оценка его творчества.

Мы приведем лишь биографические сведения из этого предисловия.

《Табуированное имя покойного Цэня из Наньяна (京陽) было Шэнь. Происходил из служилого рода. Прадед /его Цэнь/ Вэнь-бэнь (文本), дед Дэнь/ Чжан-цянь (長倩) и дядя со стороны отца Дэнь/ Си (義), все славились, /как/ обширной учености и добродетельной репутации чиновники, достигшие высоких постов. Рано осиротел и потерял состояние. Однако сам, /как говорится, был/ своим точильным камнем. Изучил во множестве исторические труды. Особо искусен был в написании экзаменационных сочинений.

Слова /в них/ возвышенно-чисты, мысли - возвышенно-отчетливы. Все, что он создал, намного выходит за предеды просто прекрасного, особо отмечено исключительным вкусом, выходит за рамки обычних чувств. В каждом свитке отточенная кисть, вызывает в драях желание писать. Лаже среди простододинов в селах и варваров Тун. И. Мань и Мо нет никого, кто бы не лекламировал наизусть /его творений/! Часто можно сравнить /его/ с У Цзинем (吳均) и Хэ Срием (15 3%). также можно назвать утонченным. В третий год под девизом Тянь-бао (744 г. н.э. по европейскому счислению) достиг степени изиньши. В должности правого ней же шуай фу бин цао (右内塗高兵售) следовал за войсками, потом вновь в должности правого вэй вэй лу ши (右藏衛錄事) следовал за войсками. Назначен на должность цзе ду паня (節彦 判) в Аньси (安西). Причислен к свите в качестве правого бу пра (右補 退). Послан докладывать об исправлении недостатков. Перевелен на дслиность ци цэрй дана (起居部). Послан в Гочжоу (発, →) с инспекцией. Вновь переведен в должность тай изы чжун DHR (大子中分) и дянь чжун ши юй ши. (殿中侍御史). Назначен на должность цае ду паня (節度学)) в Гуаньси. Когда священный пракон укрылся в превних владениях, а препволитель жунов отбирал себе помощников, чиновники все вновь отбирались. По этой причине назначен исполнять обязанности шу цвоу (書奏). Введен в свиту в должности цы бу као гуна (祠部差功), второго мань вай лана () 外 部). Вновь назначен на должность ми бу (鼻部) и кубу (庫部), а также второго члэн лана (王 茂声). Вновь послан в Цзячжоу (嘉 州) с инспекцией. Юань шуей сян го (元 的相圆) Ду Хун-цзянь (杜鴻海) предложил назначить /Цэнь Шэня/ на должности чжи фан лан чжуна (成 方 部中) и ши юй ши (持御史). Но /он/ оставил /службу в военных/ лагерях и вскоре подал в отставку. Поселился в Шу (2). В это время Сычуаньский губернатор - по причине бунта - без императорского эдикта собирал вокруг себя военных и гражданских чиновников. Льстецы заключили союз, говоря: "В Китае и так слишком много несчастий, а вне его слишком мало мира, можно защищаться лишь самим. Против этих порочных высказываний /он/ написал "Чжео шу кэ гуй (招蜀客歸) (в данном собрании отсутствует). В котором/ разъясния, что правда как раз в противоположном, обличил планы льстецов; понимающие вздохнули, развратные устыдились. Добродетель воссияла и разлилась подобно морю. Императорский ветер про-

месся высоко. Но ныше повернулся перелок телеги вспять и оживжан сломалась оглобия. Счастливне времена прошли. как жаль!.. Не прожив и трилиати лет после этого. /он/ скончался. Как видно из приведенных двух текстов, мы имеем достаточно полную биографир Пань Шаня, правия почти абсольтно без изт. Третий источник -- "Тан найнам чжувиь" (И. раздел 51), котя и дублирует вкратне первые два, во все же добавляет к ним то, что на дворновых экзаменах в 744 г. в списке, возглавляемом Чжео De (趙岳). Цэнь Шэнь был вторым, получивним степень изиньши. Это важный факт. и котя сочинение было издано линь в 1304 г.. ему можно верить. ибо составитель сочинения СинъВань-фан (字文房) собрал воелино свидетельства эпохи Тан - в том числе и утерянные ранее снаблев их своим предисловием. Интересно также отметить что текст в "Тан пайнзы чжуань" почти идентичен сунскому источнику "Тан ши изи ни" (IV) и во многом повторяет текст, включенный в "Вэнь сянь тун као" (пит. по У) и написанный господином Чао (T.e. Yao By-YXX - 泉氏, 晁補之).

Таким образом, удалось установить важнейшие вехи биографии Цэнь Шэня:

- I) сведения о предках поэта и месте его рождения;
- 2) сведения о передвижении поэта по Китар:
- 3) сведения о продвижении его по служебной лестнице;
- 4) ряд критических оценок творчества поэта, которые представляют собой важный материал как в историографическом, так и в литературоведческом плане.

Кроме того, сами стихотворения Цэнь Шэня и его друзей, находящиеся в нашем распоряжении, содержат массу различных фактов, дополняющих и уточняющих сведения приведенных источников. Все это дает нам уверенность, что при дальнейшем исследовании биографию поэта можно восстановить практически полностью и со всеми возможными подробностями.

Литера тура

- I. 間一多,岑嘉州擊年考證,— Вэнь И-до , Цэнь Цвячжоў си нянь као чжэн , в кн. Вэнь И-до, Тан ши цзалунь , шанхай, 1957 г.
- П. 杜高等 為補遺薦答參狀 Ду Фу и др., Вэй бу и цаянь Цэнь чауан, в кн. "Ду гунбу цаи", в сер. "Сы бу бэй яо", т.192. Шанхай, 1930 г., с. 1.137.

- ш.度才子(專 "Там цайдзы чжуень", Кмото, 1972 г. IV. 唐詩紀事 - "Тан шы цзы шы", Пекин-Шанхай, 1965г.
- у. 岑嘉州詩集- "Цэнь Цзячжоу ин цан", в сер. "Сы бу цун нань", щанхай, 1928 г.

Т.С.Мусавлян

ИСТОКИ СЮЖЕТА КУРЛСКОЙ ПОЭМЫ "ЗАМБИЛЬФРОИ"

До недавного времени считалось, что вироко распространевное по сей день среди курдского народа сказание "Замбилъфром" ("Продавец корзин") бытует только э фольклоре.

М.Б. Руденко^Т обнаружила в 1957 г. одновменную поэму куриского поэта ХУ в. Поэма насчитывает 60 четверостивий. Ве срист анадогичен фольклорным вариантам. Дена богатого курдского ямира (жатун) выполяется в бедного, обремененного семьей продавца корзин. В отсутствии мужа она хитростью завлекает Замбильфрона и себе во двореп. Но ни модьбы, не угрозы боратой хатун не помога-DI IDEBRETA ETO K HEÑ. IDOZABEU KODSEE EC COCEASERETCE GOVATCIBON. которое судит ему жена эмира и остается непреклонным, предпочитая голод и нишету новору. Но катун не отпускает его. В конце концов Замбильфром просет у хатун разремения вийти на крыму дворна совершить омовение. Там он обращается к богу с просьбой о спасении. Вняв его модьбе, бог посывает архангела Гавриила, который подхватывает корамишика, когда тот бросается внив. Замбильфрок возвращается домой так ничего и не заработав. Тена его зажиreet over, xote e hero hevero outo ctabutt. K hum nouxozet cocenка за огнем. и вируг они обнаруживают в очаге жлеб и еду.

Трудным представлялось определить происхождение сижета "Замбильфром". Ни один из собирателей его фольклорных вармантов не отмечает этот сижет у других народов, считая его оригинальным курдским, в отмичие от таких сижетов, как "Лейжи и Меджнун", "Осуф и Зелиха", "Шейх Сан'ан", в равной степени представленных как в курдской, так и в персидской, арабской, турецкой литературах.

Тожнественный симет уналось обнаружить в "Тисяче и одной ночин, в новелле под названием "Рассказ о праведных супругах". 2 Солевжание его сволится и следуваему. Тик чековек, усевлно поклонявшийся богу и была у него жена.помогавшая ему в его делах и послужная ему. Они изготовляли полносы и опахала, а к концу лия муж брад все, что они смастерили и нел продавать, Однажды проколел он мимо лома богача. Жене владельна дома приглянуяся красавен-продавен. Она посыдает служанку привести продавна в дом. CHYMAHRA BENOMET K HEMY HABCTDERY M SOBET EFO B MOM. FORODR GYNто бы ее госпожа хочет у него кос-что купить. Поверя ей. прожавен входит в дом, сдуженка запирает двери. Выходит хозяйка дома и вачинает говорить ему о своей дрови. Не зная, как выбраться из дома. продавен просит принести ему воды для совершения оковения. Он поднимается на самый высокий балкон в доме, совершает омовение и обращается с мольбой к богу о спасении. Вняв его молитьє, бог посылает к нему ангела, который полхватывает его. когла продавен бросается выяз. Ангел опускает его на вемли нелым и невредимым. Воздав квалу богу за спасение, продавец возвращается домой. Он рассказывает жене. что с ним произовло. Жена наполняет дровами печку и раздигает огонь, чтобы соседи лумади, что у них варится еда и не узнали. Что им нечего есть.

Приходит соседка за огнем и видит — печь полна белого хлеба. Они возблагодарили бога, поели хлеба, напились воды. Тена
предлагает мужу номолиться, может бог пошлет еще что-нибудь и
избавит их от труда добывать пропитание. После молитви мужа они
видят вдруг, что раздвигается крыша и вниз спускается яхонт,
который своим сиянием освещает дом. Муж с женой, возблагодарив
бога, ложатся спать. Тене снится сон, будто вошла она в рай и видит там множество скамеечек для праведных людей. "Где скамеечка
моего мужа?" — спросила она. Ей показали. Сбоку скамеечки заметила она отверстие. "Это то отверстие, где был яхонт, спустившийся к вам с крыши вашего дома", — пояснили ей. Женщина с плачем
пробудилась от сна, и они с мужем стали молиться, чтобы господь
снова вставил яхонт в отверстие. Яхонт взлетел, поднимаясь к крыше. А муж с женой до конца своих дней жили в бедности и благочестии.

Сходство свжета "Рассказа о праведных супругах" и "Замбильфрома" в основных эпиводах заставляет предполагать единый источник его распространения. Сохранилось около сорока рукописей "Тысячи и одной ночи". Впервые европейскому читателе этот свод стал известен по неполному переводу Галлана, сделанному им в 1704-1717 гг. со старейней рукописи, относящейся ко второй половине XIУ в. Однако в издании Галлана мы не находим интересурщего нас сижета. Кго отсутствие можно объяснить неполнотов того оригинала, с фоторого Галлан делал перевод. И в то же время это наводит на предположение о более позднем включении в свод "Тысячи и одной ночи" "Рассказа о праведных супругах".

Эта новелна появилась в европейской литературе лишь в XIX в. в переводах, осуществленных с египетских рукописей ХУП-ХУШ вв. ч с Булакского и Калькутского изданий I-ой половины XIX в., где также использованы рукописи этого периода. 5

Вероятно, "Рассказ о праведных супругах" появился впервые в последней канрской редакции (ХУ-ХУП вв.), новелям которой сложились в городской среде и отражают живнь мелких ремесленников, поденных рабочих перебивающихся случайными заработками.

Симет "Рассказа о праведных супругах" недавно обнарумен в коллекции персидских литографий ЛО ИВ АН СССР. В поэтической обработке неизвестного персидского автора под названием حالتات و

ностью и отличается от новелли в "1001 ночи" лишь некоторыми эпизодами и деталями. Интересно то обстоятельство, что события в поэме перенесены на арабскую почву. Действие разворачивается в Багдаде, во дворце халифа.

К сожалению, мы не знаем, кто автор персидской литературной обработки, к какому времени она относится. И котя у персов была осуществлена поэтическая обработка предания о продавце корзин, можно полагать, что, очевидно, все же сожет у них не получил столь широкой популярности, как у курдов.

Весьма затруднительно определить, когда и каким путем скиет о продавце корзин попал к курдам. Однако можно быть уверенным, что он насчитывает у курдов несколько сотен лет своего существования и является реликтом древнего мифа бытовавшего на Ближнем Востоке. Сюжет получил распространение среди народов, связанных между собой территориальной близостью, общностью исторических судеб и культурным взаимодействием.

Но наибольную популярность скжет приобрел у курдов, по-видимому, в период, когда на Ближнем Востоке начинает складываться го-3-3 82 родская литература. Очевидно, не позднее ХУ-ХУІ вв. неизвестный курдский поэт в Турции осуществил его литературную обработку.

Симет о продавце керзин настолько устойчив, что на всем пути своего существования остался почти неизменным. В течение многих веков не утрачено единство структуры, однако появились новые варианты, каждый из народов наложил свой отпечаток на симет, у каждого из этих народов симет имеет свое национальное своеобразне, отражает особенности жизни, быта, культуры, языка.

С.Л.Невелева

СЕМАНТИКА ДРЕВНЕИНДИЙСКИХ (ЭПИЧЕСКИХ) СРАВНЕНИЙ (некоторые выводы)

І. Сравнению наряду с эпитетом принадлежит ведущая роль в системе изобразительных средств древнеиндийского эпоса. Нижеследующие выводы сделаны на основе анализа третьей книги "Махаб-хараты" - "Лесной" ("Аранъякапарва"), текста достаточно общирного

I М.Б.Руденко, Коллекция А.Д.Жаба. - Труды Гос.Публичной библиотеки им. М.Е.Саятыкова-Щедрина, Л.,1957, т.2; она же, Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М.,ИВЛ,1961.

² Книга тысячи и одной ночи. Я., изд. "Academia ",1938, т.5, ночи 469-470, с.129-187; то же, М., Гослитиздат, 1959.

³ H.Zotenberg, Notice sur quelques manuscrits des mille et une nuits et la traduction de Gallan. - Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, 1887, t.28, p.171.

⁴ H.Zotenberg, p.214.

⁵ H.Elisseef, Thèmes et motifs des mille et une nuits, Beyrouth, 1949, p.78-82.

⁶ О.П.Щеглова, Каталог литографированных книг на персидском явике в собрании ЛО ИВ АН СССР, М., мэд. "Наука", 1975, с. 582 (№ 1598).

и художественно представительного, что позволяет, по-видимому, распростравить основные выводы, с некоторыми коррективами, на текст "Махабхараты" в пелом.

- 2. Kak известно, четырехчиенная модель сравнения включает с у б ъ е к т компаративации (то, что сравнивается правеуа), о б ъ е к т (то, с чем проводится сравнение, правала), п р и з н а к (sadharanadharma) и формальный показа— те в ь уполобления (dyotaka виде апрамуауасака).
- 2.1. Основние с у б ъ е к т и сравнения представлени следующими категориями: 1) человек вообще и различные персонажи эпоса (герои-воины, цари, брахманы и т.д., женщины, боги и демоны); 2) эпическая битва (поединок, войско, оружие, колесницы, кони); 3) города и постройки; 4) вода (реки, озера и т.д.); 5) земля (горы, металлы и т.д.); 6) флора (лес, деревья, цветы) и 7) фауна (звери, птицы).

Этот перечень не исчерпывает, естественно, всего многообразия явлений, действий, состояний, чувств, художественное описание которых осуществияется с помощью сравнений. Из перечисленных три первых категории субъектов (персонажи, бытва, города) охватывают различные проявления человеческой (а если речь идет о богах или демонах — антропоморфной) деятельности; четыре остальных (вода, земля, флора, фауна) — сферу природы.

- 2.2. Что касается классификации о б ъ е к т о в сравнения, то и здесь целесообразно выделить две аналогичные группы, отметив при этом, что номенклатурное наполнение каждой будет несколько иным и, в частности, более вироким. Содержание объектов первой группы ("Человек") сводится в общих чертах к следующему:
- І) повседневная жизнь, быт, обиход во всем многообразим реалий;
- 2) наблюдения человека над собой, своим поведением, физическим и психическим состоянием с ориентацией на противопоставление аномалии норме; 3) некоторые стороны эпического мировоззрения, включающего в значительной мере построения мифологического характера, легенды, предания, а также социально-политические и этические идеи. Вторая группа объектов ("Природа") использует такие образы: 1) небеса и светила (солнце, луна, звезды); 2) стихии (молния, гром, тучи, ветер, огонь, вода), 3) ландшафт (земля, горы, камни и т.п.); 4) флора и 5) фауна.

Попытка систематизации уподобляемых субъектов и объектов, которые, как было показано, частично пересекаются по номенкла-

туре, позволяет представить широту охвата в сравнениях различных сторон энической действительности.

7 2.8. Выявление признаков, на основе которых стос— HICH CDARHOHMO B "MANAGNADATO". MMCCT HOLLD OVERTHIS CYMCCTROHные стороны функционирования образов именно в жанном, эпическом тексте. Основными привнаками компаративации являются: красота. CHRING. MOND. CHCTDOTA. SDOCTL (KAK CHCDTOHOCHOCTL. ECCTOKOCTL м т.п.). Форма (мим внешний вих). пвет (белый, красный, синий, делтый, коричневый, черный) и звук. Каклому признаку соответствует определенный пучок объектов уполобления: HANDHMED, IDMSHAK "KDACOTA" MOMET ONTO BEDAMER CDARREHMENM C такими объектами: боги, богини, дети богов, боги персонально (Hama - for snorm. Parm - ero cympyra. Croactb. Mom - formus счастья и процветания. Аввини - небесние всадники-близнены). атрибуты богов (стреды Камы). их творения (создания Вишвакармама), вопломение Красоты, небесные города и рожи (Амаравати, Наилана. Чайтраратка). небесное древо кальпа. исполняющее желания. лотос. содине. дуна и модиня. Следует отметить, что для целого DAMA OCTOR CDARHOHMA MADAKTODHA M H O F O A C II G K T н о с т ь признаков: например. Инира - нарственная можь. ведичие. отвага, блеск, победоносность: модния - блеск, красота. быстрота, пвет (жедтый). Можно выделить как взаимообусловленные вначения объекта. так и не несвязанные между собой: так. вадира. атрибут Индры, одинстворяет в сравнении крепость, мощь удара, его дробящую силу, а также мощь звука.

Одной из характерных особенностей эпических сравнений является к о н т а м и н а ц и я признаков: в частности, понятие блеска, сияния может включать в себя представление о красоте, моща (сравнение с солнцем); сияние связано с красотой при уподоблении субъекта Луне и можнии, блеск — с быстротой при сравнении с можнией. Другие примеры: цвет (белый) как чистота (сравнение с луной); золотистый как проявление красоты (уподобление женщин золоченым актарям; в данном случае наличествует еще и сравнение по форме — актарь имел очертания песочных часов, что лежит в основе сравнения с ним женского тела). В сравнении рук героя с золочеными столбами представлен, кроме цвета, формы и красоты, еще один признак — мощь; форма и красота одновременно выражены уподоблением женских глаз лепестку лотоса, кисти женской руки — дотосовому бутону.

- В зависимости от субъекта сравнения один и тот же признак может иметь не а де к в а т н ы й характер: в частности, "материальный", вещественный (блеск, крепость как свойства оружия) или "духовный" (те же характеристики применительно к личности как показатели мощи, грозной силы).
- З. Назначение сравнений как художественного приема в ткани эпического повествования, восходящего в своих истоках к фольклорному творчеству, имеет свою специфику, обусловленную законами жанра; сравнения призваны т и п и з и р о в а т ь описываемое, способствуя созданию обобщенного образа. Основными единицами типивации следует считать устойчивые б л о к и , представляющие собой стабильные сочетания признаков и соответствующих объектов: например, "грозный, как Яма" (бог смерти) по отношению к герою, демону, оружию и т.д. Высокая степень развития синонимии в эпическом санскрите позволяет варьировать лексическую форму семантического блока "признак + объект".
- 4. Товдинионность больнинства эпических сравнений не искир-THE TAX XVIORECTBEHHOR TOTHOCTH. HEFARIHOCTH. BUDGSHTERISHOCTH. TO делает возможным восприятие издагаемого в нужном идейно-эмопиональном ключе. Роль сравнений в создании необходимой эмоциональной атмосферы повествования наиболее рельефно представлена такими сравнениями, которые мы называем сравнениямис и г н а л а м и. Такие сравнения сопоставляют антагонистические в известном отномении образы и призваны вырабатывать нужный эмопиональный настрой для восприятия последующего конфликтного апизода. Обратимся к примерам: Сита. жена паревича Рамы, несправедливо подозревает брата своего мужа в посягательстве на ее честь, и говорит , что не пойдет к нему, "как тигрица не пойдет к макалум (262.28). Лалее следует ссора. уход брата героя. похишение Ситы раквасом Раваной и т.д. Другой пример: чужеземец приближается к оставшейся в одиночестве Драунади, супруге братьевпандаров, "как шакал к тигрице" (248.17); затем описывается похищение Драупади, битва героев с недругом, возвращение жены и т.д.
- 5. Подводя итоги сказанному, следует отметить, что выявленные признаки компаративации соответствуют в целом и о с т о я ин и м в и и т е т а м "Махабхараты" и представляют собой своего рода шкалу эстетических ценностей, которая отражает нормы общественного вкуса и соответствует семантике центральных образов эпоса. Эпические сравнения идеологичны, таким образом, в двух

намерениях: во-первых, с точки зрения непосредственного отражения в них некоторых мировозаренческих построений (мифологических, этических, правовых, философских, космогонических и т.п.) и, во-вторых, благодаря их причастности к концептуально значимым ценностным критериям эпопеи. Иными словами, сравнения "Махабхараты" м о т и в и р о в а н и , в широком смысле, ее идеологией.

В конкретных случаях на сементику компаративного построения влияют дополнительные факторы, которые можно обозначить как концептуальный, художественно-язылокально-контекстуальный. Концептуальная мотивидованность сравнения полразумевает четкую илейную сбалансированность субъектной и объектной частей: I) выбор объекта обусловлен мийологической функцией субъекта (Шива - огонь, 40.3: Варуна - дождевое облако, 42.25): 2) мифологичность события, зафиксированного в субъектной части сравнения, предполагает сходный характер объекта (демон Вритра, поверженный Индрой. "рухнул, как некогда / гора 7 Мандара, выпущенная / при пахтании океана 7 из рук Вишну - 99.14): 3) обе части сравнения подчинены оппозиции "земное (небесное) /демонское" (битва героя Бхимасены с ракшасом Джатасурой сравнивается с битвой богов и демонов - 154.46; прухнула Саубха, сожженная Кришной, как Трипура, спаленная стрелой Шивы" - 23.34): 4) сакральности субъекта соответствует сакральность объекта (святые мулрены уподобляются богам - 219.3., их жены - адтарям - 213.43): 5) приналлежность субъекта к определенному разряду персонажей определяет принадлежность к нему же объекта (сои демона Лхуниху сравнивается со сном демона Кумбхакарны - 195.26; сраженные демоны - с кабандхами, безглавыми чудовищами, - 21.29).

При художественно-языковой мотивированности субъект и объект компаративного уподобления связаны аллитерацией, Притха подобна земле (prthivf - 222.39), обезьяний вожак с гирляндой (разауа - 264.34, творительный падеж) - словно горный пик Маная. Примеры докально-контекстуальной обусловленности сравнений: Сканда непобедим, как Шива - 221.75 (контекст: описывается происхождение полководца богов от Шиви); царь Мандхатри подобен Индре - 126.3 (контекст: Индра вскармливает новорожденного царя, давая сосать ему свой палец).

Иногда факторы дополнительной мотивации смешиваются между собой, например: царевна Савитри подобна богине Савитри (282.34)

- контекстуальный (описание появления царевны на свет благодаря милости богини) и художественно-языковой (оба женских имени вписаны в аллитерационный ряд); Арджуна - "словно второй Индра" (44.22), концептуальный (Индра - небесный отец героя) и контекстуальный (Арджуна характеризуется в момент восхождения на трон Индры).

М.И.Никитина

К ПОНИМАНИЮ ДВУХ ДРЕВНЕ-КОРЕЙСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПООТВЕДЕНИЙ (ХЯНГА)

В статье рассматриваются два поэтические произведения в жанре "десятистрочных" хянга : "Песня о хваране Кипха" и "Песня о
туе", которые на первый взгляд могут показаться пейзажными или
близкими пейзажным произведениями. Как и все сохранившиеся хянга,
"Песня о хваране Кипха" и "Песня о туе" отражают особые представления о мире, человеке, функциях поэтического слова. Будучи предшественницами пейзажной поэзии на корейском языке, развившейся
столетия спустя, сами они, тем не менее, пейзажными вряд ли могут
быть названы.

"Песня о хваране Кипха" и "Песня о туе" связаны с традициями специфического социального института "хваран"2, игравшего важную роль в жизни раннефеодальных государств Силла (ІУ-УП вв.) и Объединенного Силла (УП-ІХ вв.), что определило ряд особенностей этих хянга. Обе хянга помещены в "Самгук юса" (1285), где датированы серединой УП в. О первой сообщается, что ее сочинил хваран Вольшён, ставший впоследствии буддийским монахом, и что "смысл ее очень высок"; вторая является органической частью сюжетного повествования, вместе с которым может (при определенном подходе) рассматриваться как единый текст.

"Песня о хваране Кипха":

[Я] вверх посмотрю -[Там] появившаяся луна

За белым облаком не плывет.

[Я вниз посмотрю - там] у берега реки, где вода синяя,

Образ хварана Кипха (мне видится).

/Здесь), на обрыве над рекой Иро (клянусь)
О хваран! [Я] буду следовать пределам своей души,
Которая сохранит [тебя] в себе!
(Т.е. "твой образ заполнит мою душу от края до края
и останется там навечно!")

Ая! /Ты как/ туя, а ветви ее высоки, -Иней тебе нипочем, о хваран!³

Заметим, что в этой хянга, вероятно, речь ведется от лица хварана-ученика, имеющего в виду своего наставника, и обратимся к основным значимым элементам текста: 4

- I строфа: "смотреть вверх" (урворичхида) о человеке ; "дуна" (тари), которая "не плывет, следуя за.."; "белое облако" (хин курым).
- П строфа: "река" (нари), где "вода синяя" (мыри пхаран); "река Иро", (иро нари); "облик" (чыжи) человека2; "душа-сознание" (мажам) человека I; "крутой обрыв над рекой" (пёра).
- Е строфа: "хваран", т.е. человек2; "туя" (чажи), у которой "ветки высоки" (каджи нопха); "иней" (сори).

Рассмотрим, какие пространственные отношения связывают эти эдементы и как соотносятся между собой человек (человек $_{\rm I}$ и человек $_{\rm 2}$) и космос:

- I строфа: фиксируется движение снизу вверх, прочерчивающее вертикаль от человека_I, находящегося на обрыве над рекой, к луне и облаку. Отмечается неподвижность дуны: луна не плывет за обдаком. Возможно, что облако здесь дано затем, чтобы относительно него зафиксировать неподвижность луны как идеальное ее состояние.⁵
- П строфе: в первых двух строках задается переход к воде, который подразумевает движение взгляда вниз и отсутствующий здесь гла-гол "опускаю голову, вижу" (совр. кубопода). За счет движения взгляда вверх, к луне и облаку, и затем вниз, к воде, которое подразумевает одновременное движение головой (поднимаю голову, вижу опускаю голову, вижу; совр. уроропода кубопода), обозначается космическая вертикаль, устанавливающая связь между луной человеком водой, т.е. верхом-низом-абсолютным низом.

Отмечен цвет воды — "синий". Таким образом, конечные точки космической вертикали фиксируются как цветовые; "белый" (дуна, облако) — "синий" (вода). Одновременно цвет воды — "синий" — свидетельствует о незамутненности, т.е. о "нормальном" ее состоянии. Вода — это не только конечная точка вертикали (абсолютный низ), но и горизонтальная поверхность. Эта поверхность лежит перед человеком и является своего рода зеркалом, отражающей поверхностью.

В воде, над которой светит луна, ученику видится его наставник. В душе-сознании ученика также отражается облик наставника и будет отражаться вечно. Душа-сознание уподоблена поверхности воды (вероятно, отражающей луну) как зеркальной, воспроизводящей образ поверхности и в то же времи - как поверхности ограниченной: река - берегами, душа-сознание - "пределами" (Вероятна параллель: как река от берега до берега заполнена светом луны, так и мою душу от края и до края заполняет твой образ, т.е. не исключена зналогия с зеркалом и его рамкой).

"Низ" и "абсолютный низ" выступают как сфера человека и человеческих отношений. Во второй строфе говорится о преданности
ученика наставнику, т.е. — об идеальном его поведении. Таким образом "низ" и в плане отношений человек тем самым соответствует идеальному характеру "верха".

Ш строфа: расшифровывается "облик" человека благодаря сближению
его с туей — хвойным деревом. Человеку туе дается пространственная характеристика: "ветви высоки"; тем самым он соотнесен с вертикалью. Ему же дается временная характеристика: "иней нипочем",
т.е. не вянет осенью-зимой, а следовательно — вечен. (Не исключена соотнесенность и с зеленым цветом, а также — с белым цветом
инея). Эти характеристики несут нравственный заряд: наставник,
которому так предан ученик, — человек высших достоинств, из
тех, кто высок и стоек в холодный год.

Таким образом, начиная с третьей строки П строфы и до конца хянга идет обратный ход по вертикали: от "абсолютного низа" - поверхности воды, где видится облик наставника, к "низу" - человеку на обрыве (его сознанию) и далее "вверх", к высоким ветвям туи (наставник). Причем этот ход связан с осмыслением отношений между человеком и человеком осознание человеком правственного облика человека дает ему основание поставить знак равенства между космосом в его идеальном состоянии и человеком, который приравнивается к хвойному дереву - туе.

Общая логика хянга: от идеального состояния космоса к идеальному облику человека $_2$ и их совмещению, тождеству в сознании человека $_{\tau}$.

Рассмотрим "Песню о туе", которая помещена в "Самгук юса" в следующем контексте:

Когда Хесон-ван (737-741) пребывал еще в резиденции наследника, он, играя с просвещенным мужем Син Чхуном в шашки во дворцовом саду под туей. постоянно говорил:

- Если в будущем забуду тебя, то есть еще туя.

Син Чхун вставал и кланялся до земли. Прошло несколько месяцев, ван вступил на престол, стал награждать подданных, а про Син Чхуна забыл и не внес его в списки. Син Чхун обиделся и сложил песню. Прикрепил ее на дерево. Туя вдруг пожелтела и зачахла. Ван удивился и велел дознаться об этом. Взял песню, стал вникать в ее смысл и с большим удивлением произнес:

-За множеством тяжких государственных дел почти забыл о луке, вделанном в оог.

Тут позвал Син Чхуна и дел титул и желовение. Туя снова ожила. В песне говорится:

Густая туя.

Пусть осень настанет, - не вянет.

Ты же. говоривший: "Разве я тебя забуду!" -

Свой лик, на который я смотрел с обожанием /досл. снизу вверх/, изменил.

В старом пруду, куда опустилось отражение луны, Под бегущими волнами смешивается [с водой] песок. [Как дрожащая на мутных волнах луна] — облик твой, смотри не смотри.

Двот во что **7 и мир** в конце концов превратился. 6 Последняя строфа утеряна...?

Обратимся к значичым элементам этой хянга:

- I строфа: "туя" (чажи), которая "не вянет"; "осень" (кажа́ль), "ты" (но́), т.е. человек $_2$; "дицо" (на̀чхи) человека $_2$, которое "меняется"; "смотреть снизу вверх" (урвольта).
- П строфа: "отражение луны" (тарэ кырим); "пруд" (мос); "волны" (мылькёл), которые "идут" (нёль), "облик" (чыжи) человека2; "мир" (нури).

Проследим, какую пространственную структуру образуют эти элементы, и в каком отношении находятся человек (человек, и

и человека) и космос:

І строфа: намечается вертикаль за счет дерева - тум и человека2, на лицо которого человек смотрит "снизу вверх". Дается
временная характеристика тум (не вянет осенью, т.е. - вечна),
которая понимается как нравственная (неизменность как верность своей природе). Отмечается динамика: перемена лица человека2, т.е. изменение в его облике, которое понимается как нарушение нравственной нормы. Утверждается, что человек не подобен туе.

П строфа: дается переход к воде, который, как и в первой хянга, подразумевает позицию человека на берегу, движение взгляда и одновременный наклон головы вниз. Вода представлена здесь "прудом", сравнительно небольшой и замкнутой водной поверхностью. (Ср. акцент на идее ограниченности отражающей поверхности в предыдущей хянга). На воде — отражение луны, свидетельствующее о наличии ее в небе в эту минуту. Тем самым фиксируется космическая вертикаль луна-вода (высшая точка которой дается как отраженная), подтверждающая вертикаль, обозначенную деревом и человеком2; намечается позиция человека на ней и задается тема "зеркальности".

Внизу также отмечается динамика: луна отражается на неспокойных волнах, поднимающих со дна песок, видимо, мутных (ср. "синюю воду" и, видимо, ровную, спокойную поверхность воды в предыдущей хянга). Состояние воды говорит о дисгармонии, о нарушении порядка. Отражение луны на неспокойной, мутной воде осознается человеком как адекватное облику человека и одновременно как картина общего состояния мира (нури).

Общая логика хянга: от "дисгармонического" облика челове- ка $_2$ к дисгармоническому состоянию космоса и их совмещению в сознании человека $_{ extbf{t}}$.

К сожалению, последняя строфа хянга не сохранилась, и мы не знаем, подразумевался ли в этой хянга обратный ход по вертикали, аналогичный прослеженному нами в предыдущей хянга. Во всяком случае, такой ход можно усмотреть за пределами самой хянга, в обрамляющем ее прозаическом тексте — в акте прикрепления текста хянга на тую. Туя пожелтела, изменила цвет, точно также, как государь "переменил свой лик", и туя ожила, когда государь исправил допущенную им несправедливость". Выход на вертикаль окончательно уравнял тую и человека2.

Обе жянга несут, в сущности, один и тот же набор основных значимых элементов, расположенных в обратном порядке.

Структура пространства в них одинакова. Оно ориентировано на вертикаль, заданную движением взгляда (головы) человека вверх и затем вниз и подтвержденную оппозицией луна-вода, деревом, человеком2. Человек вписан в космическую вертикаль (позиция на берегу, выше поверхности воды) и обращен к горизонтади-воде, выступающей как ограниченная отражающая поверхность.

Оба текста отражают весьма архаические представления о мире как мировом дереве и -о мире как теле человека. Это подтверждается также прозаическим текстом, в который включена хянга
"Песня о туе", где сближены государь (человек2) и туя. Туя растет во дворцовом саду; под туей находится государь; в его обещании-клятве говорится: я забуду - есть еще туя, т.е. формула
клятвы подразумевает тождество между ними и т.д.

Обращает на себя внимание и то, что во второй стройе хянга прямо сказано о тождестве государя и мира, космоса в целом, Вполне возможно, что сказанно в хянта в УШ в. и позже понималось более буквально, чем это представляется в наше время. На мысль об этом наводят имена первых корейских государей, правивших. согласно традиции, в начале нашей эры, и этимологии их имен в памятниках XII-XII вв. Например, имя второго государя Когурё читается ныне как Юри (琼 王) в соответствии с его иероглифической записью. Однако, по общему мнению исследователей, за этой записью кроется древнекорейское слово "нури" - "мир"8. Так же звали и третьего государя Силла. Этимология имени первого государя Силла Хёкоосе-вана, помещенная в "Самгук юса", также подразумевает элемент "нури" - "мир" в его имени, сближенный с элементом "свет": "/источая свет, правит миром". (Ср. сближение луны - абсолютного света, отраженного в воде, и облика человека, в обеих хянга). Между тем, известно, что архаические представления об имени отличались от современных. Имя человека понималось как сущность, имя человека - то, что он значит и делает.9

Следует отметить и сходство слов, обозначающих "дерево-тую", "человека", "мир" и его элементы, на звуковом уровне (что говорит об их подсознательной сближенности: "облик человека" (чыжи) - "туя" (чажи); "лицо человека" (начхи) - "мир" (нури) и те его элементы, которые образуют единую пространственно-временную конструкцию - "луна" (тари), "река" (нари), "вода" (мыри), "смот-

реть вверх" (урворичхида или урвольта) и т.д.

В обеих хянга с миром и деревом отождествляется человек $_2$ - "высший" по отношению к человеку $_{\rm I}$. Подразумевается, что человек $_2$ воздействует на космос автоматически, в силу своего статуса. Сам он может и не подозревать об изменении "своего облика", которое приводит космос в состояние дисгармонии.

Человек $_{\mathrm{I}}$, "младший", также может воздействовать на космос. Однако его воздействие - сознательный и пеленаправленный акт. Этот акт - сочинение, написание или исполнение жинга, подразумевающее выбор определенного места и времени, а также - физические и психические усилия. Место: вода, берег-обрыв и, возможно, хвойное дерево на нем. (Как свидетельствует прозаический текст. в который включена "Песня о туе", туе в тексте хянга соответствует "реальная" туя, которая реагирует на хянга). Время: ночь, дуна (скорее всего в полнолуние или новолуние, если судить по корейской календарной обрядности). Позиция человека: на берегу-обрыве, лицом к воде (возможно, спиной к дереву). Физическое действие: поднятие головы и взгляда вверх. на луну. наклон головы и взгляд вниз. на воду, на поверхности которой отражается луна. Ближайшая цель этого действия: выход на космическую вертикаль, установление связей между верхом (дуной) - низом (собой, человеком,)- абсолютным низом (водой как отражающей поверхностью). Работа сознания: зрительное воспроизведение облика человека, как двойной акт - сначала увидеть его отражение в воде, ватем закрепить в своем сознании. Ближайшая цель этого усилия: уяснить, соответствует ли облик человека, дереву и проверить, как его облик воплощается в космос.

Конечная цель всей суммы действий, включая и сочинение хянга как словесное воспроизведение всей ситуации в целом: либо исправить положение дел в космосе (в случае несоответствия облика человека2 дереву), либо закрепить силой слова существующее идеальное его состояние. Т.е. совершенно очевидно, что перед нами индивидуальный ритуальный акт, который, учитывая роль космической вертикали, движение взгляда вверх-вниз, наличие хвойного дерева 10, может рассматриваться как далекий аналог воздвижению шаманского дерева. II

Рассмотрев хянга "Песня о хваране Кипха" и "Песня о туе", мы можем сказать, что в них не изображается пейзаж как таковой. В них воспроизводится сакральное пространство-время и дается формула космоса. В первой - космоса в идеальном его состоянии; луна-

вода = (человек $_2$ = дерево), во второи - космоса в состоянии дистармонии: луна-вода = (человек $_2 \neq$ дерево).

Обращает на себя внимание сходство структуры пространства в жянга и в сиджо, женре, возникшем на рубеже XIУ-XУ вв. Общими являются главные элементы космоса: луна (в силко - абсолютный верх и абсолютный свет), вода (низ и единственная значимая горивонталь в силжо). жвойное дерево как знак вертикали, в том числе - космической (в хянга - туя, в сиджо - сосна), прорисовка дерева (ветви). Общей является вертикальная ориентированность пространства. Выход на вертикаль в сиджо также понимается как приобщение к космическому порядку. Сходной оказывается ориентированность человека относительно воды (это же относится к его жилишу): вода впереди. Особое внимание уделяется ночи и луне и т.л. Так же как и хянга. "пейзажные" сиджо - монолог человекат. оставшегося один на один с космосом и связывающего состояние космоса с нравственным "обликом" отсутствующего в данный момент человека. (В сиджо это - государь, любимый). Т.е. повидимому, пейзажные сиджо разрабатывают тот вариант сакрального пространства-времени и те представления о связи человека с космосом, которые они унаследовали от жянга.

Рассмотренное здесь понимание космоса (включая и отношения человек $_{\rm I}$ - человек $_{\rm 2}$), как показывают работы A.C. Мартынова, было присуще также китайской культуре и проявлялось в философских, политических и художественных текстах (в том числе — пейзажной поэзии). $^{\rm I2}$

І "Хянга" или "санвэ норэ" — "песни родной стороны" — общее название древних поэтических произведений на родном языке, созданных в эпоху Силла (УП-Х вв.) и записанных способом "иду", основанном на использовании сементики и фонетики китайских иероглифов. Подробно о хянге см. М.И.Никитина, А.Ф.Троцевич, Очерки истории корейской литературы до ХІУ в., М., 1969, с.13-15, 68-119.

² Об институте хваран см. там же, с. 79-80. В данном случае важно иметь в виду, что система хваран была организована по иерар-хическому принципу, а также — выполнение хваранами шаманских функций. Наставник-хваран мог претендовать на преданность ученика только при условии соблюдения определенных нравственных норм. Об идеальном варианте отношений наставник-ученик см. там же, с. 102-104. о конфликтном — с. 181-184.

- В Переводы кянга даются в соответстьии с расшифровкой Хон Гимуна. 홍기군 , 농가허석 , 평양 , 1956г., с. 154—173. (далее — Хон Гимун).
- 4 Учитывая наличие и других расшифровок, мы включили в перечень значимых элементов только "бесспорные", т.е. совпадающие у ряда исследователей. Варианты расшифровок см. там же.
- 5 В тексте "Самгук юса" за облаком закреплено движение на восток как противоположное движению луны. См. славословие в жизнеописании "Учители, которые ходили в Индию" 소국 옷사
 - 6 хон Гимун, с. 285-302; варианты расшифровок см. там же.
 - 7 Самгук юса. с.551-552.
 - 8 Xon Tumyh. c. 300-301.
- 9 См. О.Фрейденберг, Поэтика сюжета и жанра, Л., 1936, с.104, 385 и др.; В.В.Иванов, Происхождение имени Кухулина, "Проблемы сравнительной филологии. Сб. к 70-летию В.М.Жирмунского", М.-Л., 1964, с.451. Об отношении к имени в корейских памятниках XI-XII в. в том числе в "Самгук юса" см. М.И.Никитина, К вопросу о роли зрительного знака, "Народы Азии и Африки",1973, № 5.
- 10 О ритуальной роли хвойных деревьев на Дальнем Востоке, в том числе в Корее см. Н.Я.Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч.П.М.— Л., 1950, с. 26, 39; Ю.В.Ионова, Погребальные обряды корейцев, сб. "Культура народов зарубежной Азии", Л., 1973.
- II В.Н.Топоров, к происхождению некоторых поэтических символов, Ранние формы искусства, М., 1972, с. 93-96, особенно о
 поднятии мирового дерева (или его образа шаманского дерева)
 как знаке установления "всех мыслимых связей между частями
 мироздания и прекращения состояния хаоса". Его же, Славянские
 комментарии к нескольким латинским архаизмам, Этимология 1972,
 М., 1974, с. 13-17, особенно о связи мировой оси с местом ритуального акта, о тождестве царя-жреца и дерева, о поднятии шаманского дерева и т.д.
- 12 А.С. Мартынов, О "персонализме" традиционных китайских возэрений на государство и государственный аппарат, сб. 4-2 82

"Общество и государство в Китае", М., 1970; Его же, О некоторых парадлелях в китайских философских, политических и художественных текстах, - сб. "Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего востока", М., 1976; Его же, К характеристике официальной идеологии средневекового Китая, - сб. "Общество и государство в Китае". М.. 1976; и др.

Э.С.Русинова

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ В РОМАНАХ БХАБАНИ БХАТТАЧАРИИ

В конкретном историко-литературном процессе современной Индии изображение положительного героя связано с критикой действительности, с мечтой об изменении общества, с верой в деятельного, активного человека, способного преобразовать жизнь. Именно таких людей стремится сделать героями своих произведений Бхабани Бхаттачария.

Бхаттачария — один из видных представителей современной англоязычной индийской дитературы. Писатель родился в северо-восточной Индии в 1906 г., образование получил в Патне, затем в Лондоне, занимался общественно-политической деятельностью, работал
журналистом, посетил много зарубежных стран, в том числе и СССР.
Бхаттачария занимался изучением древних архитектурных памятников
Индии, выступал как переводчик и исследователь литературного наследия Р.Тагора. Сочинения писателя переведены на 26 языков мира.
Русский язык был первым иностранным языком, на котором появился
перевод романа "Голод" за пределами Индии. Всего Бхаттачарии принадлежит пять романов: "So Many Hungers! ",1947, "Music for
Mohini", 1952, "He Who Rides a Tiger", 1954, "A Goddess Named
Gold ",1960, "Shadow from Ladakh", 1966. В нашей стране его
творчество известно по переводам первых трех романов.

В своих произведениях писатель стремился отразить все многообразие жизни, уловить новые черты действительности, нарисовать портрет современника.

Бхаттачария начал свою литературную деятельность вскоре после получения Индией независимости в 1947 г. Возможно поэтому, ос-

новная тема ранных романов писателя - поиски интеллигенцией CROSTO MECTA B HAMSHUBMENCS MUDS M SE DOJL B CTROMTSJECTES HO-BOR MUSHE. B ROMTHYCKON MUTCOSTYDE VAC OTMCYSMSCL KSK XSDSKTCDная черта нового этеля литературного процесса в освободившихся странах - появление литературного героя из интеллигенции. Озабоченного судьбой своего народа, исполненного чувством ответ-CTBEHHOCTH REDEA NOWSHIM SS BCC. 4TO ROOKCKONNT HE TOURN B MX странах, но и во всем мире. 2 К числу таких героев принадлежат молодой ученый Рахул Басу ("Годод"), помещик Лжаядев и врач Харикара ("Музыка для Можини"). Рахул - талантливый астрофизик. сын биржевого маклера, человек обеспеченный, имермий все основания, по мнению его семьи и окружающих, быть жовольным жизнью и своим положением, ствновится борцом, разоблачающим преступления колониализма. И хотя этот первый ромен Бхаттачарии отдечарт некоторая прямодинейность и схематизи образов, образ Рахуда бевусловно удача автора. Путь Рахуда, осознавшего необходимость борьбы, а не жизни "над схваткой", был в те годы судьбой многих RETOROTOR MHANN. Tex. KTO ROAOGHO PAKVAV. BEDNA. 4TO "TYME PODR DACCEDICA M HA FORMBOHTE SEFORMICA HOBBA BADA".

Герой ромена "Музыка для Мохини" поменик Джанжев и его друг доктор Хариндра озабочены социальными проблемами жизни Индии конпа 40-х - начала 50-х гг., переустройством патриархального уклада и преододением редигновно-кастовых предрассудков в индийской деревне. Лжандев - хознин деревни Бехуда - идеалист. изучающий древнюю философию и на ее основе пытающийся добиться гармонии в современной жизни. Он мучительно имет возможности вложнуть новую жизнь в отсталую, голодную, нишую и неграмотную деревню, В своем половом поместье он объявляет войну всему, что стоит на пути булущего прогресса. Он стремится помочь арендаторам-беднякам, сняв непосильный налог, продает свои семейные реликвии, чтобы спасти умирающих от голода крестьян, отказывается продавать верно по повышенным ценам. Джаялев - человек сильной воли и настойчивости. Такими, по мнению Бхаттачария, должны быть люди, посвятившие свои силы делу народа и новому будущему страны. Правписатель ограничивает деятельность Джаядева теми небольшими преобразованиями, которые он проводит в Бехуде и туманными планами переустройства деревни. Но Джаядев осознал свой долг перед народом и вместе с врачом Хариндрой, олицетворением более деятельного и активного начала в романе, безусловно представляет те силы

общества, которые доведут до конца борьбу за духовное и социальное раскрепошение народа.

Если в первых романах Бхаттачарии положительными героями являются представители прогрессивно настроенной интеллигенции. то в романе "Оседлевний тигра" таким героем становится представитель иной социальной среды. В начале повествования у кузнеца Калу из низмей касты камаров и заключенного Б-3 разные пели в жизни, разные мотивы приводят их к мысли ответить "уларом на удар". Б-3. бывший механик гаража, подавший в тррыму за полытку разгромить купеческие давки ради гододающих врдей, сознательно бросает вызов всем условностям и предрассудкам, менающим человеку стать счастанным. Б-З приходит к выводу, что для простых лодей. Тех. кого хозяева ваклеймили "подонками жизни", есть один выход - борьба. Он убеждает Калу недеть священный внур бракмана и начать борьбу с врагами (торговыми дельцами, маклерами, лицемерными священниками и ростовшиками, всеми, кто владеет благами живни и угнетает народ) их же средствами, используя предрассудки, обман и ханжество.

Бхеттечерия создает привлекетельный образ простого труженика, человека твердой вони и большого сердца, способного вопреки
вековым запретам переступить через кастовые преграды. Если в начале романа побудительным мотивом действий Калу является месть
именно тем, кто унизил его и его дочь, то постепенно он превращается в активного борца с самой действительностью, делающей
людей рабами. В условиях тех лет разоблачение кастовых предрассудков, осмеяние религиозного фанатизма требовало от художника
четкой гражданской позиции.

Писатель удовил реальные изменения в жизни страни, сделав героинями романа "Богиня-Золото" деревенских женщин, тех, кто в годы борьбы за независимость участвовал в этой борьбе, поднимаясь к протесту, отстаивая свои права. В центре романа — Мира, девушка из семьи бродячего певца, и Лакшми, жена сельского богача и спекулянта. Их обеих роднит постоянная забота о других, скромное мужество, стремление и готовность придти на помощь людям в трудную минуту. Они — истинные дочери Индии, уже осознавшие необходимость деятельной жизни на благо людей.

В одном из интервью, денном в годы создения ромене "Тень Ледакха", Бхеттачария сказал, что его волнует пассивность моло-дежи, и что только борьба против голода, низкого жизненного уровня и экономического отставания может спасти молодежь от опасного

равнодушия. Эту свою оценку действительности и роли, которую должна играть молодежь страны в решении всех стоящих перед Индией проблем, писатель и передал в "Тени Ладакха", произведении о борьбе нового и старого в жизни. Бхашкар, молодой инженер стронщегося сталелитейного завода, олицетворяет новую Индию, какой кочет ее видеть в будущем автор романа: свободной, независимой, порывающей с традициями, мещающими прогрессу. Бхашкар — борец со всем отжившим, уходящим в прошлое. В решимости Бхашкара смести все, что, по его мнению, мещает строительству новой жизни — смысл его борьбы с гандистской общиной, препятствующей расширению строительства завода.

Одной из основных структурных особенностей роменов Бхаттачария является, как нам представляется, то, что рядом с положительным героем неизменно присутствует "другое я" героя, его
единомышленник. Этот персонаж обично обрисован более скупо,
жногда схеметично, но он играет заметную роль и в становлении
героя и в сржетном ходе ромена. В "Голоде" — это эспирант Прокаш,
приобщающий Рахула к борьбе, служащий для героя образцом самопожертвования и честных устремлений. Логическая аргументация такого образа ясна: это совесть героя, его советчик и опора. Это
"второе я" героя (Прокаш, Лакшми, Хариндра, Б-З) важно и для эмоционального воздействия на читателя, ибо внушает уверенность в
том. что герой не одинок в своих лучших побуждениях и поступках.

Подвергая критике современную действительность, Бхаттачария в то же время возлагает большие надежды на проповедь самосовершенствования и добрых дел в преобразовании страны .Вместе с тем его романы и его положительные герои, несомненно, вносят свой вклад в великое дело обновления Индии.

В советской критике романам Б.Бхаттачарии было посвящено несколько статей: А.Дъяконов, Начало прозрения. - "Новый мир", 1950, № 4, с.276-278; И.Серебряков, Слава нашему брату! - "Звезда Востока", 1957, № 4, с.150-152; Е.Калинникова, Возвращение из мира заблуждений. - "Азия и Африка сегодня", 1963, № 11,с.62-63; она же, Об идейной направленности романа Бхабани Бхаттачария "Богиня-Золото". - "Краткие сообщения Института народов Азии", 1965, № 80, с.150-156; она же, Англоязычная литература Индии. М., 1974. (Глава "Злой силы" сокрушитель, с.95-106).

2 К.А.Белова, Введение. В кн.: Литература зарубежной Авии в современную эпоху. М., 1975. с.6.

Л.С.Савинкий

лирическая поэзия цаньян-джамцо (18 в.) и тибетский фольклор

(опыт формального анализа)

Выявление сходства и различия авторской поэзии и фольклора должно включать сравнение и анализ формальных особенностей, составляющих "технику" поэтического текста. Это возможно тогда, когда известны хотя бы основные черты "технического арсенала". О тибетском же стихосложении известно очень мало, почти ничего, за исключением самых общих замечаний, часто — противоречивых.

К началу XX в. в тибетоведении установился следующий взгляд на принципы тибетского стихосложения . Тибетские стихи отличаются от прозы только изосидлабизмом строк. В них нет различия между долгими и краткими гласными, нет разлицы между ударными и безударными слогами. Рифма появляется лишь в качестве редкого исключения.

Этот взгляд излагался декларативно, не подкрепляясь какими-либо примерами.

В первой четверти XX в. оформляется другое понимание природы тибетской версификации. Г. Франке, например, считал, что тибетская поэзия подвластна метру и чаще всего использует в качестве размера хорей, реже - дактиль, а очень редко - ямб. Это мнение -пример переноса норм и понятий заропейского стихосложения
на тибетскую версификацию.

Очевидно, что определение основных принципов тибетской версификации возможно только после выяснения строгими лабораторными методами фонетического фундамента тибетской поэзии. Тщательное исследование позволило бы выявить особенности просодии, долготы, ударности, характера тонов, т.е. тех фонетичес-

ких элементов, которые активно участвуют в создании той или иной системы стихосложения 2 .

Но и сейчас возможно выявление некоторых особенностей тибетского стихосложения при условии ограничения уровня исследования письменным текстом, т.е. графической ваписыю стихов, включая свда традиционную транскрипцию.

Прежде всего, можно выделить давно подмеченный учеными изосимиабизм стихотворных строк, который явно играет роль основного ритмического определителя в системе тибетской версификации на протяжении многих веков.

Анализ тибетских рукописных текстов 9-10 вв., виночающих образцы устной народной поэзии и найденных на территории северовосточного Тибета, показывает доминирующее значение изосиливбизма в древней поэзии тибетцев³. И наиболее распространен иестисложный размер строк. Например, тексты, изданные Ф.В.Томасом в 1957 г. (см. прим.3), свободные от буддийского влияния, имеют в общем итоге 721 стихотворную строку, из которых 315 строк (или 43,8%) составлены из 6 слогов, 5 слогов имеют 149 строк, в 7 слогов - 75 строк из 721. Остальные размеры употреблялись гораздо реже. При этом почти нет смещения строк различной длины: различеные стихотворные пассажи, разбивающие прозвические в основном тексты, состоят, как правило, из строк с одинаковым числом слотов.

Местисложный размер строк очень популярен и в более позднем тибетском фольклоре. Однако, в письменной лит-ре ,созданной под буддийским влиянием, самый короткий размер — семисложный.

Около 2/3 тибетских народных песен, записанных и опубликованных в XIX-XX вв., имеют шестисложные строки. Чаще всего это лирические песни типа "шай", состоящие из 4 строчек по 6 слогов каждая. Они исполняются во время танцев, игр, застолья и т.д.⁴

Однако, изосиллабизм вряд ли может быть единственным "поэтическим средством". И следует искать в тибетской ноэзии не рифму, а нечто более вирокое: звуковые повторы в поэтических строках, которые, возможно, играют роль вспомогательную, но - существенную в "поэтизации" текста.

В упомянутых выше памятниках 9-10 вв. звуковых повторов мало, за исключением повтора из строки в строку, чаще всего после второго слога, частицы "ни" (ni ; одна из ее функций - выделение подлежащего), которая активно участвует в создании ритмикосинтаксического параллелизма (его существование в древней тибетской поэзии, как мы считаем, очевидно), другого важного поэтического средства в древней тибетской поэзии. Позднее, в ІЗ-19 вв., регулярное употребление "ни" прекращается.

Изучение текстов тибетской народной поэзии, записанных в XIX-XX вв., показывает наличие довольно большого количества вву-ковых повторов, включающих повторы слогов и слов. В последние годы тибетский ученый проф. Намкаи Норбу Деван опубликовал текст и перевод 218 лирических песен "шай" (Ezhas ; четыре строчки по шесть слогов в каждой)⁵. Пример песни из этого сборника:

shar-song-shar-nas-shar-ba'i shar-gyi-dkar-gsal-zla-ba shar-nas-mub-la-ma-phebs dgung-gi-dkyil-la-bzhugs-dang

Взойди, сияние востока, Востока — белея, ясная луна ! С востока на запад не уходи, Пожалуйста, останься в центре неба!

В тексте песни легко заметить повтор в начале I-2-3 строчек слога (в данном случае и слова) " shar" (восток, восход; приходить - о времени; появляться). Это пример анафоры, т.е. единоначатия строк. Играют "поэтическую" роль и повторы " shar " в середине первой строки. В конце первых двух строк мы имеем слоги " ba'1 " (показатель рода + родительный падеж), " ba" (показатель рода), в которых - повтор согласных и сходство гласных. Это уже эпифора.

Из 218 народных песен этого сборника 92 песни (42,2%) имеют анафору, включающую повтор слогов и слов (76 песен из 92, т.е. 82,6%) и сходство согласных и гласных звуков в начале строк (16 песен из 92, т.е. 17,3%).

Употребляются следующие фигуры анафоры: аббг (20 песен из 92, т.е. 21,7% из числа всех песен, имеющих анафору), абаг (12 песен; 13%), абвб (10 песен; 10,7%), абва (10 песен; 10,7%), аваг (10 песен; 10,7%), аваг (9 песен; 9%), аваз (4 песни; 4,3%), аваг (4 песни; 4,3%), аббб (4 песни; 4,3%), авав (3 песни; 3,2%), абаб (2 песни; 2,1%).

Эпифора (повтор слогов или слов, а также сходство авуков в конце строк) встречается в IIO песнях (49%) из 218 песен, причем повтор слогов или слов - в 81 песне (73,6%), в сходство согласных и гласных авуков - в 29 песнях из IIO (т.е. 26,3%).

Употребляются следующие фигуры эпифоры: аавг (30 песен из IIO, т.е. 27,2% из числа всех песен, имеющих эпифору), абаб (21 песня; 19%), абаг (18 песен; 16,3%), абаб (16 песен; 14,5%), авав (7 песен; 6,3%), абав (6 песен; 5,4%), аваг (4 песни; 3,6%), абаб (1 песеня; 0,9%), авав (1 песня; 0,9%).

Анафору и эпифору вместе мы встречаем в 50 песнях из 218 (22.9%).

Всего же, из 218 народных песен 153 песни (или 70%) имеют в начале или конце строк повторы слогов, слов, а также звуковые подобия. Из этих 153 песен 45 песен (29,2%) используют звуковые сходства или подобия, остальные (108 песен) - повтор слогов или слов.

К этому же типу песен "шай" тибетская традиция относит и песни (в XX в. они бытуют в качестве песен) Цаньян-джамцо (1683-1706 г.). Действительно, ряд формальных признаков (4 строчки по 6 слогов каждая), как и лирическое содержание, позволяют это сделать. Кроме того, мы обнаружили в песнях Цаньян-джамцо звуковые повторы, которые заслуживают изучения и последующего сравнения с подобным же явлением в фольклоре.

Мы изучили все 66 песен Цэньян-джамцо 6 . Вот одна из них. shar-phyogs-ri-bo'i-rtse-nas

dkar-gsal-zla-ba-shar-byung
ma-skyes-a-ma'i-zhal-ras
yid-la-'khor-'khor-byas-byung

Сквозь горные вершины востока Проглядывает белея дуна. Лицо юной девушки Чудится мне.

Эта песня (как и народная, приведенная выше) упоминает луну, но каждая из них делает это по-своему. Намкаи Норбу Деван снабдил каждую народную песню бытующей в народе расшифровкой содержания. Песня о луне, приведенная выше и взятая нами из фольклора, озна-

чает: "Не покидей, добимая меня! Останься со мной!". Таким обравом, фольклорные песни типа "шай" могут употребляться тибетцами как своего рода "поэтический язык", своеобразное средство общения. Только что приведенная песня Цаньян-джамцо, как и другие его песни, не требует пояснений: она и так понятна. И в этом большое отличие авторской поэзии от народной.

В этой песне Цаньян-джамцо вет анафоры, если не считать вовпадения гласных и конечных согласных в первом слоге I и 2 строчек (ar). В песне есть эпифора (2 и 4 строчки — совпадение последних слогов. I и 3 — созвучие).

Анафору имеют ІЗ песен (І9,7%) Цаньян-джамцо из 66, вилючая сюда повтор слогов и слов (ІО песен из ІЗ, т.е. 76,9%) и сходство или подобие звуков (З песни из ІЗ. т.е. 23.1%).

Употребляются следующие фигуры анафоры: аббг (3 песни из I3, т.е. 23% из числа всех песен с анафорой), абвб (2 песни, т.е. I5,3%), абва (2 песни; I5,3%), абвв (I песня; 7,6%), аваг (I песня; 7,6%), абвг (I песня; 7,6%), абвгве (I песня; 7,6%), авврде (I песня; 7,6%).

Эпифора встречается в 32 песнях (48,4%) из 66, включая повтор слогов и слов (26 песен из 32, т.е. 81,2%) и сходство и подобие звуков (6 песен из 32, т.е. 18.7%).

Употребляются следующие фитуры эпифоры: абъб (9 песен из 32, имеющих эпифору, т.е. 28,I%), абаг (7 песен; 2I,5%) абаб (4 песни; I2,5%), авъг (3 песни; 9,3%), абог (3 песни; 9,3%), авъг (I песня; 3,I%), абъв (I песня; 3,I%), авъв (I песня; 3,I%), авъг (I песня; 3,I%), авъг (I песня; 3,I%), авъг (I песня; 3,I%).

Анафору и эпифору вместе используют 8 песен (I2,I%) из 66. Всего же, 37 песен (56%) из 66 песен Цаньян-джамцо имеют различные виды анафоры и эпифоры, II песен (28,9%) из 37 — сходство и подобие ввуков, остальные — повтор слогов или слов.

В фольклоре и у Цаньян-джамцо наиболее распространенная фигура анафоры аббг (соответственно, 21,7% и 23%). Но самые респространенные фигуры эпифоры — совершенно разные. В фольклоре — аавг (27,2%), а у Цаньян-джамцо — абвб (28,1%). Это говорит о родстве и различии авторской поэзии Цаньян-джамцо и фольклора.

Несомненно, Цанъян-джамцо писад в традиции народной позлик (в первую очередь, в традиции песен "шай"), пользуясь теми же средствами стихосложения, что и фольклор: изосиллабизм, ритмико-

синтаксический и психологический параллелизмы (например, сопоставжение белой дуны и лица молодой девушки), звуковые повторы. Но можно видеть, что он в то же время в какой-то степени отходит от традиций, более свободно выбирает те или другие "техничес-кие" поэтические средства. Именно об этом свидетельствует тот факт, что Цаньян-джамцо несколько реже (56% песен вместо 70% в фольклоре) употребляет повторы слогов, слов и звуковые подобия в начале и конце строк, но шире использует параллелизмы, в которых противопоставляет или сопоставляет природу и человека.

Г.Г.Свиридов

ПРИНЦИП "ДХВАНИ" В ПОСТРОЕНИИ "ПОВЕСТВОВАНИЯ, СОБРАННОГО В УЛЗИ"

В IX-XII веках в Японии получили распространение собрания коротких (чаще всего от 2-х до 7-ми страниц рукописи) легенд, преданий, новелл и анекдотов, получивших общее название "сэцува"

I _{См.}, например, известные работы Ч. де Кёрени и С.Ч.Даса.

² Первое и образцовое исследование основных принципов монгольской версификации на основе фонетических экспериментов сделано в работе: Л.К.Герасимович, Монгольское стихосложение, Л., 1975.

BHANDAMED, B TEKCTAX: J.Bacot, F.W.Thomas, Ch.Toussaint, Documents de Touen-Houang relaties a l'histoire du Tibet, Paris, 1940; F.W.Thomas, Ancient Folk-Literature from north-eastern Tibet, Berlin, 1957.

⁴ Несколько сот песен "шай" (без текста, только перевод): M.H.Duncan, Love songs and proverbs of Tibet.London. 1961.

⁵ Namkhai Norbu Dewang, Musical tradition of the Tibetan people, Roma, 1967.

⁶ Yu Dawchyan, Love songs of the Tshang-dbyangs-rgya-mtsho, Peiping, 1930.

("повествование"). Часто они носили буддийскую окраску, но ближе к концу указанного периода все больже создавалось сацува светского содержания. Исследователи до последнего времени не причисляли сборники сацува к памятникам "высокой" литературы.

При оценке произведений этого рода главным мерилом значимости объявлялись не литературно-художественные достоинства, но объем сочинения. Так, наиболее серьезным достижением жанра считается "Собрание повестей о ныне уже старинном" ("Кондвяку моногатари сю", XП век), при этом большинство исследователей как на основное достоинство указывают на феноменальный объем этого действительно одного из самых крупных в истории мировой литературы сборников рассказов (I 200 названий).

В теории жанров старояпонской прозаической литературы во-HDOC O JUTEDATVDE CHUBA ("CHUBA CVHTAKV") OCTACTCH JO CHX HOD одним из наименее разработенных. За последние 30 дет стала вырисовываться концепция, согласно которой роль сэцува в истории ANTEDATYON SAKADYSETCS B HOMPOTOBKE HOURN ALIS TERMY HOUNTSEMMY жанров как эссе ("дзуйхицу") и военные повести ("гунки"). Таким образом, сборникам сэцува отводится не самостоятельная, а подсобная родь в истории литературы. В формировании такого взгляда немалую роль сыграла позиция знаменитого писателя Акутагава Рюноскэ (1892-1927). Собственно, именно его заслугой является то. что в Японии XX века вообще вспомнили о почти забытой литературе. В своем творчестве Акутагава неоднократно использовал сржетные линии. заимствованные из старых сборников сэцува. Не ограничиваясь только сожетом. Акутагава, несомненно, червал из старых сэцува само вдохновение. Чутко улавливая и передавая поразительную гамму настроений, запечатленных на страницах этих "бесхитростных рассказов. Педевры Акутагава, созданные по мотивам сапува, в немалой степени способствовали возбуждению широкого интереса читающей публики (в числе се были, конечно, и ученые-филологи) к позднежайнискому полуфольклору. Отдавая должное Акутагава, мы тем не менее хотим указать и на негативные стороны его оценки сэпува. Удивительно тонко почувствовав самый дух отдельных рассказов. Акутагава пренебрег цельностью тех литературных памятников, из которых он черпая сюжеты. В самом восхищекем, которое Акутагава выражел по поводу сэцува, сквозит глубоко запрятанное OTHOMEHUE K HUM, NOK K JUTEPSTYPE KOK OM BTOPOFO COPTO, KOK K CHрому материалу. Можно думать, что именно свои творения, созданные "по мотивам". Акутагава и считал образцом завершенности, сами же

сацува были для него прежде всего источником, откуда можно заимствовать и сюжет, и настроение. Не случайно одно из главных качеств, ценимых Акутагава в сацува — это "ярость" — в том ее значении, которое очень точно схвачено Андреем Платоновым в названим рассказа "В прекрасном и яростном мире", "Ярость" эта, по нашему мнению, есть поэтическое ощущение происходящих социальных катаклизмов, трагическое сопереживание момента "крушения мира", проявление и отражение своего рода "апокалиптических" настроений.

Трудно винить Акутагава в том, что он "не заметил" цельной стройности "Собрания повестей о ныне уже старинном" — он, очевидно, просто не считал последовательную до мелочей "классифи-кацию" сржетов, принятур в этом памятнике за основу, скольконибудь значительным кудожественным достижением. Досаднее то, что Акутагава пренебрег кудожественными принципами организации материала в "Повествовании, собранном в Удзи" ("Удзи сри моногатари", XII век), памятнике, где формально-сржетная классификация почти безоговорочно отвергается.

"Повествование" состоит из 197 рассказов-сэпува, которые сгруппированы в I5 свитков ("маки"). Действительно, формальный подход к произведению приводит к выводу о хаотичности, бессистемности его общей структуры. Попытка проследить тематическую или сржетную общность в соседствующих рассказах породила так называемую концепцию "звеньев", эпология которой содержится в труде проф. Д.Миллза. I Концепция "звеньев" не покрывает, однако, всего содержения памятника. В "эвенья" входит лишь какая-то часть общего числа рассказов. Главное же. концепция ввеньев не позволяет BCKDNTL JOPHKY DASBUTHA ABTODCKON MNCJN. HO CYMECTBY HMYGFO HE дает для понимения вамысла "повествования". Характер расположения звеньев в памятнике предстает случайным, как бы неподвластным разумению, сами же звенья никак не сочленяются на между собою, ни с окружающим материалом, существуют автономно. Концепция ввеньев не только не позволяет приблизиться к пониманию общей структуры памятника, но даже вступает в противоречие с традиционным делением памятника на I5 свитков.

Согласно нашей точке врения, общая структура "Повествования" не может быть вскрыта методами чисто формального рассмотрения. Верный подход к толкованию художественной ценности "Повествования" может быть разработан, если отвлечься от имеющегося взгляда, в рамках которого и выдвинута концепция звеньев и согласно ко-

торому "Повествование" - это сборник пестрых рассказов, различных по своей астетической, идеологической, познавательной ценности. Осознать неадекватность такого толкования позволяет простейший пример. Попробуем исключить хотя бы один из почти двухсот рассказов памятника, и мы заметим, что нарушили некую систему неформальных связей между рассказами, связей ,лежащих, по существу, за пределами текста. Подобно тому, как в "Занисках от скуки" нельзя поступиться ни одним, даже самым маленьким даном, так и в "Повествовании" невозможно отказаться ни от одного элемента-сацува, ибо это приведет к нарушению логики развития авторской мысли.

Признав наличие сквозной идеи, связующей рассказы-сацува, мы должны будем заключить, что простое "безыскуственное" изображение каких бы то ни было событий, ситуаций, личностей не было единственной и конечной целью автора "Повествования". Анализ неформальных связей на протяжении всего памятника доказывает, что в данном случае автор ставил перед собой иную задачу; что рассказывая различные истории, всегда интересные и значительные сами по себе, автор делает это лишь для того, чтобы внушить читателю некоторое представление, пробудить определенное чувство, которые подчас никак не сформулировано в тексте. Толчком для возникновения подобного представления является рассказанная история, ассоциации, возникающие при описании отдельных персонажей, ситуаций или реалий. Благодаря определенной организации текста эти представления сменяют друг друга в заданной последовательности. друг на друга наслаиваются.

Мы вполне можем себе представить ход развития читательских представлений, эмоций, как некую весьма сложную партитуру, конечно, ограниченную рамками индивидуального и историко-культурного порядка. Нам представляется правомерным интерпретировать структуру и особенности построения "Повествования" в терминах индийской теоретико-литературной концепции "дхвани". Принципам организации "Повествования" более всего соответствует определение, согласно которому "дхвани" - это "эхо, возникающее за стеной высказанных мыслей". Феномен дхвани не может быть подвергнут вдесь исчерпывающему анализу. Чем более совершенен эффект дхвани, достигнутый в произведении, тем сложнее поддается он описанию и истолкованию.

Показать во всей исчерпывающей полноте внутреннюю логику построения материала в памятнике можно лишь аппелируя к конкрет-

ному материалу. В качестве объекта для демонстрации нашей методики в данной статье избран последовательный ряд рассказов из I2 свитка "Повествования". Здесь в рамках ограниченного материяда проявдяются те раздичные виды дхвани, понятие о которых сфор-MYRNDOBAR AHARRABADAXAHA . OT CAMOTO SHEMEHTADROFO CRYSAR. KOTда полью является вызвать некую простую мысль. Ло высмего уровня, когля повествование возбужлает некое поэтическое настроение. 8 B HAMON CAVARO - VODEAV M HEAVE PRIMAY COCVERCTBYDEUX NACTOOный. Так. общим для рассказов о святых мудрецах Двога (ХП.7) и Сёбо (ХП.8) является чувство веры или, если судить по вызванному этим чувством эффекту - благоговение перед святыми. Однако в более широком плане рассказы о необычайном поведении обоих монахов вызывают дхвани мужества - ибо надо иметь немадую сиду воли, чтобы пойти наперекор обжепринятым нормам, сознательню обречь себя на насмешки, презрение толпы ради идек. А дхвани мужества это уже общее настроение всего 12 свитка, кульминацией которого является повесть с откровенно заявленной темой геройства - история единоборства японского воина с тигром (ХП.19). Попробуем вычленить последовательно различные виды лхвани, присутствующие в данном отрезке текста.

Вид А. На стыке рассказов с Дзога (ХП.7) и Сёбо (ХП.8) возникает дхвани элементарного уровня. Приглашенный к императрице совершить обряд пострижения. Изога прибывает во дворен и там демонстрирует некую натуралистическую сцену. Рассказав этот эпизов. автор сознательно умалчивает о другом, не менее "благодарном" по метериалу. Этот другой рассказ, включенный во многие сборники ("Дзокуодзёдэн", "Хоссинсю", "Хякуиннэнсю") повествует о том, как в день провозглащения некоего Дама архиепископом Двога обнаженный присоединился к торжественной пропессии верхом на корове. прицепив к поясу вместо меча вяленую кету. Естественно, такой эпизод доподнил бы уже набросанный портрет эксцентричного монажа. но автор не включил его в свое повествование. Вместо того он переходит к рассказу о Сёбо, в жизни которого произошла подобная же история: именно эта история и рассказывается здесь. Умодчание о сходном происвествии с Дзога. Ожившем в сознании читателя. и создает джавни эдементарного уровня. Возникающая на этой почве ассоциация надежно скрепляет оба рассказа неформальными узами. Примечательно, что Сёбо - деятель более раннего периода и, повествуя о его манере поведения, автор пытается показать. Что Двога - не взбалмошный человек, а его поведение тем более обосно-

5 82

вано, что имеет прецедент. Попутно заметим, что чуть ранее в тексте используется тот же тып дхвени для сцепления рассказов о Куя (ХП,6) и Дзога (ХП,7). В рассказе о Куя сообщается, что он в детстве получил травму, что же касается Дзога, то здесь умалчивается. что святой в летстве упал с повозки.

Вид Б. Собственного отношения к героям автор не высказывает, но все же есть основания полагать, что отношение это — благоговейное. На это указывает символика, использованная в рассказах. Так, когда зеваки ожидают появления Сёбо, он показывается на неоседланной корове с западной стороны. Введением этой детали самому появлению Сёбо придается двойственный характер. Теперь это не только обычный монах, склонный к эксцентризму, но в глазах посвященных, — мессия, явившийся со стороны Западного рая будды Амида. То же и с Даога. Когда его эксцентризм достигает апогея, в самую критическую минуту он оказывается у западной решетчатой ограды.

Вид В. Вместе с тем и поведение Дзога, и поведение Сёбо может быть воспринято (и воспринимается в рассказах "толпой", что
зафиксировано в тексте) в вмористическом плане. Линия скоморомества, щутовства, иными словами, дхвани вмора находит свое завермение и неожиданное предомление в следующем рассказа — о монахе-обманцике (ХП,9), якобы воздерживающемся от злаковой пища. Контраст
между историями о Дзога и Сёбо и этим рассказом резок и многопланов, хотя вся глубина этого контраста ощутима лишь для того,кто
проник в подтекст, почувствовал дхвани. В первом случае само щутовство есть ширма, прикрывающая благородство намерений "актеров",
в последнем оно составляет сущность натуры и действий персонажа.
Вместе с тем, в первом случае щутовство носит открытый, демонстративный характер, в последнем — оно случайно вскрывается благодаря праздному любопытству молодых зевак-придворных.

Вид Г. Наиболее общее для всего свитка дхвани мужества, подспудно существующее, как мы уже сказали, в историях с Дзога и Сёбо, также выливается в конечную кульминацию — в рассказе о схватке японца с тигром, подобно тому, как дхвани юмора "материализовалось" в только что упомянутом рассказе о монахе-обманщике. После сюжетного воплощения определенное дхвани исчезает, если не навсегда, то на какое-то время, из поля зрения. Пока не происходит "материализация" дхвани мужества в рассказе о бесстрашном воине, оно время от времени возникает то в одном, то в другом рас-

сказе, не становясь при этом непосредственно темой повествованыя, главным настроением (прасап - по определению мнлийской поатики). Так, несомненно наличие джвани мужества в рассказе о поединке императора Уда с мстительным духом Тоору (XII.15). Поединок этот происходит не на мечах, а на словах, и своей побеле император обязан исключительно собственной стойкости и самообдаланию. Еще менее прямодинейно использование дувани мужества в диалоге безымянного мальчика с Конфуцием (ХП.16). Уливительному мальчику восьми лет от роду удалось своими вопросами и доводами озадачить самого Конфуция в диспуте о соотношении видимого. кажущегося и сущного. В своем ответе на вопрос мальчика о том. что дальше - город Лоян или место, где заходит солнце. Конфуций MCXOMUT NO SHORMS. HOW STOW OTHER OFO BNDWBBOTCS C MCPROCTED KAK бы сам собой: "Место, где заходит содине - далеко, Лоян - близко". Вдумчивый мальчик резонно возражает: "Как же так? Вель Лоян не вилен. а место, где заходит солнце - видно. Значит, оно близко. а Лоян - далеко". Автор рассказывает далее, что Конфуций по-TYBOTHOBAL, KAK VNOH STOT MARLYNK, 8 HADOZHAR MOZBA DASHOCZA слук, что он - не "обычный человек", поскольку среди людей никто не был в состоянии так озадачить мудреца. Мы оставляем в стороне гносеологические позиции автора "Повествования". Нам важнее отметить вдесь ту существенную для него смелость, с какою дитя высказывает и отстаивает свое суждение. Смелость эта ассоциируется с бесстращием императора Уда. вступившего в единоборство с мстительным духом. Сходство ситуаций подчеркивается и тем. что оба героя в результате одерживают победу над своими более сильными противниками.

Таким образом, в данном последовательном ряде рассказов нами вскрыты определенные закономерности. Соседствующие рассказы могут быть связаны между собой дхвани на уровне А. Этот же элементарный уровень может связывать и более удаленные друг от друга рассказы, если такая связь почему-либо необходима автору. Так, в пределах свитка, как правило, есть несколько отчетливых, иногда перекрещивающихся связей на уровне А — они, по нашему выражению, "цементируют" текст. Иногда связь на уровне А соединяет межсвитковые границы — отметим, например, тематическую общность заключительного рассказа свитка 3 и первого рассказа свитка 4. По мере своего усложнения (в возрастающем порядке уровни Б,В,Г) роль дхвани постепенно меняется. В своем высшем проявлении (уровень Г) дхвани

по своей функции смыкается с "раса", поэтическим настроением. В функции Г джвани служит уже не для "цементирования" текста, создания конкретных связей между рассказами, но для формирования некоего поэтического настроения, которое обуславливает идейно-художественное единство свитка. Так, например, для свитка I это настроение — чувство неуспеха, психологической неудачи, для свитка 2 — чувство трагизма, возникающее от соверцания противоречий между внешним, поведенческим уровнем человеческой дичности и ее внутренней сущностью. Свиток 6 проникнут "раса" необычайного, а свиток 5 — это диалог раса веры и раса вмора. Поэтическое настроение, возникающее в результате воздействия джвени, позволяет приблизиться к пониманию авторской мысли, иногда весьма изменчивой и сложной. Так, если свиток 7 посвящен рассмотрению натуры человеческой в ее "малых" проявлениях, то свиток 8 обращается к "великому", главному в человеческой природе.

Выявление принципа дхвани как важнейшего элемента в структуре "Повествования" позволяет увидеть и правильно истолковать художественную задачу, поставленную автором в нестоящем произведении, задачу, которая по своему "посылу" предвосхищает дальнейший путь развития литературы, в частности, японского эссеизма,
с его пристальным вниманием к человеческой природе, к тончайшим
оттенкам и игре человеческой мысли. Вместе с тем, принятие принципа дхвани как эстетической концепции "Повествования" позволяет,
как нам кажется, объяснить, почему это произведение названо
повестью, повествованием. Несмотря на видимую разрозненность
отдельных сюжетов, книга эта представляет собой, несомненно, связное целое, единое повествование с особой логикой построения текста.

I D.Mills, A Collection of Tales from Uji, Cambridge, 1970.

 $^{^2}$ Анандаварджана. Джваньялока. Пер. Ю. Алихановой, М., Изд-во "Наука", 1975.

О.Л. Ониман

к проблеме "Системного" изучения сборников бицзи

Речь идет о методике исследования той разновидности сборников китайской прозы малых форм, которая именуется бицзи. Общие
положения основываются на изучении сборников "Странные истории
Ляо Чжая" Пу Сун-лина, "Заметки из жижины Великое в малом"
Цзи Юня и "О чем не говорил Конфуций" Юань Мэя. Цель исследования — выявление того общего, что определяется самой природой
бицзи, и того особенного, что специфически присуще сборнику индивидуального автора.

Сам характер исследуемого материала подсказал единственний, как кажется, возможный подход к этому материалу — рассмотрение сборника бицзи как некоей единой идейно-художественной системы, части которой (отдельные произведения) связаны друг с другом и со всем целым разными способами (повторяющимися темами, сожетами, мотивами, пространственно-временными координатами, персонажами — характерами и авторским взглядом на мир).

Выделение общего и особенного возможно в том случае, когда сравниваемые объекты (в нашем случае - сборники бицви) рассматриваются как некие системы, построенные по определенным "законам". Основным конституирующим "законом" для сборников бицзи как некоего "рода" литературы является принцип повторяемости, реализуршийся в двух планах: с одной стороны, именно ему этот род литературы (как и всякий другой ее род, вид или жанр) обязан своим длительным существованием в истории китайской литературы (с У по начало ХХ в.), с другой (здесь имеется в виду более узкий аспект, касающийся структуры отдельных сборников), повторяемость сюжетов внутри одного сборника является одним из самых характерных признаков бицзи.

К рассмотрению особенностей литературного "рода" представляется правильным подходить с тех же позиций, что и к жанру. По точному определению М.М.Бахтина, жанр — "это память искусства" (2,142). Это значит, что жанр — явление историческое: он сохраняет весь опыт предшествующей литературы, в основе его лежит литературная традиция, передающая последующим поколениям какие-то постоянные, устойчивые (т.е. повторяющиеся) черты и в то же время оставляющая свободу для эволюции, для внесения авторами, пишущими в этом жанре, чего-то своего, нового; это новое отражает особенности эпохи и авторской индивидуальности, но оно не нарушает баланса признаков, образующих жанр, а делает произведения этого жанра вариантами некоего инварианта (каковым является сам жанр по отношению к отдельным произведениям).

В другом месте (7) мы подробно останавливались на характеристиках сборников билзи. Здесь ограничимся упоминанием о том. что авторов бишки интересовали не только исключительные и необычные случан. но и факты истории. научные сведения. этнографические наблюдения. Поэтому наряду с сюжетными произведениями они вилючали в свои сборники своболные по форме наблюдения нал жизнью СВОИХ СОВДЕМЕННИКОВ. ВПСЧЯТАЕНИЯ ОТ ПОЕВЛОК ПО СТОАНЕ. НАУЧНЫЕ и публицистические заметки. И сржетные произведения и заметки тяготели к "факту": какое бы маловероятное событие ни описывалось, сообщалось место и время действия, часто вволидся рассказчик или "свилетель" происшествия. П.Хонэн считает одной из характерных черт полобных рассказов то, что они представляются как "подлинное переживание" повествователя или его знакомого. "Интересно, до какой степени утверждение о подлинности переживания обусловливает саму форму произведения. Оно снижает пенность структуры, отдает первенство разъединенным отрывкам информации, имершим привкус аутентичности" (14.187). Акад. Я.Прушек считает биизм записями обо всем, что привлекало внимание писателей, заметками об одном факте. превращавшимися в "архив фактов" (16. 609-6IO).

Несколько видоизменяясь на протяжении веков, сборники бицзи сохраняли свои основные характеристики: сочетание сюжетных и бессюжетных произведений, использование в одном сборнике разных жанров прозы малых форм⁸, известную "фактографичность", леконизм изложения, связанный со сравнительно небольшим объемом произведений, скупость и относительную простоту изобразительных средств, определенную структуру сборников, в которых часто рядом помещались материалы то сходные по жанру или тематике, то резко отличающиеся друг от друга (что создавало эффект неожиданности, нарушало некоторое однообразие, создававшееся повторяемостью тем и сюжетных ситуаций), сочетание фантастики и реальности, определенную дидактическую направленность, иногда выраженную открыто, иногда — имплицитно.

Посмотрим, как эти характеристики бицзи функционируют в сборнике Пу Сун-лина. Сразу оговорим, что этот сборник занимает особое место в системе бицзи, так как в нем есть повести (в других сборниках отсутствующие), язык Пу Сун-лина очень сложен, полон намеков, реминисценций, цитат⁴; в "Странных историях Ляо Чжая" множество образных выражений, сравнений, метафор и метонимий, тавтафонов и т.п. средств выразительности (нетипичных для других сборников бицзи). Но в "плане содержания" и в самой структуре сборника мы находим, как представляется, веские основания для отнесения его к "роду" бицзи". 5

В сборнике Пу Сун-лина 12 заметок, множество быличек и сообщений с едва намеченным сюжетным ядром, есть анекдоты, множество новелл, есть большие рассказы, повести, 2 сказки. Но дело не только в сочетании сюжетной и бессюжетной прозы, использовании разных жанров, наличии дидактических и лишенных дидактики произведений, сочетаний фантастики и реальности, главное — тот принцип повторяемости, который прослеживается на уровне идей, тематики, сюжетности, фольклорных мотивов и персонажей.

Взятая отдельно, сама по себе маленькая заметка в 25 мероглифов представляется криптограммой: "Зимней ночью гола и-вай правления под девизом Шунь-чжи (1655 г.) на небе появились исроглибы, красные, как огонь. Они гласили: "Разве периол Белой текомы спокойный? Вернувшаяся к власти династия быстро умиротворит /страну7" (IO. т.П. с.926). Рассматриваемая в контексте сборника, пронизанного антиманьчжурским пафосом, она звучит как часть единого идейного целого. Если принять во внимание, что в толковом словаре "Пы юзнь" выражение "цветение текомы" объясняется с привлечением контекста одной из "Малых од" "Шицзина", в которой идет речь о вторжении сюнну в пределы Китая, то "красную надпись на небе" можно рассматривать как противопоставление беспорядков, вызванных вторжением маньчжур, миру, который принесет стране возвращение на престол национальной династии Мин (а именно под этим лозунгом проходили народные восстания во второй половине ХУП в., свидетелем которых был Пу Сун-лин). Понятая таким образом. Эта заметка становится в один ряд с такими антиманьчжурскими произведениями Пу Сун-лина, как "Разлука во времена смуты", "Бесы-посыльные", "Госпожа Линь", "Женшина из семья Чжан", "Маленькие гробы", "Дикий пес" и другие новеллы, в которых, по выражению акад. В.М.Алексеева, звучал голос " негодующего патриота" (I, 444).

Основная опповиция в "Странных историях Ляо Чжая" носит характер не этический, как у Цзи Юня (добрый-влой, хороший-плохой), а социальный (власть имущий-бесправный, богач-белияк). Пелый ряд новели строится на этой оппозиции, являющейся велущей темой сборенка. Разные сижетные ситуации, разные повороты сижета - варманты этой темы, реализуемой каждый раз по-новому, но сохраняющей общие черты. Множество произведений показывает.как анчине чиновники грабят народ, как бесправны не только крестьяне. но и белные ученые, неудачливые претенленты на чиновничыю ADARHOCTS. HE MOTVENS CASTS FOCUMENCE SESSMENH HOTOMY. 4 TO сульбу их решают продажные экзаменаторы - взяточники и тупицы. не желариме и не умериме распознать подлинный тадант. Богачам лозволено все: можно отнять у обедневшего студента возлюбленную ("Помежался на книгах", "Красная Ящиа"), жену ("Сян Гао в тигре", "Укрощение Цуй Мэна"), любимую вещь ("Камень с отверстиями"). даже покуситься на магическое умение ("Фокусы даоса Даня"). Всякие попытки разоблачить стоящих у власти негодяев обречены на неудачу, ибо судопроизводство вершат те же чиновники-взяточники. С помощью взятки богат может засадить в тюрьму неугодного ему человека, безнаказанно убить соперника в любви, погубить студента, задевшего влиятельного человека неосторожным словом или насмешливым стишком ("Шан Сань-гуань". "Бесовка Сяо Се").

Власти, покровительствующие казнокрадам ("Единственный чиновник"), поддерживают воров и грабителей. Любой разбойник, на-жившийся на грабежах, легко находит общий язык с местными властями, как это происходит в знаменитой новелле "Семьи разбойников" (правитель области так боялся разбойников, что выделил их в отдельные разбойничьи дворы и всегда поддерживал во время их тяжб с честными людьми. Дошло до того, что для того, чтобы выиграть тяжбу, не только люди, но и лис-оборотень называет себя членом семьи разбойников). В новелле "Некий И" правитель города укращает надписью "Честный гражданин" ворота дома разбогатевшего благодаря удачному грабежу вора. Прочитанные отдельно эти две новеллы могут быть восприняты как анекдотические случаи, рассматриваемые же как часть единого целого, они функционируют в контексте этого целого, и смысл их обогащается цепью ассоциаций с другими рассказами — другими частями корпуса "Странных историй".

Различные произведения Пу Сун-лина являются вариантами нескольких основных тем сборника. Тема обездоленности, выражающаяся, как мы показали, в таких сижетных ситуациях как "бедняк всегда неправ в глазах власть имущих", "бедный ученый не может изменить свой социальный статус" (сдать экзамен и стать чиновником), - инвариант, множество вариантов которого составляют сюжетную основу большого количества новелл и рассказов сборника. В основе же сборника лежит некий "единый смысл" — противопоставление реального мира миру, каким он должен быть в представлении Пу Сун-лина, т.е. конфликт между действительностью и илеалом.

Повторяющиеся сюжеты, группирующиеся вокруг "основных тем", связывают разрозненные в сборнике рассказы "авторской установ-кой", авторским взглядом на мир. Особенно ярко эта "установка" автора, социальный и политический смысл его сатиры выступает в "Послесловиях рассказчика странных историй", разъясняющих основную идею произведения, делающих обобщенный вывод из конкретного случая, придавая таким образом типический характер единичному явлению. Ряд новелл описывают сходные ситуации, из которых Пу Сун-лин делает сходные выводы, заключенные в подтексте, в Послесловиях же эти выводы даются в концентрированном виде, в форме прямого обращения к читателю автора, который прямо формулирует оценку рассказанного им случая, свое отношение к различным сторонам современной ему действительности. В Послесловиях — та же повторяемость основных идей сборника, которая позволяет говорить о его внутреннем единстве.

Множество рассказов и повестей иллюстрирует еще одно положение: сверхъестественные силы — на стороне бедных, честных, талантливых, несправедливо обиженных людей; чаще же всего они помогают любовь смертных людей друг к другу, остальные же посвящены любовь смертных людей друг к другу, остальные же посвящены любви человека и бессмертной феи, лисы-оборотня, духа цветка, души мертвой девушки. Таким образом, и здесь мы видим повторяемость сюжетов, усиливаемую тем, что своих неземных красавиц Пу Сун-лин описывает как реальных людей (и на уровне описания поступков, и на уровне описания внешности и характеристик). Любопытно, что, несмотря на удивительную образность и богатство лексики "Странных историй", описания внешности персонажей не индивидуализированы, а переходят из одного произведения в другое, причем сверхъестественные героини и земные описываются в одних и тех же выражениях. 9 Обилие сравнений в ряде портретов усиливает это впечатление обобщенности, "формульности", сходства с картиной. К описаниям женской красоты у Пу Сун-лина приложимо наблюдение А.Ф.Троцевич над средневековой корейской повестью: "...видение женской красоты не было индивидуальным, средневековые авторы не создавали свои сравнения, а выбирали их среди заданного набора знаков красоты — символов" (6,177).

Повторяются не только описания внешности персонажей, но и их характеристики. Поскольку в "Странных историях" фигурируют представители нескольких социальных групп, то неудивительно ,что по всему сборнику проходят чиновники, богачи, помещики, студенты, крестьяне, торговцы, монахи. Неудивительно и то, что характеризуются они весьма сходным образом, резко делясь на персонажей положительных и отринательных.

Повторяются и мотивы, черпаемые Пу Сун-лином из общефольклорного фонда ("чудесное рождение", "духи мертвых ищут себе замену", "получение волшебного средства", "брак с существом чудесной природы", "золото или деньги, полученные от сверхъестественного существа, превращаются в мусор" и т.п.).

Думается, что приведенные аргументы и примеры подтверждают мысль о том, что "Странные истории Ляо Чжая" представляют собой единую идейно-художественную систему, части которой взаимосвязаны либо единой темой, либо сюжетными конструкциями, либо персонажами. С этой точки зрения гипотеза А.К.Жолковского и Ю.К.Щеглова (по которой аналогично формуле В.Я.Проппа "все сказки —
в синтаксическом выражении — одна сказка", все произведения одного автора — одно произведение в отношении некоторых постоянных
тем. Поэтический мир автора — смысловой инвариант его произведений" $\begin{bmatrix} 3,7 \end{bmatrix}$), предложенная ими для любых художественных текстов,
как нам представляется, в гораздо большей степени приложима специально к сборникам бицзи, в которых эти особенности значительно
очевиднее и ярче, чем во многих других видах литературы.

Использованная литература

- I. В.М.Алексеев, Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжая. Известия АН СССР, Отделение обществен. наук, 1934,
 - 2. М.М.Бахтин, Проблемы поэтики Достоевского, М., 1963.
- 3. А.К.Жолковский и Ю.К.Щеглов, К описанию смысла связного текста (на примере художественных текстов), М., 1971.

- 4. З.Г.Минц, Функция реминисценции в поэтике Биока. Труды по знаковым системам. УІ. Тарту. 1973.
- 5. Б.М.Новиков, Социальные утопии тейных обществ "Белый лотос" и "Триада". (Попытка сравнения по материалам периода Цин) Филология и история стран Зарубежной Азии и Африки. Тезисы юбилейной научной конференции Восточного фак-та ЛГУ, посвященной 50-летию Великого Октября. Л.. 1967.
 - 6. А.Ф. Троцевич, Средневековая корейская повесть, М., 1976.
- 7. Цзи Юнь, Заметки из хижины Великое в малом. Перевод с китайского, предисловие, комментарий и приложения О.Л.Финман, М., 1974.
- 8. Юань Мэй, О чем не говорил Конфуций. Перевод с кит., предисловие, комментарий и приложения О.Л.Фивман (в печати).
 - 9. Ляо Чжай чжи-и, Пекин, 1955, бэнь І-ІУ.
 - IO. Ляо Чжай чжи-и, Шанхай, 1962, тт.I-Ш.
- II. Ян Жэнь-кай, Изучение рукописи "Странных историй Ляо Чжая" (Ляо Чжай чжи-и раньгао яньцэр). Шанхай, 1958.
- I2. Ян Лю, Исследование "Странных историй Ляо Чжая" (Ляо Чжай чжи-и янь-цэю), Нанкин, 1958.
- I3. W.Eberhard, Die Chinesische Novelle des 17.-19.Jahrhunderts, Verlag Artibus Asiae. Ascona (Schweiz).
- I4. P.Honan, The Chinese Short Story. Studies in Dating, Authorship and Composition, Harward Univ. Press, Cambridge, Mass., 1973.
 - I5. J. Průšek, Chinese History and Literature, Prague, 1970.
- I6. J.Průšek, Reality and Art in Chinese Literature, Archiv Orientalni, 1964, vol.32, No 4.

I Недостаток места вынуждает конкретные примеры приводить только из сборника Пу Сун-лина, тем более, что о двух других сборниках мы уже писали раньше (7; 8).

² Слово "род" употреблено нами не в его прямом терминологическом смысле, а в значении "разновидность", "тип", "вид". Бицзине жанр, а наджанровая система (со своей иерархией жанров внутри сборников).

³ Короткого рассказа, новеллы, анекдота, былички, сообщения, изредка - сказки.

- 4 В этом смысле к нему приложимо положение, выдвинутое и разработанное на русском материале З.Г.Минц, о том, что цитаты в произведении могут быть "знаком общей установки на цитацию, «поликультурного», опирающегося на широкую традицию художественного языка" (4. 397).
- 5 О том, что "Странные истории Ляо Чжая" относятся к бищзи писал еще современник Пу Сун-лина Тан Мэн-лай в предисловии к сборнику (1682 г.): "Люсянь из рода Пу с вности был погружен в необычное, а в зрелости глубоко его постиг. Под его кистью рождались дивные слова, которые он записывал для потомков. Весь свой досуг он отдавал тому, что облекал в форму бицзи то, что видел и слышал, и в большинстве это были Грассказы о бесах, лисах, чудесах и странных случаях..." (10, т.І, с.5). Этого же инения придерживаются Ян Тэнь-кай (11, 69) и Ян Лю (12,81), В.Эберхард (13) и Прушек (15,134), а также авторы издательского предисловия к воспроизведению авторской рукописи "Странных историй Ляо Чжая", обнаруженной в 1948 г. (9).
 - 6 Текома върщееся крупноцветное растение.
- 7 Может быть, не случайно приложение эпитета "белый" к текоме, если учесть, что тайное общество, требовавшее реставрации династии Мин, называлось сектой "Белого лотоса", и что эта идея реставрации "имела еще почерпнутый из манихейской доктрины абстрактный религиозно-философский смысл победы «света» над «тьмой» (5,83).
- 8 По-существу, так рассматривал сборник Пу Сун-лина не только его исследователь и переводчик акад. В.М.Алексеев, который
 выделил в нем серии сюжетов ("Лисьи чары", "Монахи-волшебники",
 "Рассказы о людях необычайных"), но и сам Пу Сун-лин, писавший:
 "Я соберу ряд шкурок драгоценных и шубу сделаю из них" (комментируя это место Предисловия Пу Сун-лина к сборнику, В.М.Алексеев
 пишет: "Образно об эклектическом целом" (1,442, прим.23).
- 9 "Вышла нарядная девушка ... настоящее небесное созданье" дочь разбойника, "повстречал девушку, похожую на бессмертную фею" фея Пянь-пянь; "вышла девушка с нависшей челкой, которой было не более 10-11 лет, но красота и изящество манер уже соединялись со стройным сложением и привлекательностью" небожительница, "...вышла певичка. Лет ей было 17-18...Ее восклицания и речи были полны высшего изящества и тонкой привлекательности" земная девушка и т.п.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ-ОЧЕРК НА КУРЛСКОМ ЯЗЫКЕ

Рождение рассказа, жак самостоятельного жанра курдской художественной прозы, принято связывать с первым печатным произведением Джамила Саиба "Во сне", которое было опубликовано в г.Сулеймании на страницах газет "Жианава" и "Жиан" (1925—1926 гг.) . Целиком же рассказ был напечатан лишь спустя полстолетия известным курдским новеллистом Дж.Бабаном. 2

После публикации рассказа на страницах курдской печати появляются статьи и заметки ученых и писателей с карактеристикой произведения Дж. Саиба. Однако ни в одной из работ мы не находим сколько-нибудь серьезного литературоведческого анализа данного произведения.

В своем предисловии к изданию Дж. Бабан дает некоторые биографические сведения об авторе рассказа, в какой-то мере объясняющие идейную направленность его произведения.

Джамил Сеиб — его псевдоним "Какина" ("старший брат") — родился 16 августа 1897 г. в Сулеймании. В детстве он учился в медресе. Увлекался языками, овладел арабским, турецким и персидским языками. Во время оккупации Сулеймании английскими войсками занимал должность мелкого сборщика налогов. В 1919 — 1920 г.

Дж.Саиб был назначен редактором газеты "Пешкавтн" ("Прогресс") в Сулеймании. В 1923 г., во время правления Шейха Махмуда в Южном Курдистане, Дж.Саиб уехал из Сулеймании в Киркук и вернулся уже после ликвидации власти шейха Махмуда англичанами. По возвращении он становится главным редактором газеты "Жианава" ("Возрождение"), в которой и печатает свой рассказ "Во сне". Вскоре он отошел от журналистики. Умер в 1951 г. в Багдаде, был похоронен в Сулеймании.

По своей художественной форме произведение Дж.Саиба трудно поддается жанровой классификации. С одной стороны, метафоричность названия, отсутствие конкретных имен и тем семым подчеркнутая художественность созданных образов — признаки классического рассказа. С другой стороны — в этом произведении слишком сильна публицистическая сторона, поэтому можно определить "Во сне" как рассказ-очерк.

Очерковый характер рассказу придает и стиль изложения, местами напоминающий репортерскую хронику. Язык действующих лиц, различных по возрасту, социальному положению, образованию почти не имеет индивидуальной окраски, и выразительность достигается преимущественно интонацией.

По своему композиционному решению рассказ Дж.Саиба делится условно на две части. В первой части, построенной в стиле настоящего путевого очерка, человек, от лица которого ведется повествование, едет к месту происшествия всех событий рассказа, во второй - собственно раскрывается цель произведения, разрешается сютетная завязка, выступают персонажи, несущие основную нагрузку замысла автора.

Надо сказать, что на ранних произведениях курдской художественной прозы сильно сказалось влияние периодической печати, язык журналистики. Характерно это и для произведения Дж.Саиба. Героем рассказа является сам автор, который повествует о своем путешествии во сне. В финале повествования вторым героем рассказа "Во сне" является тот, кого автор называет "старшим" или "Главным". В образе "Главного" Дж.Саиб вывел конкретное историческое лицо своего времени — шейха Махмуда.

Свой рассказ автор начинает с того, что однажды приснился ему сон: "Я покинул дом, свою большую семью и пустился странствовать по свету, без гроша в кармане, терпя лишения и беды..." В повествование ведется от первого лица. Далее он подробно описывает все, что встречает на своем пути. Эти картины подаются в мрачных красках, создающих ощущение тревоги у читателя, впечатление нестабильности обстановки в стране, смутного времени и беспорядков.

После долгих перипетий автор-рассказчик попадает в тюрьму, которая показалась ему необычной. Его камера находится в доме, где живет сам правитель или, как называет его автор "Главный". Двумя окнами камера соединяется с приемной "Главного", а в соседней комнате помещается семья хозяина. Таким образом, арестованный мог подслушать все, что там происходилс.

В комнате велись обычные женские разговоры об украшениях и нарядах. Но здесь они приобрели особую окраску, "ведь сюда на поклон приходили жены и матери пострадавших от руки власти и ради спасения своих близких они готовы были положить к ногам хозяйки все, что та пожелает". Рассказчик с горькой иронией говорит о

том, как за стеной решались проблемы на государственном уровне, вершились человеческие судьбы: кого назначить, кого уволить — распоряжались кровью невинных людей. Далее рассказчик описывает встречи "Главногой с представителями различных религиозных и политических группировок города — протурецкой, проанглийской и патриотических сил.

Описывая сцену разговора с представителями патриотических сил, автор изображает последних очень неприязненно, представляя их людьми без определенных целей и задач, озлобленных, почти потерявших человеческий облик. Их слова: "мы не поклонимся ни англичанам, ни туркам, потому что ни от тех, ни от других нам добра не будет", - вызывают у него раздражение (стр.70). Сам же "Главный" рисуется автором человеком деспотичным и беспринципным, ставящим свои интересы выше интересов народа. 4

Главный замысел автора — дать критику правления шейха Махмуда. Поэтому не удивительно, что все произведение проникнуто острой ненавистью к "Главному" и к его сторонникам.

Рисуя таким образом конкретные исторические события, протекавшие в очень сложных социально-политических условиях, и, фактически ознаменовавшие начало движения курдов за изгнание англичан, автор тем не менее оказывается в одном лагере с иноземными
завоевателями и с перебежчиками. Отсюда и понятно, почему творчество писателя не стало образцом для подражания следующим поколениям курдских прозаиков. Но поскольку рассказ Дж.Саиба является
самой ранней публикацией, возвестившей рождение курдской художественной прозы, его нельзя обойти молчанием.

I В газете "Жианава" рассказ печатался с июля 1925 г. по 14 января 1926 г. (в 18-ти номерах). В газете "Жиан" - с 21 января 1926 г. по июль 1926 г.

² Джамил Саиб, Во сне, Багдад, 1975 г.

З Тут и далее цитаты даны по багдадскому изданию (см. выше).

⁴ О подлинной роли Шейха Махмуда в освободительной борьбе курдов см. работу М.А.Камаля "Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане", Баку, 1967.

REMERCHER

В.И.Гохман

К ИСТОРИИ РАСХОЖДЕНИЯ ТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ В СЕВЕРНОМ ИНЛОКИТАЕ

Настоящее сообщение посвящено исследованию четырех тайских языков — смамского, ванского, ахом и ба бай по методу глоттохронологии с целью определения времени их разделения и уточнения степени взаимного расхождения. Все четыре языка относятся
к юго-западной подгруппе тайской группы языков. Из всех языков
этой подгруппы указанные языки были выбраны по двум причинам.
Во-первых, потому, что имеются исторически зафиксированные даты
времени переселения народов — носителей этих языков, во-вторых,
потому, что материал по этим языкам лучше поддается исследованию по методу глоттохронологии. Последнее обстоятельство объясняется тем фактом, что территории распространения сравниваемых
языков были географически разделены настолько, что контакты между их носителями были минимальны.

Язык ахом (ах.), носители которого основали государство в Ассаме в начале 13 в., в настоящее время является мертвым. Он был вытеснен ассамским в начале 18 столетия, поэтому мы будем датировать материалы по этому языку 1700 г. Материалы по ахом заимствованы из работы Дж.Грирсона. Язык ба бай (б.), по-видимому, является непосредственным предшественником современного диалекта г. Чиенгмая (Северный Таиланд). Материал по этому языку заимствован из исследования Х.Идзуи, обработавшего китайские записи языка ба бай, записанные в "Хуа И Юй". Запись датируется 1511 годом. Материал по шанскому языку (ш.) взят из

работ Н.Кушинга 4 и относится к концу 19 столетия. Для удобства вычисления мы датируем его 1900 годом как и материал по сиамскому языку (с.).

Основой для сопоставления языков послужил исправленный список М.Сводена (ІОО слов) со следующими изменениями: слова "весь, кора, кусать, гореть, коготь, лежать, зерно, мы, теплий", к которым трудно подобрать точные эквиваленты, были заменены словами основного списка Сводена: "далеко, тяжелый, близко, соль, короткий, змея, толстый, тонкий, ветер". Напомним,
что вычисление времени расхождения производится по формуле

t = log c : 2 log r , где t - время, в течение которого происходило независимое развитие каждого из языков, с - процент сохранившейся в языках общей лексики, а г - коэффициент сохраняемости (для исправленного списка - 86%). Если сравниваемые языки
принадлежат к различным эпохам, то надо к половине времени,
прошедшего с момента, которым датируется материал по древнему
языку (±В:2) прибавить время расхождения 2 языков, выраженное
их общям процентом совпалений: t = (log c : 2 log r) + (tb : 2).

Список, по которому производилось сопоставление, содержит 86 слов, которые удалось найти во всех сравниваемых языках. Слова "колено, новый, кожа, дым" отсутствуют в материалах по ахом, а слова "зола, умирать, пить, яйцо, полный, убивать, имя, нос, плавать, этот, тот, что, кто" — по ба бай. Слова "круглый, стоять" не представлены ни в том, ни в другом из материалов. Отсутствующие элементы были частично заменены словами "ребенок, небо, год", отвечающими требованиям списка Сводеща. Подсчеты производились для всех 4 языков по неполному списку и, кроме того, оказалось целесообразным исследовать языки ахом и ба бай с учетом всех известных для них слов. Добавленные элементы обозначены номером предшествующего им по алфавиту слова основного списка М.Сводеща с буквой латинского алфавита. Слова ба бай и ахом даны в транскрипции источника, а шанские — в транскрипции С.Егерода. Тоны во всех языках не обозначены.

Совпадающая лексика отождествлена на основании следующих фонетических соответствий инициалей:

m. "1", с., ах., б. "d", ср. 8. черный: ш. lam, с. dam, ах. dam, б. dam; 22. земля: ш. lin, с. din, ах. din, б. din; 54. луна: ш. lən, с. düan, ах. dün, б. dön; 80. звезда:

m.law, c.daw, ax.daw; б.daw; 34. хоровий: m.li, c.dI, ax.dI, б.di; 66. красный: m.leg, c.deg, ax.ding, б.dag, ш.та, wn, с. "b", ах. "b", б."b,p", ср. 46, лист, ш. may, с.baj, ах.bai, б.bai; 85. тонкий: m.man, с. ban, с. ban, ах. ban, б.рал; 30. летать: m.win, с.bin, ах.bin, б.рIn. ах. "b", с., m., б."w", ср. 7I. сказать: ах.ba, с.wa, ш.wa, б.wa; ср. также "день": ах.ban, с.wan, ш.wan, б. wan.

ш."h", с., ах., б."r", ср. 45. знать: ш.hu, с.rū, ах. rū, б.ru; 68. корень: ш.hāk, с.rāk, ах.rak, б.rūk б."hr", с., ш., "h", ах."r", ср. 38. голова: б.hrow, с.hūa, ш.ho, ах.ru; 81. камень; б. hrin, с.hin, ш.hin, ах. rin; 84. хвост: б.hlah, с.hāŋ, ш.hāŋ, ах.raŋ; 21. ухо: б.hru, с.hū, ш.hu; 50. вошь: с.hau, ш.haw, ах. rau.

м. "p.", c., ax., б. "pl", cp. 29. рыба: м.ра, c.pla, ax. pla, б.pla; cp. также "пустой": м.раw, c.plau, ax.plau.

E. "к", с., ах., б. "kl" , ср. 69a. соль: ш.kэ, с. klūa, ах. klu, б. klō; 57a. близко, с. klaj , ах. klai, б. klai; 25a. далеко. ш.kaj, с. klaj , б. klai.

6."d", c."th"($\mathfrak N$), m., ax."t", cp. 67. gopora: 6.dag, c.thag, m.tag; cp. Takze "Bech": c.thag, m.tag, ax. ta.

ax., б. "phr", с. "ph", ср. 36. волоси: ax. phrum, с. phom, б. phrum; ср. также "пыль": ax. phran, с. phon.

6. "v", c. "f" (W), м., ах. "ph": ср.28. огонь: б. vai, с.faj, м. phaj, ах. phai; 89. зуб: б. van, с.fan; 74а.небо: б. va, с.fa, м. phā, ах. pha.

6. "f" , c. "f" (N), ш., ах. "ph" , ср. 65 дождь: 6. for c.for, ш. phon , ах. phun; ср. также "дадонь": 6. fa , c.fa, ш. pha .

6."j", с., ах. "ch", ш. "s", ср. 51. мужчина: б. jai, с. chāj, ш. sāj, ах. chai; 57. имя: с. chū, ш. sy, ах. chū; ср. также "слон": б. jaŋ , с. chaŋ, ш. sāŋ , ах. chaŋ.

б., с. "c", ш. "s" , ах. "ch" , ср.40. сердце: б. саі , с. саі , ш. вау , ах. сha бі , ср. также "хозяин": б. саи , с. саи , ш. daw , ах. chau .

б. "x", с. "kh"(?), ш., ах. "kh", ср. 41_ por: б. Xau, с. khau, ш. khaw, ах. khau . 35. зеленый: б. Хузw , с. khieu, ш. khew; 27. перо: б. хоп, с. khon, ш. khon; 97. белый: б. хаw, с. khau, ах. khao; 44. колено: б. хаw, с. khau, ш. khaw.

б. ",", c.kh (?), ш., ах. "kh", "k", ср. 64. человек: б.үол, с. khon, ш. kon, ах. kun; 60. ночь: б.үйл, с. khйл, ш. khyn, ах. khйл, 58. шея: б. үо, с.kho, ш.kho, ах. kho. ах. "khr", с. kh (?), ш. "kh", ср. 24. яйцо: ах. khrai, с. khaj : ср. также: "болезнь": ах. khrai, с. khaj.

Отождествление остальных слов не требует специального сопоставления, т.к. их форми почти целиком совпадают. Ниже приведены эти слова, причем даются лишь формы ба бай и ахом в указанном порядке. 5. большой: hñai ,ñaū ; 6. птица:пэк , nūk ;
9. кровь: löd ,lūt , Io. кость: dūk ,dūk ; II. грудь: ок ,uk ;
IIa. ребенок: lūk,lūk ; I6. приходить: mā ,ma ; I8. собака:hma ,
ma ; 20. сухой: hāŋ ,hiŋ , 23. есть:kin ,kin ; 25. глаз: ta ,
ta ; 26. жир: man , man; 37. рука:mū ,mūw ; 39. слышать:уіп ,
ngin ; 40a. тяжелый; hnak , nak, 48. печень:tap ,tap ; 49.
длинный: jāw ,jau ; 63. один: nūŋ ,lūng ; 70. певок: zay ,shai ;
72. видеть: han ,hen ; 74. сидеть: naŋ,naŋ ; 76. спать: non ,
non ; 78a. змея: ли , ли ; 85a. толстый: hnā ,na ; 88. язык:
līn ,līn ; 90. дерево:mai ,mai ; 91. два: sɔŋ ,shoŋ ; 94. вода: паш, паш ; 94a. ветер: lom ,lum ; 99. женщина: уіŋ ,ñūŋ ,
99a. год: рī ,рī ; IOO. желтый: hloŋ ,lūŋ .

Слова, отсутствующие в материалах по ахом и ба бай: 59. новый: hmai; 75. кожа: hnaŋ; 78. дым: ywan. 2. зола: tau; I7. умирать: tai; 32. полный: them; 85. тот: nan; 86. этот: nai.

Слова, совпадающие в некоторых языках:

	сиамский	шанский	oa oan	axom
4. MUBOT	thon	ton	(pum)	tẫn
I4. облако	(mek)	m o k	h m ok	mak
15. холодный	nāu	(kat)	hnāw	nau
2I. yxo	hū	hu	hrū	(pik)
25а. далеко	klaj	kaj	klai	(shai)
27. перо	khon	khon	Xon	(pīk)

OT *	HOPA	(thau)	tin	t I n	tIn
33.	дава ть	haj	(pan)	h ű	haü
35.	жинолов	khleu	khew	Xy e w	(sham)
36.	волосы	phom	(khon)	p rom	phrum
4Ia.	горячий	rēn	(maj)	r5n	(1tt)
42.	Я	(phom)	kaw	gū	kau
50.	вошь	hau	haw	(m ā̄η)	rau
52.	MHOPO	(lāi),nak	[nam]	nek	[nem]
58.	ООЯМ	ntia	ь э	(jIn)	nนี -
55.	ropa	(khau)	10j	day	do1
56.	por	pāk	∠ahop7	pak	pak, [shup]
57a.	близко	klaj	(sam)	klai	klai
62.	He T	(mai)	(am)	bau	baw
7I.	CK838 T b	(bok)	wā	wa	bā
72.	короткий	san	(p > t)	san	(lot)
77.	маленький	,		∑nay7	lik [no <u>i</u> 7
				-	
82.	солнце	tawan, _dif			ban
82. 87.		tawan, Zd ty (th 5)		_däd7,wan müŋ	ban mati
87.					mati
87. 89.	TH	(thā)	meau	müŋ	mati
87. 89. 92.	ты зуб	(thē) /Pag/	meau khew	mūn ∠ven,xy w	mati khriw
87. 89. 92. 97.	ты Эуб Идти	(thē) /fag/ (den)	meau khew (1£)	mαj √van√,xy w pei	mati khriw phrai
87. 89. 92. 97. 19.	ты зуб идти белый	(thē) /łaŋ/ (den) khāu	meau khew (1£) /phak/	mαj √van√,xy w pei	mati khriw phrai khau;/phtik/
87. 89. 92. 97. 19.	ты зуб идти белый пить убивать	(thē) ∕fan⁄ (den) khāu (dtim)	meau khew (1£) /phok/ kin	mαj √van√,xy w pei	mati khriw phrai khau;/phtik7 klün
87. 89. 92. 97. 19. 43. 61.	ты зуб идти белый пить убивать	(thē) ∠Rag7 (den) khāu (dtīm) (khā)	meau khew (1£) /phok/ kin aw tai	mαj √van√,xy w pei	mati khriw phrai khau;/phtk/ kltin po-tai
87. 89. 92. 97. 19. 43. 61. 83.	тн зуб идти белнй пить убивать нос плавать что	(thē) ∠tan√ (den) khāu (dtim) (khā) (camūk)	meau khew (1£) /phok/ kin aw tāi laŋ	mαj √van√,xy w pei	mati khriw phrai khau:/phtik/ klün po-tai dan
87. 89. 92. 97. 19. 43. 61. 83.	тн зуб идти белнй пить убивать нос плавать что	(thē) [lan] (den) khāu (dtim) (khā) (camūk) (wāi)	meau khew (1€) /phok/ kin aw tai lan luj	mαj √van√,xy w pei	mati khriw phrai khau:/phtik/ kltin po-tai dan loi

Результаты подсчетов приведены в таблицах. В таблице № І даются цифры совпадающей лексики, в таблице № 2 те же данные выражены в процентах. В том случае, если в языке имеется два равнозначных по употребительности синонима, каждый из них считается за I/2 совпадения. Цифра в скобках соответствует подсчетам для каждого из древних языков (а также для сиамского с шанским) по всем известным в них элементам.

₩ I.	6.	ax.	H.	№ 2	σ.	ax.	п.
C.	74(73)	68,5(65)	67(64)	C.	86	80(76)	78(75)
o.		73,5	70	б.		85	8I
ax.			72,5(74)	ax.			84(86)

В таблице № 3 представлены цифры, выражающие время независемого развития для каждой пары языков в тысячелетиях, а в табдене № 4 - латы расхожления языков.

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы: все исследуемые языки очень близки между собой, тем не менее выделяются две подгруппы: в первую входят сиамский и ба бай, а во вторую — ахом и жанский. Результаты подсчетов по сокращенному списку несколько отличаются от цифр, полученных с учетом всех известных слов древних языков, причем на основании последних подгруппы разграничиваются значительно более четко.

Правомерность выводов о разделении языков на 2 подгруппы подтверждаются следующими фактами: из слов, несовпадающих в пределах нашего списка в языке ба бай лишь слова "живот", "вошь", "мясо" и "нет" не имеют родственных корней в сиамском, в то время как в шанском к ним относятся слова "кость", "холодный", "горячий", "много", "рот", "близко", "нет", "короткий", "ты", "белый", а в ахом "холодный", "ухо", "перо", "зеленый", "горячий", "много", "нет", "короткий", "ты". В языках ахом и шанском слова "кость", "ухо", "перо", "зеленый", "нет" так же не обнаруживают ни одного родственного корня.

Полученные даты неплохо согласуются с историческими данными. Переселение тайских народов на Индокитайский полуостров относится к 9-II вв., что не противоречит дате разделения на две выделенные подгруппы, которые образовались, по-видимому, в процессе расселения тайских племен. Первое снамское государство Сукхотхай образовалось в середине IS века, что приблизительно соответствует времени разделения языков сиамского и ба бай. Ахом переселились из Бирмы на территорию Ассама в начале IS века, что также соответствует полученной дате отделения языка ахом от манского.

I О классификации тайских языков см.: Fang-kuei, Li.Classification by Vocabulary: Tai Dialects, - "Anthropological Linguistics", L/2, 1959, p.15-21.

- ² G.A.Grierson, An Ahom Cosmogony with a Translation and a Vocabulary of the Ahom language, "Journal of the Royal Asiatic Society". April. 1904. p.182-232.
- S E.Izui, Decipherment of the Pa-po Vocabulary and Epistles, "Memoirs of the Department of Literature Kyoto University". 1953. No. 2. p.1-109.
- ⁴ J.N.Cushing, Elementary Handbook of the Shan Language, Rangoon, 1880; J.N.Cushing, Shan and English Dictionary, Rangoon, 1881.

Я.Б.Грунтфест

КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ У СПИНОЗЫ

Бенедикт Спиноза (1682-1677) получил хорошее филологическое образование и владел десятью языками: португальским, испанским, голландским, оврейским, арамейским, датинским, греческим, итальянским, французским, неменким, Свои лингвистические взглялы он изложил в общем виде в "Теолого-политическом трактате" (1670) и специально - в "Краткой еврейской грамматике" ("Compendium Grammatices Linguae Hebraeae" . 1677). Ode stu padotu, kak u большинство сочинений философа, вскоре после их первой публикании были запремены и более ста дет не переиздавались. Возрождение спиновивма началось в конце ХУШ века. Но и в последующее время "Грамматика" привлекала к себе мало внимания, ибо как спинозисты, так и языковелы вилели в авторе прежде всего философа. Можно отметить лишь одну небольшую работу, посвященную ей. Это диссертация A. Xaйeca (A. Chajes) "Über die Hebräische Grammatik Spi-". 1869. В недавнее время вышло также три перевода "Грамматики" - на иврит. английский (в США) и французский языки. Межлу тем "Еврейская грамматика" Спинозы представляет большой интерес с теоретической стороны.

Спиноза, видимо, предполагал составить грамматику в двух частях: І. фонетика, алфавит, морфология; П. синтаксис, но успел написать в почти законченном виде лишь первую, содержаную

сведения о звуках в связи с письмом, подразделение частей речи, имя. глагол. местоимение. предлог. наречие.

Пентральное положение среди развиваемых Спинозой идей занимает его классификация частей речи. пронизывающая все его грамматические построения и не имеющая себе полобных ни в европейском, ни в традиционном еврейском языкознании. По мнению Спинозы почти всем сдовам еврейского языка свойственна именная при-DOMa: "omnes Hebraeae voces .exceptis tantum interiectionibus et conjunctionions . et una aut altera particula , vim et proprietates nominis habent " ("BCe eBpenckue CROBS, 38 MCключением только междометий, союзов и некоторых частиц, имеют силу и свойства имени", гл. У. І). Под именем Спиноза понимает "слово. с помощью которого мы обозначаем или указываем что-либо. подпадающее под /рассмотрение/ разума", а именно: "вещи, их аттрибуты, модусы и отношения, или действия, а также модусы и отношения действий (гл.У. 3). Это лингвофилософское опредедение поясняется примерами и собственно лингвистическими терминами. В результате получаем следующую систему. Имя разделяется на две ряде: І. веши. П. действия. В ряду вещей различеются: а. имя веши - существительное. б. аттрибут - прилагательное. в. модус - причастие, г. отношение - предлог; в ряду действий: а. имя действия - инфинитив. в. модус - наречие (образа действия). г. отношение - наречие (времени).

В главеXII (de coniugatione) Спиноза обосновывает и именной характер финитных форм.

Еврейский глагол обладает богатой словоизменительной аффиксацией в виде префиксов, суффиксов и прерывистой внутренней флексии. Последняя совместно с корнем образует словообразовательную основу, к которой присоединяются словоизменительные аффиксы, генетически восходящие к местоименным элементам. Сами аффиксы имеют фузионную структуру, но техника их присоединения к основе по существу агглютинативная, и поэтому основа глагола легко выделяется. При этом часть глагольных основ формально совпадает с инфинитивами, например, от корня pqd inpukasubate paqod — инфинитив, 'e-fqod (< 'e-pqod) — имперфект. Спиноза рассматривает финитные формы как соединение инфинитива с глагольной флексией, в спряжение как изменение инфинитива. Развивая свою мысль, Спиноза говорит: "инфинитивные формы это как бы субстантивированные прилагательные; но когда они определяются /призна-

ками/ времени и лица, то становятся подобными придагательным, которые должны согласовываться со своим управляющим, то есть с существительным ... в роде. числе и падеже^н (гл. XII.7).

В окончательном виде система частей речи (или по терминологии Спинозы "видов имени") может быть представлена в следурмей таблице:

Nomen

TAR

actiones

nomen rei substantivum	nomen actionis infinitivum (veluti substantivum)
attributum	verbum
adiectivum	(veluti adiectivum)
modus participium	modus adverbia
relatio	relatio (quasi adiecti-
praepositivum	va verborum)

В этой классификации усматривали влияние философских возкрений Спинозы. И действительно, мы находим в подразделении "видов имени" хорошо знакомые из первых страниц "Этики" понятия — субстанция, аттрибуты, модусы, — получающие теперь лингвистическую интерпретацию. Применимость этих философских понятий к теории грамматики оказывается возможной благодаря общности главных логических категорий, лежащих в основе мышления и языка. Следует, однако, иметь в виду, что Спиноза отнюдь не пытался искусственно подвести грамматику под философские схемы или создать универсальную теорию языка. Разработанную им классификацию слов, опирающуюся на именной характер этих языковых единиц, Спиноза относит единственно и только к еврейскому языку. Таким об-

разом, теория частей речи Спинозы не имеет у него основного качества его философской системы — всеобщности. Далее, разработанная Спинозой схема "видов имени" значительно сложнее, чем философская триада — субстанция — аттрибут — модус: добавляется
еще и четвертая характеристика — отношение, а вся схема разделяется на два ряда — вещей (предметов) и действий. Все это отражает специфику языка как системы, организованной по собственным, более сложным, чем логические, законам. Естественно, поэтому,
основы языковой теории Спинозы искать не в его философской
системе. а в его полхоле к собственно языковым фактам.

Прежде всего мы замечаем, что в типах "имен", составляющих таблицу частей речи, именные свойства представлены в разной степени и разным образом. Существительные и прилагательные являются именами по всей совокупности семантических, морфологических и синтаксических признаков. Причастие сохраняет незначительные глагольные свойства в области синтаксиса (управление прямым дополнением), но также имеет именную природу. Библейский инфинитив в синтаксическом плане колеблется между именем и глаголом, заменяя в определенных случаях финитые формы. Однако, будучи неспрятаемой частью речи, он все же стоит ближе к имени.

Предлоги и наречия частично сохраняют семантическую и морфологическую связь с именем. Некоторые предлоги продолжают рудиментарно употребляться в форме исчезнувшего косвенного падежа множественного числа. Но все же в синхронном плане эти части речи не могут быть признаны разновидностями имени. Только сравнительно-историческое исследование раскрывает их первоначально именной характер.

Наконец, финитные формы могут быть отнесены к именам не иначе как путем радикального переосмысления их морфологической структуры и при условии принятия некоторых, остающихся пока гипотетическими, предложений об истории семитского глагола.

Таким образом, классификация частей речи, как она представлена у Спинозы, с современной точки зрения предполагает проведение двух процедур: в синхронном плане - изменение акцентов в морфологическом строе языка, в диахронном плане - совмещение в одной системе грамматических характеристик, относящихся к разным временным срезам. Обе эти операции должны быть проведены совместно. В результате живая стадия еврейского языка (то есть язык библейского периода) и черты языка предпествующих эпох оказываются как бы спроецированными на одну плоскость. Элементы такого подхода к языку встречаются и у других авторов (особенно в XIX веке), но ни у одного из них они не получили такого развития и последовательного проведения, как у Спинозы.

Следует, однако, особо подчеркнуть, что это только наше, осовремененное, понимание сути проделанного Спинозой анализа еврейского морфологического строя. Сам он, будучи как и все современное ему языкознание далеким от исторической методики, рассматривал язык в одном временном плане, то есть синхронно. Лингвистический метод Спинозы базировался на общенаучных требовениях: детальном анализе фактов и последующем оформлении их в единую систему без какого-либо постороннего влияния (в данном случае — без влияния датинской и еврейской грамматических традипий).

Естественно, возникает вопрос: применима ли разработанная Спинозой морфологическая схема помимо еврейского языка и к другим языкам семитской ветви? Легко убедиться, что нет. Центральным звеном всего построения Спинозы является инфинитив, который образует мост между собственно именами и финитными формами глагола. В аккадском, арамейском, арабском и эфиопском языках положение не таково. Морфологическая связь инфинитива с именем в этих языках вначительно сильнее, чем в еврейском, и обнаружить инфинитивные основы в спрягаемых формах не удается. Лишь в древнейших языках Палестины и древнем южно-арабском языке глагольно-инфинитивная система обнаруживает сходство с еврейской. Однако эти языки известны нам только в неогласованных текстах и делать здесь далеко идущие выводы было бы неоправдан-

Установив, что классификация частей речи Спиновы применима только к еврейскому языку, мы получаем ключ для понимания ее лингвистической сущность. Сущность этой классификации в том, что она в концентрированном и схематичном виде выражает специфику исторических путей развития еврейского языка.

Как показывают сравнительно-исторические исследования, семитские языки вышли из стадии прасемитской языковой общности с развитой глагольной и именной флексией. Некоторые из них, как аккадский и арабский, долгое время сохраняли флективный строй, определивший в значительной степени их дальнейшее развитие. Но постепенно семитские языки в силу разнообразных причин перешли к аналитизму. Еврейский язык совершил этот переход ранее других, когда его грамматика еще сохраняла элементы древнего строя. Частичное исчезновение флексий в еврейском языке обнажило эти древние основы морфологии. В еврейской грамматике оказались совмещенными явления разных временных планов. История языка как бы проделала ту аналитическую работу, которую теперь выполняет сравнительно-историческое языкознание.

Эта специфичность строя еврейского языка и нешла отражение в грамметической системе Спинозы. Пользуясь современными понятиями, можно сказать, что Спиноза перефразировал еврейскую грамметику, и в предложенном им способе ее описания выступили на передний план особенности языкового строя, остающиеся скрытыми при тралиционном полхоле.

И.С.Гуревич

TO CHNTATE CHOBOM B KNTANCKOM ASERE II-J BB. ?

Ни один вопрос грамматики невозможно решать, если предварительно не определить, что понимать под отдельным словом.

В китайском языке ${\tt II-J}$ вв. далеко не всегда просто отличить слово от словосочетания.

Если в древнекитейском языке почти все слова (за очень незначительным исключением) были односложными, 2 то в языке \mathbf{E} -увв.
определенно наблюдается весьма интенсивный процесс образования
двусложных сочетаний (начало которого прослеживается еще в эпоху
Поздней Хань 3), многие из которых очень "похожи" на единые слова.

Остановимся на характере связи компонентов таких сочетаний.

I. Ряд образований, состоящих более чем из одного слога, это не разложимые на составные знаменательные части транскрипции
санскритских слов, например, 河 建 美 алохань "архат",
или "кшатрия", 由 б всюнь "иоджана", >> 戶 шамэнь "шрамана", 下不 作 асюло "асура", 岩 т пуса "бодхисаттва"
и др.

Относительно образований этого типа не приходится сомневаться в том. что это единые слова.

П. Значительная часть сочетаний, состоящих более чем из одного слога, — это сочетания, компоненты которых синонимичны (или близки по значению: один из компонентов обозначает видовое, другой — родовое понятие; один из компонентов эмоционально окращен и т.д.), имеют одно и то же грамматическое значение (предметность, действие, качество и т.д.). При этом лексикограмматическое значение всего сочетания не отличается от значений составляющих его компонентов. Каждый из компонентов такого сочетания может употребляться как самостоятельное односложное слово.

В исследуемом памятнике часто встречаются двусложные сочетания. обозначаюмие действие или состояние:

型 求 байхуай - "разрушать" и "портить", т.е. "уничтожать";

型 求 ванцы - "надеяться" и "стремиться", т.е. "стремиться";

政 表 дакыни - "жрать" и "есть", т.е. "заедать" (о тигре);

даши - "клевать" и "есть", т.е. "заклевать";

чаньгуань - "созерцать" и "наблюдать", т.е. "созерцать";

ж з нахай - "убивать" и "губить", т.е. "стенать";

чаньхуань - "стонать" и "кричать", т.е. "стенать".

Нами было установлено, что сочетания подобного рода , как правило, являются цельнооформленными и потому по своим грамматическим свойствам не отличаются от слов, состоящих из одной морфемы 4 . Такие сочетания мы считаем едиными словами.

В исследуемом памятнике встречается много двусложных сочетаний, общиначающих предмет в широком смысле слова:

ущэ - "комната" и "жилище", т.е. "жилище";
фамао - (оба компонента и сочетание в целом) "волосы";
фунюй - (оба компонента и сочетание в целом) "жена",
"женщина";
цайхо - "богатство " и "товары", т.е. "товары";

以方。 цайцянь — "богатство" и "деньги", т.е. "состояние"5; цыди — (оба компонента и сочетание в целом) "порядок"; уусо — (оба компонента и сочетание в целом) "место".

Двусложные сочетания, состоящие из синонимичных корней, могут иметь значение качества, степени или признака качества:

器虛 баонюе - (оба компонента и сочелание в целом) "жестодуаньчжэн - "правильный" и "прямой".т.е. "красивый": 端正 пинчжэн - "ровный" и "прямой", т.е. "ровный": 产王 пиньшонь - (оба компонента и сочетание в пелом) "бел-HNÄ": 清淨 иинцэин - "светлый" и "чистый". т.е. "чистый": рйчи - (оба компонента и сочетание в нелом) "глупый": 黑癬 изила - "крайне" и "очень". т.е. "очень": 市僧 ифу - (оба компонента и сочетание в пелом) "тоже". "Takme": 紅便 изибянь - (оба компонента и сочетание в целом) "тогла": рфу - (оба компонента и сочетание в целом) "снова": 又復 ************* 任台 шилин - (оба компонента и сочетание в пелом) "делать так. чтобы..." (показатель побудительной конструкции).

Пять последних примеров свидетельствуют о том, что в языке Ш-У вв. двусложными могут становиться не только знаменательные, но и служебные (или полуслужебные) слова, как например, полуслужебные наречия и показатель побудительной конструкции.

В языке рассматриваемого периода двусложные сочетания, состоящие из синонимов, образовывались очень легко, однеко, становились ли они при этом едиными словами - решить не просто.

Если считать, что каждый из синонимов оставался отдельным словом, то трудно объяснить столь частую постановку рядом двух слов-синонимов (разумеется, последнее соображение не есть доказательство в пользу единых слов, тем не менее этим соображением нельзя и пренебречь). Поэтому, отнюдь не претендуя на окончательное решение вопроса, но, учитывая специфическую черту языка рассматриваемого периода — тенденцию к образованию двусложных слов из односложных, мы у с л о в н о считаем сочетания, состоящие из синонимичных корней, едиными словами. При этом следует помнить, что каждый из компонентов подобных сочетаний может выступать и как отдельное односложное слово: так, все морфемы, входящие в состав двусложных сочетаний, приведенных выше, отмечены и как отдельные односложные слова. В отдельных же случаях (например, при наличии такого условия как синтаксический

парадлелизм), сочетание, которое мы условились рассматривать как единое слово, ведет себя как свободное сочетание, состоящее из двух слов-синонимов.

Ш. Кроме сочетаний, состоящих из синонимичных компонентов, в исследуемом памятнике встречаются сочетания с повторяющимся вторым элементом. Такие сочетания "похожи" на сложные слова.

В качестве повторяющегося элемента отмечены следующие морфемы: Д жэнь "человек" (сочетания с жэнь встречались еще в древнекитайском), Д фу "муж", Яр ши "наставник", Я эр "сын". Приведем примеры сочетаний с повторяющимся вторым элементом:

```
個人
        панжэнь - псоседи:
        пиньжэнь - "бедняк":
官人
        сяньжэнь - "мудрец":
Nih K
        фунрикэнь - "женшина", "жена":
媚女人
        цзэйжэнь - "вор", "разбойник":
EAR
高人
        шанжэнь - "торговец";
       юйжэнь - "дурак";
聚人
       пзиньши - "рвелир":
 龟鲕
        racem - "rongap":
陶纺
 压锅
        Baun
              - "гончар":
             поломеньши - "брахман-наставник":
 漆羁网纺
        панфу - "сосед":
倭夫
        тяньфу - "крестьянин":
 田夫
        цэиэр - "комедиант":
 传织
        сяоэр - "мальчик".
 小包。
```

Приведенные выше комплексы мы условно называем "многоморфемными словами", однако мы далеки от категорического утверждения, будто эти комплексы окончательно превратились в единые слова.

Начавшийся еще в языке Поздней Хань и наиболее широко развернувшийся в языке Ш-У вв. процесс образования двусложных сочетаний продолжался и в последующий такский период. Так, наиболее "резговорные" тексты эпохи Тан — буддийские юйлу (записи бесед и речей буддийских монахов) содержат большое количество двусложных (и даже многосложных) слов; это существительные и глаголы, состоящие из синонимичных морфем, глаголы, состоящие из корня и результативной морфемы, а также существительные, образованные с помощью субфиксов и префиксов.

Исследователи бяньвань 6 - следующего после вйлу по степени празговорности танского женра - находят там целые серми двусожных (или многосложных) слов. Заметим, что многие из этих слов были уже вполне обычны для языка П-У вв.

Превомерность постановки общей проблемы, какой является понимание слова, на материале конкретного памятника не требует, на наш взгляд, специальных обоснований. Укажем лишь, что работы такого типа предпринимаются и зарубежными синологами (например, K.Lindell , The Language in a Late Han Text: Ban Zhae, Nü Jie , - "Acta Orientalia XXXII", - Copenhagen ,1971, c.295-319 (далее: Линделл); Isabella Y.Yen , A Grammatical Analysis of Syau Jing , - International Journal of American Linguistics . Vol. 26, № 4, 1960).

Сутра Бай юй цзин, насчитывающая свыше 20 тысяч знаков, обследована нами сплошь. (Для сравнения укажем, что объем памятников, на материале которых выполнены названные выше исследования зарубежных коллег, в 10 и более раз уступает сутре Бай юй цзин).

Изложенные здесь наблюдения являются результатом длительной работы над языком различных памятников Ш-У вв., так или иначе представляющих китайский разговорный язык данной эпохи. Непосредственным же материалом для предлагаемых заметок посдужило
наше исследование одного конкретного памятника, наиболее репрезентативного для китайского языка Ш-У вв. — сутры Бай юй цзин.

² См. С.Е. Яхонтов, Древнекитайский язык, М., 1965, с.34-35.

В на то, что уже в языке Поздней Хань односложные слова проявляют тенденцию превращаться в двусложные, указал Добсон (см. W.A.C.H. Dobson , Late Han Chinese, A Study of the Archaic Shift , Toronto ,1964, c.101). Об этой же тенденции пишет и К.Линделл, исследовавшая конкретный памятник позднеженьского времени (см. Линделл). Линделл считает, что в исследованном ею трактате Бань Чжао знаменательные слова только при определенных условиях употреблялись в односложном варианте, нормой же был двусложный вариант, т.е. сочетания, состоящие из двух синонимичных мор-

фем. Такие сочетания Линдели передает в переводе одним английским словом, добавляя при этом, что не располагает аргументами, которые позволили бы утверждать, что представляют собой на самом деле эти двусложные сочетания — то ли это сложные слова, то ли стоящие рядом односложные слова-синонимы.

- 4 См. И.С.Гуревич, Очерк грамматики китейского явыка Ш-Увв., М., 1973, с.73, 75.
- 6 И.Т.Зограф, Л.Н.Меньшиков, Бяньвань о воздаянии за милости (Рукопись из Дунькуанского фонда Института востоковедения), части 1,2, М., 1972, а также еще не опубликованное исследование Л.Н.Меньшикова "Бянъвань по Лотосовой сутре".

И.Т.Зограф

"ЮАНЬ-ЧАО БИ-ШИ" И ПЕКИНСКИЙ ДИАЛЕКТ ЮАНЬСКОЙ ЭПОХИ

Как известно, в Китае на протяжении ряда веков параллельно существовали два литературных языка — вэньянь, основанный на нормах классического языка, и байхуа, опирающийся на разговорный язык.

В дальнейшем, говоря о китайском разговорном языке (или просто: о китайском языке), мы будем иметь в виду письменно зафиксированный литературный язык байхуа, при этом задача разграничения в нем разговорного и письменного стилей нами не ставится.

Интересующий нас период Сун-Юань ставит исследователя истории китайского языка в весьма благоприятные условия. В эту эпоху была написана разнообразная по своему характеру литература, представленная самыми различными жанрами: песенно-повествовательными произведениями (чжугундяо), многочисленными драмами, рассказами, романами, философскими произведениями - юйлу (наиболее известные - рйлу Чжу Си).

Среди письменных памятников, запечатлевших язык этого времени, особое место занимает "Юань-чао би-ши" ("Секретная история монголов"), представляющий собой не оригинальное китайское произведение, а перевод монгольского сочинения. $^{\rm I}$

Монгольский текст "Юань-чао би-ши" в оригинале уйгурского письма не сохранился. Имеется транскрипция этого текста китай-скими иероглифами с подстрочным китайским переводом каждого монгольского слова, а также сокращенный перевод всего произведения на китайский язык. Монгольская версия "Юань-чао би-ши" была предметом специального изучения и лингвистов, и историков; китайская версия, как перевод, да к тому же еще сокращенный, до последнего времени изучалась мало. Интересна она прежде всего своим языком. 2

Точная дата составления "Юань-чао би-ши", как и ее китайского перевода, неизвестна, Монгольская версия быда написана в XII веке (разные ученые указывают разные годы). Предполагается. что китайский перевод был сделан не менее чем на сотню дет позднее - вероятно, вскоре после падения монгольской династии или даже в 1404. Текст "Юань-чао би-ши" сохранялся в Китае в различных рукописях и изданиях, восходящих в конечном счете к двум незначительно расходяшимся первоизданиям: энциклопедии "Юн-ла дадянь ", ныне утраченной, и минскому изданию (от него сохранилась 41 страница), в целом современному первому и, очевидно, восходящему к общему с ним источнику. Основное различие между ними состоит в том, что текст в "Юн-дэ дадянь" делидся на 15 глав. а второй - на I2 (IO основных и две дополнительных). В XУШ в. Гу Гуан-ии (1776-1835) сверил явенализтиглевный вариант с пятналиатиглавным. Подготовленный им текст был в 1936 г. фотолитографически издан шанхайским "Коммерческим издательством" в серии "Сы бу цун-кань": при этом была использована 4I страница, сохранившаяся от оригинального минского издания. 3

Для лингвиста текст "Юань-чао би-ши" представляет особый интерес по двум причинам: во-первых, он написан разговорным язы-ком, и, следовательно, занимает важное место среди памятников, позволяющих изучать историю китайского языка; во-вторых, он представляет особый стиль - повествования об исторических событиях,

причем своеобравие его в данном случае обусловлено еще и тем. что произведение носит переводной характер. Это не могло не сказаться на грамматическом строе "Юань-час би-ши". С одной стороны, мы не встречаем в нем того разнообразия языковых средств. которое свойственно оригинальным китайским текстам (в частности, реньским пьесам). 4 Так, в нем нет субфикса множественности /РЯ мэнь (употребляется только суффикс Ж мэй). местопредикатива 🤼 жэнь и всех его форм Гупотребляются местопрединативы 🏂 🤼 (月) 杂鱼) чжэбань (набань). а чжэдэн и фи жуцы, вопросительного местопредикатива 🏂 🧖 цээмма /употребляется прежде всего заимствованный из вэньяня би / кухэ . а также Е # цээньшэн (5 生般 цээньшэнбань)7, отрицательного глагола В мэй (употребляется только 💯 у), модальных частиц ба и 🗣 ли (из повелительных частиц употребляются 🛣 чжэ и 🛂 чжо), предлогов со значением совместного участия в действии юй и 爲 тун). показагэнь и ж хэ (употребляются теля побудительной конструкции 🕮 цзяо (в таком графическом варианте), из двух служебных слов - 💤 ба и 44 цзян - обычным является только цзян, нет вопросительного 👫 🕵 для выражения риторического вопроса и т.д.

С другой стороны, в "Юэнь-чао би-ши" отмечены грамматические явления, необычные для китайской художественной литературы
того же периода и объяснимые как кальки с монгольского. Так,
причинное придаточное предложение оформляется посредством

— за шантоу, стоящего в конце придаточного предложения, при
этом в начале его могут быть употреблены, кроме того, союзы —
инь или вай; частица — мадао употребляется в повествовательном (или восклицательном) и в вопросительном предложении и имеет, по-видимому, значение утверждения; слово —
в, как самостоятельно, так и в сочетании — р-дай, употребляется как модальная частица (аналогично частице — лай).

Поскольку северный диалект юаньской эпохи в китайской литературе представлен только жанром драмы, данные "Юань-чао би--ши", отражающего именно разговорный язык, да еще в его упрощенном виде, оказываются особенно важными в тех случаях, когда рассматриваются грамматические явления, составляющие специфику северных памятников. 5 Так, и в юаньских пьесах, и в "Юань-чао

би-ши ", наряду с местоимениями, обычными в южных памятниках. наблюдаются слитные формы местоимений: 45 ань "мы", "я" и ₩ нинь "вы", "ты" (они явились результатом слияния в один слог местоимения и суббинся множественности 10 = 4 119 . 48. = 4% 46%). Интересно, что при этом вначение и функциональная нагрузка этих слов в указанных текстах не совсем одинаковы. В раньских пьесах местоимение ань употребляется в значении и единственного, и множественного числе, в "Юань-чао би-ши" как правило, в значении множественного числа. В раньских пъесах местоимение нинь употребляется и в значении множественного, и в значении единственного числа: оно выступает главным образом как определение и как поллежащее, реже - как дополнение: в прань-чао би-шип нинь обычно встречается в значении множественного числа, основная его функция в этом тексте - функция поллежащего, как определение или дополнение оно возможно, но это наблюдается редко. Для северных памятников характерно также употребление местоимения ры цза, представляющего собой стяженную форму местоимения 🔊 🕏 цзыцзя. однако в юаньских пьесах не встречается форма множественного числа об ж цзамай, распространенная в "Юань-чао би-ши". Из повелительных модальных частиц. составляющих специфику северных памятников, в "Юань-чао би-ши" (若) чжэ (чжо),如 цза встречаобычно используется только 若 ется очень редко: в раньских пьесах широко распространены и чжа (чжо), и цза. В "Юань-чао би-ши", кроме того, можно встретить сочетание 也 若 е-чжэ, используемое аналогично упомянутым выше повелительным частицам.

Итак, несмотря на то, что раньские пьесы и "Юань-чао биши" не обнаруживают полного совпадения в употреблении одних и тех же грамматических форм, только привлечение памятников разного жанра в пределах одной диалектной разновидности позволяет проследить, были ли рассматриваемые грамматические явления общедиалектными, или они свойственны только какому-то определенному жанру. И в этом смысле памятник "Юань-чао би-ши" оказывается совершенно незаменимым при изучении северного (пекинского) диалекта юаньской эпохи.

I Характеристику памятника см.: Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). I5 цаюаней . Том I. Текст.Издание текста и 7-2 82

предисловие Б.И.Панкратова, М., 1962 (Памятники литературы народов Востока. Большая серия. УШ).

2 Исследованию ее в этом плане посвящена монография М.Холлидзя "Язык китайской версии" Секретной истории монголов"" (M.A.K.Halliday , The language of the Chinese "Secret History of the Mongols", Oxford , 1959). Эта монография заслуживает внимания прежде всего как первый опыт описания среднекитайского текста с позиций лондонской школы структурной лингвистики.

Для настоящей работы мы, однако, предприняли собственную расписку всего текста. Она, как и анализ М.Холлидая, опирается на издание: 元 東 不如 史 , 高 君 印 書食 记 , 四 多 7 表 中 。 即 4 本 4 , 1936。

- B Подробнее об этом см. M. Halliday . op.cit. .p. I.20-22.
- ⁴ Речь идет о грамматических явлениях, не связанных с жанровой принадлежностью памятников.
- 5 М.Холлидэй отмечает, что язык "Юань-чао би-ши" имеет много точек соприкосновения с языком других образцов разговорного китайского языка, таких как юаньская драма и минские романы, с которыми и должно быть проведено систематическое лингвистическое сравнение данного текста. Но такой задачи он себе не ставил, поскольку это потребовало бы столь же тщательного исследования языка и этих текстов (M.Halliday, op.cit., p.5-6). Насущную необходимость такого сравнения в недавнем прошлом подчеркивал Э.Хениш (E.Haenisch, Sinologische Früchts auf dem Felde des Yüan-ch-ao pi-shi, "Asia Major", 1965, vol.XI,pt.2, p.153-159).

К.Б.Кепинг

Выражение значения множественности в тангутском языке (имена) ^I

І. В настоящее время существует мнение, что в тангутском языке "имеется форма множественного числа для существительных,

обозначающих лица, но остальные существительные такой формы не имент. 2 причем утверждается. что только одна морфема Типа служит для образования множественного числа в тенгутском язы-Ke 3

Однако проведенное нами исследование тангутских текстов показало, что значение множественности у существительных может быть выражено с помощью: Г) показателя множественности при : 2) показателя перечисления 🛣 тТ : 3) показателя собирательности 🔆 рі : 4) синтаксической конструкции с редуплицированным глаголом (следует отметить, что последний способ и в плане выражения и в плане содержания отдичается от первых TDEX - STO CUNTAKCUVECKOR ROHCTDVKUUR. BNDOXADWOR SHOVEHUE исчерпывающей множественности).

Указанные способы выражения значения множественности (кроме второго) определены нами и описываются в тангутоведческой литературе впервые.

П.І. Показатель множественности 秋 реав. . Морфема 敦火 пязы ставится после одушевленных и неодушевленных существительных. а также местоимений. и придает им значение множественности. например:

- (I) ... 劉 靴 謂 弱效 不 設心 配
- лк п

- no o zielie ngem in miei phi ... Приказал [чжубо] сообщить детны день [своего возвращения].
- (2) 姚蒴菀级溺 截 秋 姚 娣 JK TX

śje viei ndzwi kwi plu na ngem ndu iu /Гао-цзу/ прежде всего пригласил своих старых уважаемых друзей.

- (3) 鞍府嚴击 戳 麻 俞 巯 蕺 菽 лк уш tshi mje mbje tsi ngaw zi ko tshu lhwu 🗹
- Все дочери слуг были одеты в шелк.

(4) 煎 瓣 姚 蒴 耿 躺 養 誇 辩

лк ту

ion tsha iei tshi ngam sie 🛭 vie ldfa Ван Цань мог снова расставить шахматы в прежнем порядке.

[🍍] Здесь и далее знек 🖾 означает, что чтение мероглифа неизвестно.

(5)腕脚勒蜒慢频频辐影如频前弱 S

thī în ni iei ndiu 🗵 ndîn tha ngam xia kem ndîn kêi. И эти бараны помаловались на 🗸 Чжан Цари-дао7, скорее пововите их срла.

Морфема 地 резт является не суффиксом, составляющим единое целое с предмествующим именем, а отдельным словом, так как между существительным и 東東 перш может быть поставлено прилагательное (см. пример 2). Однако 東東 перш является не знаменательным, а служебным словом, так как отдельно без предмествуюмего имени не употребляется.

Парадлельно сдужебному сдову 常火 реэш в тангутском языне существует его омоним — знаменательное сдово 常火 реэш "число":

(6) 收收购 荔茄 JK IY ndzIwo ngow mIn tha sa

/Янь Янь-нянь/ казнил людей без числа.

II.2. Показатель перечисления 有身 пі. Из четырех описываемых нами способов выражения значения множественности только морфема ф пі имеет прямую аналогию в китайском оригинале, в именно 年 дан. Морфема ф пі обычно определяется как показатель множественного числа одущевленных существительных. Однако в исследованных нами текстах ф пі не имеет значения чистого множественного числа: скорее всего это своеобразный по-казатель перечисления, так как чаще всего употребляется после нескольких однородных членов предложения, выраженных одущевленными или неодущевленными существительными. Например:

(7) 藍 黎 勢 殇 豫 廠 殲 澗 報 黏 数 和 我)精 彰 肖 级 罗3 C we thei ki ton áie ái 图 tshiu tsheu kwi nī su kiei ldrei ndin we i.

Когда выходинь на место сражения, пусть все станут такими же храбрыми, кек Чжуан Чжу и Цао Куй.

(8)烘 序形 雜 麥 辭 夠以 忤 D 娇 郊 的 多数 瓊 強 强能 荔城S 图 lu mīn rie zīon mbie niuo ngu In wa caw ndze ka nī via sa sie

Когда /чжен Царй-дао/ еще не получил хорошего места, то, выдавая дочь замуж, стал резать быков, баранов, свиней, петухов, гусей.

(9) 死 烟上猫 独 烟山 羽见 烟山 独 满 粉 烟山 好 蘇 新

thi ndi ta ndziwo ndi lew ndi ldia ndi ni 🗵 nso ndi thwi ldiei ku wo ndi we lie

Что касается этого мероглифа, то смысл его получается из соединения трех мероглифов: мероглифа "человек", мероглифа "один", мероглифа "рот". (Имеется в виду мероглиф 🚖 хэ, который можно разделить на три знака — "человек", "один", "рот". Следует отметить, что перевод последних четырех мероглифов в этом предложении предположителен).

(IO) 藏 拟頻皲 额 绷 磨 剝 粉 煅 鞍 藐 IK IY

via ldie lio ni táhiu phin nin ndžei vie mi we tha sa Отца и брата 🗗 Цзы-свяй несправедливо казнил чуский Пин ван.

(II)姚影鸿湖独游级藤丽莎鹊鞘 IK IY

lem thin plu ngl ldie lo via thwn ngl nl tha zwon /на чу яо/ были надеты только бамбуковая шляпа и камышовый план.

В некоторых случаях показатель перечисления 🤼 мг ,находясь после отдельного одушевленного или неодушевленного существительного, а также местоимения, может иметь значение чистой множественности:

(I2) 炬鹿牧孙 慷燕 弱猫 配 33 IK III

nīuo số ndzīwo ni vio pie ti sio na i Сопровождавшие /Вэнь-хоу/ дюди стали уговаривать /его/: "Не ходите".

(18)弱/络敵姬蒴鞴瓤酸籔 脈 III

tsion kan tiei mi sia ko ndžia ni lda Только Чжен Ген не помел и врыл в землю колеса повозок.

(I4)乾康筠履链部旅豹藏弘惨龄 IK IY

swen nîn a tshie tha nî în mie tshia mbiu vie Сунский вен разгневался и приказел закопать их трупы (трупы мужа и жены - К.К.) у дороги.

7-4 82

Следует отметить, что в последнем предложении значение множественности выражено показателем, стоящим при определении, а не пом определеном.

После отдельного имени собственного 奪 覧 значит паругиет:

(15)敬意謂願報數勵 植恶晨酸 强麻 C

tha Z taiu tahem ni nga ie nio a khi žie rio so pravy Trao и другие стояли во главе отборного войска в двести тисяч человек.

Морфема 71/2 ві не суффикс, а отдельное слово потому, что, находясь после нескольких существительных (см. примеры 7-II), она относится ко всем стоящим перед ней существительным, а не только к последнему из них. 41/2 ві — служебное, а не знаменательное слово, так как отдельно без предмествующего существительного не употребляется.

II.3. Показатель собирательности 💥 рі . Морфему 🗓 рі ми уже описывали как приглагольную, указывающую на то, что субъект действия глагона, после которого она стоит, имеет значение множественности. 5 Однако эта же морфема может стоять и после некоторых имен, выступая, по-видимому, как показатель собирательной множественности. По нашим наблюжениям 🕏 после имени напоминает качинский суффикс множественности который "может выступать в функции показателя коллективной множественности существительных, объединенных общим признаком (по месту жительства, качеству и т.л.)".6 Например. 32 пі может стоять после следующих одущевленных существительных: 🗱 "ADYT" - 京 芸 芸 范 viei ndzwł ni "друзья"。 公社 流 32 ni ndzwi ·o "coce z" - 安龍 散移岩 ni ndzwi ∙o ni "соседи". Кроме того. ы может стоять после названий княжеств или народностей, выступая как показатель собирательной множественности жителей этого княжества или представителей народности:

(16) 绢乾珥猪糊彌 临配

tshien ni siz via sie mei la phi Циньцы отправили шпиона и приказали [ему] отправиться шпионить [в царстве чжео шэ].

(17) 終稅 對蒙 豫 鹬 配 %

ЛК III

ndi pha ni mbi vie phi kāi.

Гунны захотели сделать Су у/ чиновником.

Морфема 🕏 рі может указывать на множественность, находясь и после некоторых личных местоммений:

(18) 犯裁憾疏微似频频矩致粉载

the ni ldwon ldwei nruo rie nga mi liwu vie ni llocae roro, как они расслабятся, мы нападем.

В последнем примере сочетание के उट tha mi "они" обозначает врагов, противную сторону в сражении, т.е. и вдесь содержится адемент собирательности.

Морфема ₹ пі является отдельным словом, так как между ней и предшествующим словом может быть поставлен субстантиватор № шіе "тот, кто", например:

(I9) 片紅 個外 斑斑 發露苑 雾化 雾化 图 II

до san mbu tshie mie ni rie ma Из-за того, что спословицы широко распространились св народе, много тех, кто сих говорит (букв.: говорить + тот, кто + 500 ni).

Однако 🗓 пі - служебное слово, так как отдельно без предмествующего имени или глагола не употребляется.

Параллельно служебному слову $\frac{3}{32}$ пі в язике существует его омоним — знаменательное слово $\frac{3}{32}$ пі продп (кит. 6), например:

śiu lhia tśón ni mbře

Девупка из рода Чжо /в царстве шу (кит. 蜀草 (之 女).

II.4. Синтаксическая конструкция с редуплицированным глаголом. Глагол, стоящий после существительного, но являющийся по
смыслу определением к этому существительному, 7 удваивается 8,
в результате чего это существительное получает значение исчерпывающей множественности. После редуплицированного глагола обычно
стоит наречие с местоименным значением 麻 źi "все" (иногда
麻 市 то źi "все"). Конструкция носит выделительный характер, поэтому мы предлагаем ее переводить как "все-все, которые...", "абсолютно все, кто...". Например:

tshi lhis ndzīwo lda kī ldīei ldīei ži miu pīe khwi vie ku we u ndžie ndžie ži on la

Если всем-всем циским людям, которые попадут в плен (букв.: циское государство люди руки попасть попасть все) отрезать уши и носы, то все-все находящиеся в городе (букв.: город в находиться находиться все) придут сдаваться.

(22)蔟 平延收纸% 法该麻 情愁 ... I2 11

tîn we niuo ldie lwa viei viei zi tshêm vie Если все-все имевинеся вне города могилы (букв.: город снаружи могила иметься иметься все) разрушить, то ...

(28)转数级级脆颜级森务

a khiu ndžie ndžie to ži tshie pha

Абсонютно все, кто жили в доме /Чжан Цзюй-дво/ (букв.: ворота под находиться находиться все), прекратили есть мясо.

Как видим из примеров, рассматриваемая конструкция допускается как одушевленными, так и неодушевленными существительными.

III. В опубликованных до настоящего времени исследованиях тангутского языка материалом для реконструкции грамматики послужили переведенные с китайского произведения канонической литературы (т.е. буддийские и конфуцианские сочинения). Известно, что эти сочинения переводились очень точно, иероглиф за иероглифом, что не могло не сказаться на языке перевода: тангутский язык переводов этой литературы очень китаизирован. Что же касается произведений неканонической литературы, то они как правило переводились весьма вольно, а то и перелагались без соблюдения текстуальной точности и особенностей оригинала. (Так, мы уже указывали на вольность перевода трактата Сунь цзы на тангутский язык. Вольный характер перевода позволяет надеяться, что в тангутских переводах произведений наканонической литературы исследователь встречается с нормами тангутского языка, не испытавшими на себе сильного влияния языка оригинала.

Наше исследование тангутского языка построено на произведениях некенопической литературы, переведенных с китайского. 4

На примере определения способов выражения значения множественности мы хотим показать зависимость языка переводного сочинения от характера оригинала. Так, из четырех описанных выше способов выражения значения множественности по произведениям кенонической литературы был определен только один (служебное слово $\frac{1}{2}$ nf), причем именно тот, который имеет соответствие в китейском явыке ($\frac{1}{4}$ дэн).

По-видимому, изучение мертвого тангутского языка по переводам канонической литературы позволяет установить только то общее, что есть в грамматическом плане в тангутском и китайском языках, различия же с трудом поддаются определению. По нашему мнению, среди переводов с китайского только неканонические сочинения представляют такой лингвистический материал, который позволяет восстановить нормы тангутского языка, а не его китаи-вированного вермента.

I Значение множественности может быть выражено также и в глагольной цепочке, подробнее см.: К.Б.Кепинг, Согласование глагода с субъектом в тангутском языке. - Материалы конференции памяти Ю.Н.Рериха. М. 1974 (в печати).

² М.В.Софронов, Дешифровка и исследование тангутского языка. - "ВЯ", 1974, № 1, с.125.

³ М.В.Софронов, Грамматика тангутского языка, М. 1968, т.1, с.160.

⁴ Примеры взяты из следующих китайских сочинений в тангутском переводе, кранящихся в ЛО ИВ АН СССР: I) "Лес категорий" - сокращенно "ДК" с указанием порядкового номера царани; 2) "Сунь цзы" - сокращенно "С"; 3) "Двенадцать царств" - сокращенно -12 Ц"; 4) Предисловие к Suvarnaprabhasa - сокращенно s; 5) Предисловие к тангутским пословицам - см.: "Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарий Е.И.Кычанова, М. 1974, с. 153 - сокращенно "П".

⁵ К.Б.Кепинг, Согласование глагола с субъектом в тангутском языке...

⁶ Е.В. Пузицкий, Качинский язык, М, 1968, с.51.

⁷ Глагол в функции определения к имени стоит перед именем, например, 5½ % 210 1ho "рыночная площадь" (букв.: продавать + площадь).

⁸ Это единственный случай удвоения глагола в исследованных текстах; удвоенный глагол в функции сказуемого нам не встретился.

- 9 Б.Д.Рифтин, Типология и взаимосвязи средневековых литератур (вместо введения), В ки.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М. 1974. с.65.
- 10 Китананция тангутского языка в буддийских сочинениях уже отмечалась Нисидой Тацуо, см.: Нисида Тацуо, Исследование тангутского языка. Токио. 1966. т. 11. с. 564 (на япон. яз).
 - II Б.Л.Рифтин. Типология и взаимосвязи.... с. 65.
- IZ К.Б.Кепинг, Перевод на тангутский язык китайского военного трактата Сунь цам. - В кн.: Страны и народы Востока, вып.XI, М. 1971, с. 46-48.

К.К.Курдоев

EME PAS O COPMAX MHOMECTBEHHOTO UNCHA MMEHN B KYPJCKOM SBLKE

Вопрос о формах множественного числа имени и о способах выражения множественности в резличных диалектах курдского языка изучен достаточно полно. Имеются как общие исследования, посвященные изучению множественного числа в различных диалектах курдского языка в сравнительном плане¹, так и описания категории множественного числа имени в отдельных диалектах². Тем не менее в печати продолжают появляться отдельные исследования, в которых появатели множественного числа в курдском языке описываются неточно.

Давно установлено, что для современного курдского языка карактерно наличие двух основных падежей: прямого и косвенного. Прямой падеж представлен нумевым исходом имен, а косвенный — формой множественного числа на —ах . Имя в прямом падеже употребляется как подлежащее непереходного глагола во всех формах времен, как прямое дополнение переходного глагола в промедшем времени, как подлежащее того же глагола в формах настоящего времени. Множественное число имени в прямом падеже, как правило, выражается в окончаниях глагола—скавуемого. Имя в косвенном падеже упот—

ребляется как прямое дополнение переходного глагола в формах нестоящего времени, кек логическое подлежащее того же глагола в формах процеднего времени, и как определение и косвенное дополнение в предложении. Эти функции прямого и косвенного надежей имен достаточно хорошо описани в трудах курдоведов. Употребмение имен в форме на =an во множественном числе в косвенных падежах характерно для говоров курманджи, представленных в Советской Армении, в Сирии и в Турции.

Для северных говоров курманджи и говоров южного диалекта сорани характерно другое положение: адесь = ал как показатель множественного числа выступает как в прямом, так и в косвенном падеже. Очевидно, что говор мукри не является в этом отношении исключением. Это явствует из многочисленных примеров, приведенных исследователями этого говора. Так, в работе И.А.Смирновой мы встречаем следующие примеры, отражающие употребление форм множественного числа — ал ,—ал — ,—екап или —кап не толь-ко в косвенном падеже, но и в прямом:

mindalan ...le kaxez u barût toq-toqe w fiş-fişe w esbabî kaye saz deken "Дети мастерят из бумаги и пороха хлопувки, шутихи и игрушки"(ИА.,I70); Gewrekan-iş bo mindale wurdekan le pêş çejnê-da cilî taze saz deken "Взрослые же шърт перед праздником для маленьких детей одежду" (ИА.,I70); Кîjekan-îş le rêgay хо-уап -da roiştin "Девушки тоже пошли своей дорогой" (ИА., I72); Ew kîjane derawsey Wenewşe bûn "Те девушки были соседями Ванавши" (ИА.,I73) и др.

Употребление форм множественного числа на —an в прямом падеже встречается также и в говоре курдов Туркмении: iru mêr—gan terine nêçîrê "Сегодня охотники пойдут на охоту" (ÇX., 145); Xizanan çûne komekê kolxozçîyan "Дети помли помогать колхозникам" (ÇX,;151); Kolxozîyan le çolê binav beref deken "Колхозники убирают в поле сено" (ÇX.,151); Va xizanan şev man le çole "Эти дети ночью остались в поле" и др.

Зафиксированы случаи употребления формы множественного числа имен на —an в прямом падеже также и в других вжных говорах сорани (районы Эрбиль, Ревандуз, Бингирд и др. в Ираке). Так, например, Lawan qisanda bûn "Оноши были заняты разговором" (Mac., 168); Le gel Ersselan u Ferujliqa estiran muwafin "Звезды являются спутниками Арслана и Фаруллика" (Mac., 164); Kîseleke be tund derkey girt w mirawînan firîn "Черепаха крепко закрыла дверь и утки улетели"; Heta sibeynê herdûkyan giryan "Они оба плакали до утра" (Мас., 222); Feqet ew şewe şitelekan le malê bûn "Но в ту ночь /кусты / рассады были дома" (Мас., 172); Şetelekan req bûn "Стебли рассады стали твердыми" (Мас., 170), и можно быле еще привести примери употребления формы множественного числа имен на —ап и из других говоров северного и южного двалектов курдского языка.

Надо полегать, что приведенных примеров достаточно для того, чтобы заключить, что форма множественного числа в имени на —ав функционирует как в прямом. Так и в косвенном падеже. 4

Следует также добавить, что мы, как и ведушие курдские уче-HME MORKA, CKNORHA CUNTETS MYRDE OZHUM ME POBODOB DEHOPO ZWEZEK-TE KYDACKOTO REMKE (CODEHN). NO CECEMY FRAMMETERECKOMY CTROD OH ничем не отвичеется от курдских говоров районов Ревандува. Эрбила. Бингирла (Ирак). 5 Поэтому все грамматические формы имени в мукри могут быть объяснены на основе сравнения с другими говорами сорани и нуждаются в строгом описании с помощью одних и тех же грамматических терминов. Так, например, с точки врения выражения понятия множественности в имени нет никаких оснований противопоставлять формы на =ane и =ekan форме на =an Окончание =ekan или =kan представляет собой показатель множественного числа имен. обозначающих известный предмет или же известное лицо, о котором говорится в момент речи, а форма представляет собор показатель множественного числа имен. обозначарших видимый предмет или видимое лицо. О котором говорилось или говорится в данный момент. Первая образовалась из показателя определенности-единичности - еке и формы множественного числа -an . a btodas - us ton me dodmi mhomectbehhoro uncha -an u показателя определенности — который обычно присоединяется к имени в сочетании с указательным местоимением, который функционирует в качестве детерминатора имен.

I К.К.Курдоев, Сравнительная грамматика курдского языка. Автореферат докторской диссертации, М., 1965, с. 33-38.

² См., например, статью К.К.Курдоева "Об изафетном показателе множественного числа в мукри", - ПП и ПИКНВ, XI/2, с.64-67, М., I975; см. также: O.Mann, Kurdisch-Persische Forschungen, Berlin. 1906.

³ Мы имеем в виду кн. К.Э.Эйюби и И.А.Смирновой "Курдский диалект мукри", Л., 1968, с.4, а также исследование И.А.Смирновой

"Формы множественного числа в иранских языках". Л. 1974.

- 4 И.А.Смирнова, вопреки приведенным в ее работе примерам, доказывает, что формант = примерам употребляется только как показатель множественного числа в косвенных падежах, см. ук.соч., с.38 и сл.. 170 и сл.
- 5 Иной точки зрения придерживаются К.Р.Эйюби и И.А.Смирнова, см. "Курдский диалект мукри".
- 6 Ср. И.А.Смирнова, Формы множественного числа в иранских языках. с.170-171.

Принятые сокращения

- I. ИА И.А. Смирнова, Формы множественного числа имени в иранских явыках. Ленинград. 1974.
- 2. СХ Ч.Х.Бакаев, Говор курдов Туркмении. М., 1962.
- 3. Mac. D.N.Mackenzie, Kurdish dialect studies, London, 1960.

Н.И.Носова

ИМЕННЫЕ И КВАЗИИМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена рассмотрению образований бирманского языка, которые включают в себя глагольный корень в сочетании с какой-либо служебной морфемой типа a=, = na^2 , = nna^3 ta^3 , = na^2 , = na^3

Рассматриваемые образования обнаруживают в той или иной степени свойства, присущие именам. Нужно выяснить, имеем йи мы дело с глагольными формами или с отглагольными именами, а также можно ли произвести какую-то классификацию этих образований.

Различение этих двух типов единиц имеет принципиальное значение: в первом случае образуется один из членов парадигмы глагола, его словоформа — лексема же остается той же; во втором случае образуется другая часть речи — имя, т.е. другая лексема. С практической точки зрения образование отглагольного имени должно отражаться в словаре, в то время как образование именной формы глагола не требует включения в словарь новой единицы.

Хорошо известно, как трудно находить признаки, по которым можно стграничить одну часть речи от другой. Такие признаки, по которым осуществляется разграничение слов по частям речи, обычно применяются к словам в их типичных основных формах и употребдениях (финитная форма глагола и т.п.). Проблема становится труднее, когда мы начинаем рассматривать разного рода вторичные образования. Известно, что исследователи часто спорят, к чему отнести, например, причастие в разных языках — к глаголу или к имени. Именно в таких случаях перед нами стоят два упомянутых выше вопроса — во-первых, отграничение формообразования от словообразования, во-вторых, классификация соответствующих форм.

Разграничение формообразования и словообразования - самостоятельная проблема, не сводящаяся к тем случаям, о которых мы говорим. Применительно же к самим этим случаям решать пробдему оказывается легче, когда у нас есть достаточно четкие признаки разграничения частей речи. в частности, имени и глагола. Лействительно, если какое-то вторичное образование пролоджает обладать какими-то существенными признаками глагода. то перед нами - глагольная форма. Если такое образование теряет существенные признаки гдагода и приобретает существенные признаки имени. то мы имеем дело с отглагольным именем. Так. например. русское причестие - это глагольная форма, хотя оно склоняется как имя. Причастие, образованное от переходных глаголов, способно управлять доподнением ("читающий жнигу"), а это - признак глагола. Значит. причастие - это форма глагола (именная). Отглагольное же имя в русском языке - это не форма глагола, а существительное . поскольку оно не способно управлять дополне-HMEM ("TEHME KHMPM").

Вопрос сводится к тому, чтобы из совокупности признаков выделить диагностические, среди которых в свою очередь могут быть выделены более или менее важные.

Для бирманского имени и глагола диагностическими можно считать следующие признаки:

- I. Сочетаемость со служебными морфемами:
- а) имя сочетается с показателями множественного числа = мйа 3 , =твэй 2 , =тоу I ; глагол сочетается с показателем множественного числа =ча I ;
- б) глагол сочетается с показателем отрицания ма=; имя с атим показателем не сочетается.

- 2. Выполняемые синтексические функции:
- а) глагол в соответствующих формах может выступать в функции дополнения цели и результативного определения; имя в бирманском языке не может выполнять указанных функций, оно может быть дополнением места и времени.
- б) имя и глегол в бирменском языке могут выступать в функции определения, но различие между ними состоит в том, что неоформленное имя выступает в качестве левостороннего определения, а неоформленный глагол в качестве правостороннего.
 - В. Способность иметь зависимые слова:

имя может иметь при себе только один тип зависимого слова - определение (это, прежде всего , препозитивные определения на $= u^{I}$, $= \ddot{n} a^{I}$ или $= \tau o^{3}$, $= \tau a^{I}$, $= u u^{I}$; глагол имеет при себе два типа зависимых слов - определение на $= c a^{2}$ или на a = u дополнение (прямое, если глагол переходный).

Будем считать, что именная форма глагола — это глагольная форма, которая обладает хотя бы одним диагностическим признаком имени. О том, что это — глагольная форма "судим по наличию основных диагностических признаков глагола, среди которых особенно важное место занимает способность управлять дополнением. Значит, именная форма глагола, оставаясь глаголом, совмещает в себе признаки как глагола. Так и имени.

К именным можно отнести следующие формы: "форма на a=", "форма на =йа 2 ", "форма на =пйи 3 та 3 ", "форма на =йан 2 ", "удвоенная форма глагола (редупликатив)", "форма на =кхин 2 " и "форма на =сва 2 "

Например, глагольная форма, образующаяся префиксом а=, - именная форма глагола. О глагольном характере этой формы говорит тот факт, что переходные глаголы с префиксом а= сохраняют спо-собность управлять прямым дополнением. Эта форма может также выступать в функции результативного определения и дополнения це-ли. Форма на a=0 может быть правосторонним определением к имени.

Именные же ее признаки — это способность принимать определение на $= \mathbf{u}^{\mathbf{I}}_{\bullet} = \mathbf{n}\mathbf{e}^{\mathbf{I}}_{\bullet}$

В отличие от именных форм глагола квазиименными можно назвать такие формы глагола, которые имеют некоторые именные признаки, но не из числа диагностических.

К квазиименным можно отнести следующие признаки формы: "форму на =аун²", отрицательную форму глагола, "форму на =йин³",

"форму на =йвэй I ", "форму на =ка 2 " и нейтральную форму глагола (материально равную корию).

Например, "форма на = $aye^{2\pi}$ имеет некоторые именные признаки: она может быть предикативным членом связочного сказуемого и сочетаться с эмфатическими показателями xa^2 , коу², пийни¹.

Все именные и квазиименные формы глаголов можно классифицировать, расположив их по степени убывания глагольных признаков и возрастания именных. Получится следующая картина.

"Наименее именные" — нейтральная форма глагола, "формы на =ayн² и =ивэй^I". Они не обладают на одеим диагностическим признаком имени, а из недиагностических им присущи способность выступать предикативным членом в некоторых особых конструкциях, а также сочетаться с выделительными частицами, характерными для

Следующую позицию в классификации занимает "форма на =йин^З". Она сочетается с синтаксическим показателем совместности хнин^I и может выступать в функции предикативного члена.

Далее следуют "форма на =сва 2 ", удвоенная форма, формы "на =йан 2 ", "на =йа 2 " и "на =пйи 3 та 3 ". Эти формы могут быть девосторонним определением к имени, что является диагностическим признаксм имени.

Наконец, наиболее именной и наименее глагольной оказывается "форма на a=". Из глагольных признаков она сохраняет лишь способность управлять прямым дополнением (когда глагол — переходный). Эта форма не сочетается с показателем отрицания, не может иметь модальных и прочих показателей, не может принимать определение глагольного типа, но способна принимать определение, оформленное на $=u^{\rm I}$. $=\ddot{x}$ 3 $^{\rm I}$ 6.

Л.П.Смирнова

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГЛАГОЛА <u>ГОЗАШТАН</u> В СОВРЕМЕННОМ ПЕРСИДСКОМ ПРОСТОРЕЧИИ

Одной из особенностей современного персидского просторечья является употребление глагола гозантан в функции служебного. Между тем факт этот не отмечен ни в специальных работах, ни в

словарях персилского языка.

Гозанти в роми служебного глагола употребляется только в сочетании с глаголом рафтин уходить, к которому он примыкает непосредственно - предмествует ему и согласуется с ним во времени, лице и числе, утрачивая при этом самостоятельное значение (класть ', оставлять ').

Все примери на употребление гозантан в качестве служебного глагола извлечены нами из пьес "Пахлаван-качал" ("Племивый богатырь") современного иранского драматурга и актера Али Насерийана¹, написанной на просторечьи, и "Туп-е ластики" ("Резиновый мяч") другого известного писателя сегодняшнего Ирана, Садега Чубака². Примеры можно разделить на две группы:

I) гозаштан в форме аориста стоит перед аористом глагола рафтан (после модального глагола хастан):

Сийаh: Ахе арбаб, эдаве бёр ёрбаби-йе то ма-ро рёфиг-е ход-ёт мидунисти. Ма нёбас бедуним вё-коджа михаи берёви? Мёртике-йе хёр вонгёри то би ма джа-йи немирёфти. Ахе че тоур вод, йе ьбу михаи бегозари берёви? Нёконе, ёз ма делхор води?

Негр: "Ведь ты, господин, помимо того что был моим хознином, считал еще меня своим товарищем. Мне не надо знать, куда ты собираешься уйти? Глупый ты мужик, ты же без меня никуда шагу не ступал! Как же так, ни с того ни с сего вдруг хочешь взять да уйти? Или быть может, ты обиделся на меня? '

2) гозаштан в форме претерита стоит перед претеритом глагода рафтан:

Сийаh: "Джун-е то, панжаван, намин ал ан маздик буд Вервереджаду санг-а: коне. Ин пирезане...(бар мигардад пирезан-ра неман беденад, мибинад нист). Э, ин занике-йе фагире коджа гозант рафт? наконе, код-е Вервере-джаду буд!"

Негр: "Клянусь твоей жизнью, пахлаван! Сию минуту Вервере-колдудунья чуть было не превратила меня в камень! Эта старуха...(оборачивается, чтобы показать ее, видит старухи нет). - Э, куда делась эта нищенка? Уж не была ли то сама Вервере-колдунья!

(Йагут ёз бирун пёнлёван-ра сёда мизёнёд) Йагут: Э, баба пёнлёван , коджа гозашти рёфти? Эйн-е Вервереджаду йе boy гейб-ёт зёд! (Макут из глубины сцены зовет пахлавана...)
Макут: Эй, папаша пахлаван, куда же ты подевался? Словно Вервере-коллунья вдруг уташила тебя!

Сийан: "Чемш, дарём мирём (бёр мигёрдёд). Расти, ёрбаб, ёге ун песёр-ханёр-ёт Нушёнг-хан, ке дар-о-нёдар-ёт-о беш мибёхши, мён=ём ру-ш, бепорсе: "Ин мёртике-йе педёрсухте-йе горомсаг коджа гозашт рёфт?". - чи беш бегём?

'Негр: "Слушаюсь, иду (возвращается). Да, господин, если твой племянник, Хушанг-хан, которому ты даришь все свое имущество со мной впридачу, спросит, куда делся этот сводник, что мне сказать ему?

Далаки: "...то аз раме кас бертар мидуни ке ман бе ин адам че гадр хуби кардам. Диди, че джоури гозупт рафт? Бебин, мабада бе ин адам э темал кони-ра!

'Далаки: "... ты лучше всех знаешь, сколько добра я сделал для этого человека. А ты видела, как он /ни с того ни с сего/ взял и ушел? Смотри, не лумай доверять ему! '

Из приведенных примеров совершенно очевидно, что во всех случаях имеет место согласование обоих глаголов во времени, лице и числе. В типологическом отношении, таким образом, конструкция с глаголом гозаштан сходна с формами определенных времен с глаголом даштан, в которых также имеет место полное согласование (в лице, числе и времени) вспомогательного глагола с знаменательным, в отличие, скажем, от тажинского, где сочетания аналогичные по значению персидским построены по модели: деепричастие (знаменательный глагол) + спрягаемая форма (модифицирующий глагол). Ограниченное число примеров не позволяет точно определить семантику глагола гозаштан в этой функции. Можно лишь предполагать наличие некоторой внезапности, неожиданности действия, выраженного сочетанием этих двух глаголов, что иногда подкрепляется и контекстом (ср. в первом примере йе ьбу вдруг).

I журнал "Сохан", 1344, т. 15, № 5, с.510-527.

² Садег Чубак, Антари ке лути-йат мурде буд, Тевран, 1341, с. 153.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФОРМ

(на материале корасанского курмандин)

В хорасанском курманджи формам настояще-будущего времени (dekev+im 'падаю', 'упаду', dekev+i 'падают', 'упаду', dekev+
+in 'падают', 'падают', 'упадут') противостоят формы настоящего сильного, или настоящего специального (dekevi+me 'падают').
В целом обладая довольно ощутимой формальной и функциональной спецификой, парадигма настоящего сильного (структурно представпяющая собой своеобразный перфект настоящего времени) все же не выделяет особым звучанием формы 2-го л. ед.ч. dekevi и I-го л.
мн.ч. dekevinë , которые в этом случае омонимически совпадают с аналогичными формами настояще-будущего времени.

В предлагаемом сообщении, однако, внимание привлекается не к этому соотношению, карактерному для глаголов корасанского курманджи, взятых в совокупности, а лишь к одной из особенностей ограниченной группы глаголов (kirin 'делать', dan 'давать' con чидти, уходить и др.), сохранивних в исходе настоящей основы конечное е и тем самым. в частности. - формы 3-го л. ел.ч. настояне-будунего времени с тем же исхолом: deke 'делает'. dede 'gaer', tere 'uger' u t.g., a ne 'deki, 'dedi , 'teri . Hanogoome dekevi 2. Пои этом важно подчеркнуть, что указанные глаголы сохраняют те же формы 3-го д. ед.ч. и в составе парадитми настоямего сильного: deke . dede, tere и т.д. (без нараженной частицы -ye), a ne *deke+ye . *dede+ye . *tere+ye . Hanonoome tê+ye 'илет'. decû+уе 'жует' и т.д., - хотя те же глаголы для других или образурт специальные формы настоящего сильного: cp. dekeme / > 3 dekime ' ACARD', dekene / > dekine ' ACARCTO', 'ACARDT' и т.п.

Описанные сложные соотношения (когда основная масса глаголов не обладает особыми формами настоящего сильного для 2-го ж. ед.ч. и I-го л. мн.ч., а глаголы группы kirin и др. - также для 3-го л. ед.ч.) опираются на все доступные нам тексты и ©огли бы свидетельствовать по крайней мере о слабой выделенности категории настоящего сильного. И все же реальность этой категории в жорасанском курманджи не должна вызывать сомнения, на что указивает и недавно обративший на себя наше внимание нижеследующий отрывок из "Образда фонологической записи" (к сожалению, содержащего всего двадцать строк) — приложения к экспериментальнофонетическому исследованию В.С.Соколовой.

Ez le şkalê mellemîyê dekime. Herdu brê min: yêk le şêr dexwîniye, yi din le kelxazê k'ar dekê. Xwê min, yêk le febrîkî kar dekê, yi din hîn qiçike, t'erê dêtsat. Diya min biwi, le mal sa me xiragê teyar dekê.

Le sali biwi brayi mini le şêr dexwîni, xwendinê xelas deke, ew jî dexaziye biwi, le va şkali ez k'ar dekey(!)de k'êr k'ewi. Brayi mine le kelxazê k'ar dekey biwi saleke din dexaziye here şêr le şafiryê bixwîni. Xwengî mine qiçik saleke din t'ere pêrwî klas xwendinê.

'Я преподаю в школе, два моих брата — один учится в городе, другой работает в колхозе. Мои сестры — одна работает на фабрике, другая еще маленькая, ходит в детсад. Моя мать готовит нам дома.

В будущем году мой брат, который учится в городе, закончит ученье. Он хочет поступить на работу в ту школу, где работаю я. Мой брат, который работает в колхозе, хочет ноехать в будущем году в город учиться на шофера. Моя младшая сестра в будущем году пойдет учиться в первый класс.

Легко установить, что в приведенном тексте формы 3-го л. ед.ч. dekê 'делает', t'erê 'идет' (с непривычным исходом ê на месте обычного е) образуют один ряд с известными нам формами настоящего сильного dexwîniye 'учится', dexaziye 'хочет' (с наращенным формантом -уе; ср. здесь же форму I-го лица dekime) и что весь этот ряд в свор очередь строго коррелятивно противопоставлен формам настояще-будущего deke, t'ere (с конечным е) и dexwîni (без форманта -уе). Нелишне будет также отметить, что и форма конърнктива here 'пойдет' характеризуется конечным е в полном соответствии с тем, как одноименные формы biwi 'придет', к'еwi 'попадет', bixwîni 'будет учиться' лишены форманта -уе.

Как уже указывалось, ни в наших текстах, ни в текстах Г.Г.Пехлеви формы dekê, terê вовсе не отмечены. В текстах Ч.Х.Бакаева dekê тоже отсутствует, а форма t'erê представле-

на несколькими несомненно окказиональными употреблениями (см. примеры 3,4). Замечательно, однако, что для иллюстрации — в разделе "Фонетика" — утверждения о "безразличном употреблении е и 8... когда гласный е является окончанием 3-го лица единственного числа" (с. II) Ч.Х.Бакаев из всей массы глаголов привлекает те же dekê. t°erê. CD.:

- (I) Birê min p'ir we rind lû deke/dekê (II) 'Moй брат поет очень хорошо':
- (2) Ew je şêr werdek'evîye , t'ere/t'erê (II) OH BEXO-AUT US PODOJA U YXOJUT':
- (3) Evel dîyê lêwik sa lawî xwera t'erê îlçî qîzikê law dexwaze(I56) 'Сперва мать вноши отправляется сватать девушку, которую сын любит';
- (4) Rûyêkê je şehereki werk'et , fik'irî , kalikek t'erê (191) 'Как-то он вышел из одного города и видит, какой-то старик идет'.

При известной противоречивости материала нельзя все же не заметить, что и здесь во всех четырех примерах формы dekê и t'erê употреблены только в значении настоящего времени; в прим. 2 — в одном ряду с маркированной формой настоящего сильного werdek'evîye , в прим. 3, — правда, рядом с формой настоящебудущего времени dexwaze (вместо dexwazi/dexwazê ? Ср. в тексте В.С.Соколовой в аналогичной позиции форму настоящего сильного dexaziye).

Формы dekê , t'erê , разумеется, весьма проблематичны. Они, прежде всего, чрезвычайно скупо представлены И все же нам представляется продуктивным предположение, что они возникают в стремлении включить в общий ряд маркированных форм 3-го лица единственного числа настоящего сильного (demīniye 'octaetea', dexwiniye 'yчится', defrosiye 'продает', dexaziye 'хочет', decûye 'жует', têye 'приходит' и т.д.) и соответствующие формы стоящей особняком группы глаголов kirin , dan,çûn и т.д., сохраняющие в исходе гласный е (deke, dede , tere) как в настояще-будущем времени, так и в функции настоящего сильного. С одной стороны, формы deke , tere и т.д. явно перегружены омонимически: они не только обслуживают одновременно две парадиты — настояще-будущего и настоящего сильного, — но и сохраняют тот же звуковой состав в препозиции к имени; ср. tîni 'несет', но tîni+ye malê же 'приносит домой' при dede 'дает' и dede wî

'дает ему'. С другой стороны, теоретически постулируемые специальные формы настоящего сильного "deke+ye", "dede+ye" и т.д. (ср. реальные tê+ye, decû+ye" и др.) на почве хорасанского курманджи, по-видимому, оказались неустойчивыми (или вообще не могли быть порождены), и поэтому вполне можно допустить, что формы dekê, t'erê всилывают на поверхность, как бы минуя скрытый (промежуточный) этап deke+ye", t'ere+ye". Ср. у В.С.Соколовой чрезвычайно показательное в этом плане чередованые dekey/dekê; см. выше.

Но что же тогда препятствует внедрению маркированной формы настоящего сильного с исходом е и распространению ее на всю группу, т.е. подключению к deke 'делает', t'ere чдет' также форм dede 'дает', dewe 'берет, уносит', dexwe 'ect'?

Можно полагать, что на пути интенсификации этого процесса устранения омонимии наст.-бул. deke . наст.сильн. deke возобдаланием специальной формы наст. сильн. dekê - стоит чередование ê/i для форм 3-го лица единственного числа настоящих времен ОСНОВНОЙ МАССИ ГЛАГОЛОВ. В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ ОТРАЖАРМЕЕ ВИРОКО ПРЕДставленный в корасанском курмандки фонетический процесс сбликения гласных е - i. Узуальный ряд deke .tcere .dede.dewe. dexwe - при высокой частотности глаголов этой группы - неизбежно ассоциировался бы не только с функционально идентичным рядом ĎODM HACTORMETO СИЛЬНОГО (dexazive . defrosive . dexwînive т.д.), но и с созвучным рядом форм настояме-будущего - dexaze (/< dexazi), defrosê (/< defrosi), derwînê (/< dexwîni) M T.A., - что могло бы обусловить новое смещение форм Э-го лица единственного числа этих двух смежных парадиги: dekê - настоящее сильное (и настояще-будущее?). dexaze - настояще-будущее (и настоящее сильное?).

Не менее сдерживающим является, по-видимому, и тот факт, что конечное ê в составе dedê, dekê, terê, dewê в определенном контексте может быть истолковано и в качестве энклитического местоимения, замещающего постпозитивное дополнение. Ср. у Ч.Х.Ба-каева (с. 64): avê nekê, ew k'une' не наливай в нее воды, она дыравая.

Итак, мы видим, что и вновь возникающие формы dekê, terê отягощены омонимией (не только потенциальной, но и реальной) не в меньшей степени, чем исходные deke, tere, и что, следовательно, один и тот же процесс противодействия грамматической

омонимии - только обращенный в противоположные стороны - и вызывает к жизни формы deke, tere, и подавляет их, отводя им роль сугубо окказиональных.

I См. И.И.Цукерман, Глагольные окончания в хорасанском курманджи (Диахроническая направленность вариантов). Палестинский сборник, вып. 2I (84), Л., 1970, с. II4-I2O. Там же указаны источники и условные обозначения для иллюстраций.

² Подробнее см. там же, с.117 и слл. Формы deki, dedi, teri теоретически вовсе не исключены. Они вполне могли бы возникнуть — по крайней мере, в качестве окказиональных — по аналогии с dekevi.

 $^{^3}$ Сочетание знаков /> обозначает "чередуются с неотипом", /< - чередуется с архетипом".

⁴ В.С.Соколова, Очерки по фонетике иранских языков, I, 1953. с.99.

⁵ Форма dexwini (вместо ожидаемого dexwiniye) возникает здесь, по-видимому, под воздействием обстоятельственного выражения le sali biwi 'в будущем году'.

⁶ Ez k'ar dekey... (вместо требуемого к'ar dekime) - видимо, обмолька информанта. Восклицательний знак поставлен В.С.Соколовой, а сохранение этой аномалии в тексте лишний раз свидетельствует о високой корректности эксперимента. Та же форма в составе brayi min... k'ar dekey , как мы можем полагать, представляет собой фонетический вариант dekê (см. ниже). Ср. такое же чередование вариантов k'ar dekey/ k'ar dekê в другом месте цитируемой книги В.С.Соколовой, в иллюстрациях (с. 82).

⁷ Ч.Х.Бакаев, Говор курдов Туркмении, М., 1962. В дальнейшем в скобках указаны страницы этой книги.

⁸ Во всяком случае — в учтенных нами материалах. Вполне возможно, что в других районах распространения хорасанского курманджи или в речи молодого поколения курдов Туркмении эти формы встречаются чаще. Ср. приведенную выше запись речи, полученную В.С.Соколовой от студента Рагимова.

ВОКАЛИЗАЦИЯ ИМЕННЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА СТАРОЙ И СРЕДНЕЙ СТУПЕНЕЙ РАЗВИТИЯ (Общий обзор)

Не имея возможности дать универсальную систему огласовки из-за отсутствия необходимых методологических и фактических данных, современные исследователи египетского вокализма вынуждены ограничиваться анализом сравнительно небольшого числа форм и довольствоваться скромными результатами. Пройдет время, прежде чем из разрозненных исследований удастся вывести общую систему, но это и имеют в виду те, кто работает сейчас над указанной проблематикой. Вокализация именных морфологических показателей — часть этой проблемы, и ее лучше всего продемонстрировать на материале египетской нисбы — относительного прилагательного, поскольку все эти показатели содержались в ее морфемном составе.

Краткая характеристика нисон. Относительное придагательное внаследовано египетским языком от правфразийской языковой общести и бытует в нем на протяжении его старого, среднего и нового этапов развития, сперва как продуктивная категория, затем — на новом этапе — как застывшая В коптском от нее уцедело незначительное число пережиточных форм. Ве практическое исченовение — результат распада старой категории прилагательного вытесненного конструкцией "предлог \overline{N} — + недетерминированное имя" и обстоятельственными оборотами , что сильно обусловлено разрушением системы именных морфологических показателей: это лишило прилагательные возможности согласования с существительными и способствовало замене старой согласованной атрибутивной конструкции посредством новой, несогласованной, косвенногенитивной по происхождению. Пережиточные формы нисо употребляются в коптском субствитивно.

Египетская нисба расчленяется на корневую морфему и цепочку служебных, последовательность которых в старо- и среднеегипетском такова: 6

ед.ч.	. Р. НМ	дв.ч.

Порядок служебных морфем: І нисбовая; 2 множественности; 3 рода; 4 двойственности. Морфемы 2 — 4 присущи ВСЕМУ классу египетского имени старой и в значительной мере новой ступеней исторического развития этого языка. Общей является и последовательность морфем.

Морфема нисбы. Ее общепризнанное материальное и функциональное родство аналогичной морфеме - і і- (вторично - і і-) в семитской ветви позволяет реконструировать ее как -11- (-41-) и для египетского, что не было бы строгим доказательством, если бы материал не поддерживал такую реконструкцию: коптские рудименты нисбы јг ј 🕄 восходящие и форме мн.ч. м.р. (ЕДНУ $T.д.)^8$, коптские формы Apel 9 и -NI в ваміпе (и $T.д.)^{10}$. восходящие к нисфовым формам ед.ч., ж. и м.р.; средневавилонская передача *'irijamas/s/a . где *'irija-,по-видимому. субстантивированная форма нисбы јг.јм.р. ед.ч. II: материал. исследованный Т.Лэмблином 12. В пользу варианта -aj- говорит матермал Т.Лэмблина и некоторые силлабические написания 13. Более редкий старо- и среднеегипетский вариант с w 14 вторичен. если исходить из преобладания варианта с ј в египетском, из обиности происхождения египетского и семитского показателей, а также в свете убедительной и догичной концепции И.Гельба. объясняюшей как происхождение морфемы. Так и гляйдовый характер ее сонанта¹⁵. Поэтому исходный вариант нисбовой морфемы мы вокализуем как -1j . Вариант с w - как -a/1w 16.

Морфема рода. Морфема м.р. либо нулевая, либо в ее состав не входил сонант. В последнем случае она состояла из краткой гласной и была в абсолютном исходе, совмещая в себе функции родового и падежного показателей, что объясняет отсутствие вставного компонента (\mathbf{j} , \mathbf{w} , \mathbf{t}). Морфема \mathbf{x} .р. достоверно реконструнруется как $-\mathbf{k}\mathbf{t}$ — из старокоптского составного слова $\mathbf{r}_{\mathbf{w}}\mathbf{p}\mathbf{o}\mathbf{t}\mathbf{n}$, что уже отмечалось исследователями \mathbf{k} . Мнение о ее праафразийском происхождении общепринято \mathbf{k} . Фонема $-\mathbf{k}$ — здесь, как и в соответствующей семитской морфеме, иногда выпадала, оставляя $-\mathbf{k}$. И наоборот, \mathbf{c} конца староегипетского языкового периода у существительных \mathbf{x} .р. в статус абсолютно оголившееся $-\mathbf{t}$ — отпадало, оставляя $-\mathbf{k}^{2}\mathbf{l}$, что также аналогично поведению этой морфемы в семитской ветви.

Морфема двойственности тоже праафразийского происхождения 22 , предположительно реконструируется как $-\bar{z}j-^{23}$.

Учитывая вывод И.Гельба об общем происхождении родовых, числовых и падежных показателей в семитских языках, материальное и функциональное родство семитских и египетских показателей, а также начавшийся в конце Старого Царства процесс их редукции, наблюдаемый и позже, но наиболее ярко проявившийся в Новом Царстве, следует предположить первоначальное наличие гласной падежной флексии и в египетском. Ее редукция оголила конец слова и способствовала его деформации²⁴, Аналогичные процессы шли во многих семитских и индоевропейских языках.

Итак, мы теперь можем с определенной долей вероятности представить себе систему нисбового окончания в староегипетском языке. Более поздних модификаций мы здесь не касаемся 25 . Это построение в значительной степени должно быть верно и для среднеегипетского языка. Акцентуация и количество гласных зависели от структуры вловоформы — здесь мы избегаем их уточнения. Схема учитывает лишь основные — исходные — варианты морфем; ∇^* предподагаемая гласная падежная морфема:

 өд.ч.
 мн.ч.²⁶
 дв.ч.²⁷

 м.р.
 – Ĭj-V*
 – Ĭjūw-V*
 – Ĭjūwăj-V*²⁸

 ж.р.
 – Ĭjāt-V*
 – Ĭjūwāt-V*
 – Ĭjiw/?ĕtāj-V*²⁹

I .A.H.Gardiner , Egyptian Grammar ,2 nd ed., L.,1950, § 79 (=GEG²); G.Lefebvre, Grammeire de l'Égyptien classique, Le Caire ,1940, § 5,2° (=LGÉC); A.Erman , Agyptische Grammatik, 3 te Aufl. ,Bln.,1911, § 225 * (=EÄG³); М.А.Коростовцев. Введение в египетскую филологию, М., 1963, II (=КВЕФ); А.С.Четверухин. Наблюдения над староегипетскими предлогами и генитивным

- управлением, "Африканский Этнографический Сборник", X,I.,1975, с.ТЯТ-Т48.
- 2 E.Edel , Altägyptische Grammatik ,I,Roma,1955, § 142, 246-247, 342-343 (=E.I); GEG² , loc.cit.; Erman ,A., Neusegyptische Grammatik , 2te Aufl., Lpz., 1933, § 226-232 (=ENÄG).
- S W.Till , Koptische Grammatik ,Lpz.,1955, § 78 (TKG); W.Spiegelberg, Demotische Grammatik , Heidelberg,1925, § 68 (=SDG).
- 4 "Прилагательное" и "существительное" дифференциировались, скорее всего, не морфологически, а только синтаксически, что имеет место в семитских языках: Б.М.Гранде, Введение в сравнительное изучение семитских языков, М., 1972, с. 254-251; он же, Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении, М., 1963, с.8I-97, ср. В. Gunn , JEA 19, 1933, р.106; Vycichl, W., Bau und Ursprung der ägyptischen Nisbe, WZKM 46, 1939, 189:40 (—VEUÄN); Schenkel , W., Adversarien zu Attribut, Apposition und Genitiv-Relation des Ägyptischen , MDAIK 22, 1967, S. 71-83.
- ⁵ SDG ,§ 67-81; TKG , § 114*- 122; EWÄG ,loc. cit., А.И.Еданская, Коптский язык, М., 1964, с.19.
 - 6 GEG², § 79; E.I, § 358.
- 7 GEG² , § 177; E.Edel., Altägyptische Grammatik ,II, Roma ,1964, § 759.
- 8 W.E.Crum , Coptic Dictionary , Oxford ,1989, p.59a, (=CCD).
- 9 W.Spiegelberg, Koptisches Handwörterbuch, Heidelberg, 1921, S.28, s.v. EPHOY: Tapeï Ncome: Griffith, Zäs 38,1900, s.91.
- 10 CCD ,p. 4Ia; А.С.Четверухин, Вокализация египетских предлогов (j)r и hr ... ,публикуется в ВДИ (= 4 ВЕП(3)в. Неверно истолковано -NI- в VBUÄN ,p.194:25°.
- II Он же, Вокализация форм предлога (j)г и соответствующих отпредложных образований, публикуется в сб. "Древний Восток 2" (=ЧВФП(J)R).
- I2 T.O. Lambdin , The Bivalence of Coptic Eta and Related Problems in the Vocalisation of Egyptian ,JNES 17/III,1958,

p.177-193.

I3 A.С. Четверухин. Вокализания египетской нисбы јг. ј. публи-EVETCS B CO. "Africana I2" (= YBEH UR.J).

I4 = 2: VBUÄN .p. 189:40.

- 15 I.J.Gelb.. Sequential Reconstruction of Protoakkadian, Chicago, 1969,p.216-229 (=GSRPA).
- 16 чкки JR.J и "Вокадизация форм предлога (j)m и соответствующих отпредложных образований", рукопись (=ЧВФП(J) M): ср. W.M. Wessonor Committee sanke. M. 1965.c.36. HDMM.56:dem . Semito-Hamitic Languages.M., 1965, p.38.n.55; GSRPA.p.6.33.51, 72.168. 181.230.
- 17 E.I. § 269: J.Osing, Zur Erschliessung der ägyptischen Nominalbildung. GM 6.1973.S.95-97; J. Vergote. Egyptian. CTL 6. The Hague-Paris.1970.p.543: G.Janssens.Word Accent and Vocalisation in Old Egyptian. CdE t.44.No 882 1969.p.249.
- 18 G.Fecht. Wortakzent und Silbenstruktur. Glückstadt-Hamburg-N.Y..1960. § 228-229; E.Knudsen. Word Stress and Syllabic Structure in Egyptian.Ac.Or.(Kopenhagen) 24/3-4.1962.p.198.OgeHb CHOPHO 273 OODM8 MCTONKOBSEDY J. Vergote. Sur les mots composés en égyptien et en copte, Bi.Or.18, №5/6,p.213 et n.23 bis.

¹⁹ E.I.§ 3: EXG³.§ 2; LGÉC.§ 3; KBEØ 11.

20 ткс. § 188.272-274; Năfteră/ě - ЧВФП (J)R и "К вокализеции erunetckon hucoum. co. "III u NUKHB.XI.II", c.76-79 (=4BEH).

2I GEG²§ 26. n.la.

- 22 EAG3. § 2: Vycichl..W. passim.
- 23 Idem. passim :E.I. \$ 344; B.Gunn . JEA 19.1933, p.106: морфема двойственности уже в Старом Царстве часто звучала как морфема нисбы. 24 = 21; ЧВЕП (J)RHR.
 - - ²⁵ Ibidem : ЧВФП(J)R .ЧВЕН JR.J .ЧВФП(J)M, ЧВЕН.
- 26 по И.Гельбу морфема множественности первоначально, по-види-
- мому, обладала долгим гласным, а не кратким.
 27 Парадигма дв.ч. носит явные следы вторичной перестройки, от анализа которой зависит оценка количества гласного во второй морфере форм дв. ч.м.р.
- В Краткость 🕶 явствует из ук.соч. И.Гельба.Еще раньше она обоснована Сабатино Москати в статье "On Semitic Case-Endings", JNES 17/2, 1958,p.142-144.
- 29 E.I. § 287: "Der Dual wird durch die Endung-j gebildet, die bei maskulinen Nomina an den Plural tritt. während sie bei feminine Nomina an die Singularform angefügt wird ... ".

КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ В СУЛЕМАНИЙСКОМ ДИАЛЕКТЕ КУРЛСКОГО ЯЗЫКА

По форме инфинитива и соотношению настоящей и прошедшей основ в сулемани выделяются следующие класси глаголов.

- I. Класс на =an . включающий:
- A. Непереходные глаголы (главным образом): birjan 'жариться', cûlan 'двигаться', êşan 'болеть', şikan 'ломаться', lerzan 'дрожать', tirsan 'бояться', sûtan 'гореть', man 'оставаться' leweran 'пастись', çeman сгибаться', и др.
- Б. Переходные глаголы, из которых отмечены следующие: geran 'водить', henan 'приносить', keşan 'тянуть', kelan 'пахать', pestan 'мять', 'давить', peçan 'заворачивать', pewan 'измерять; gelan месить', wejan 'просеивать', weran 'осмеливаться', dan 'давать', nan 'класть'и, возможно, другие.

Выделенные подклассы глаголов жаракчеризуются следующими соотношениями основ:

У непереходных глаголов (подкласс A) прошедшая основа имеет в исходе гласный =a, настоящая - гласный =ê: birja - birjê.

Исключение составдяют: a) глагол man , сохраняющий в основе настоящего времени конечное =n : ma - men, б) глаголы jîan/jîn 'жить' и giryan/girîn 'плакать', имеющие две настоящие основы: jîyê/jî , giryê/girî ; в) глагол şiyan 'подобать', образующий три настоящие основы: şê/ şî/ şiyê ; г) глагол westan 'стоять', настоящую основу образующий по типу подкласса переходных глаголов (см. ниже): westa/west .

У переходных глаголов (подкласс Б) прошедшая основа имеет в исходе гласный = a , отсутствующий в настоящей основе: pesta/pest.

Исключение составляют: а) глаголы nan и wêjan, основу настоящего времени образующие по типу подкласса непереходных глаголов (см. выше): na/nê, wêja/wêjê; б) глагол dan, имеющий две настоящие основы с чередующимися гласными: de/de, da (форма = da употребляется только в 3 л. ед.ч. наст. вр.).

- II. Класс на =în . В эту группу входят как переходные, так и непереходные глаголы. Причем непереходные глаголы данного класса часто образуют синонимичные пары с непереходными глаго-
- A. Переходные глагоды: dozîn 'мскать', çinîn 'вязать', kirîn 'покупать', pirsîn 'спрашивать', zanîn 'знать', piçirîn 'рвать', 'разрывать' и др.
- Б. Непереходные глаголы: barîn 'сыпаться', 'лить (о дожде)', firîn 'летать', çemîn/çeman 'сгибаться, çeqîn/çeqan 'застревать', lerzîn/lerzan 'дрожать', rwanîn 'смотреть' и др.

Глаголы рассматриваемого класса (как переходные, так и непереходные) характеризуются наличием гласного =1 в конце прошедшей основы и отсутствием этого гласного в настоящей основе: eq1/eq

Исключение составляют: а) глагол meyîn 'затвердеть', 'загустеть', настоящую основу образующий с помощью гласного $=\hat{\mathbf{e}}$: meyî/meyê; б) глаголы zayîn/zan 'плодиться', gayîn/gan 'совокупляться', характеризующиеся чередованием гласных основы $\mathbf{a} - \hat{\mathbf{e}}$: $\mathbf{za} - \mathbf{ze}$ (по типу непереходных глаголов класса на= \mathbf{an}).

- II. Класс на =un , включающий незначительное число глаголов:
- A. Переходных: cun 'жевать', sun 'тереть', dirun 'косить', henun 'растирать', 'втирать', fermun 'изволить'.
 - Б. Непереходных: cun 'идти', 'уходить', bun 'быть'.

Основа прошедшего времени глаголов данного класса имеет в исходе гласный $=\hat{\mathbf{u}}$. Настоящая основа имеет две формы: у переходных глаголов она равна основе прошедшего времени: $\hat{\mathbf{cu}}-\hat{\mathbf{cu}}-\hat{\mathbf{cu}}$, у непереходных она равна согласному прошедшей основы, т.е. характеризуется отсутствием гласного $=\hat{\mathbf{u}}$: $\hat{\mathbf{cu}}-\hat{\mathbf{cu}}-\hat{\mathbf{c}}$ (1).

- ІУ. Класс на tin . Подавляющую часть глаголов этого класса составляют переходные глаголы и незначительную-н€переходные:
- A. Переходные глаголы: bîstin 'слышать', bizawtin 'двигать', giloftin 'протирать (глаза)', hawîtin/hawîştin 'бросать', şitin/şiştin , 'стирать', girtin 'держать', 'хватать', bestin 'завязывать' и др.

Б. Непереходные глаголы, из которых зафиксированы следурщие: bizûtin 'двигаться', çêştin/çeştin 'вкушеть', 'испытывать', geîştin 'достигать', hatin 'приходить', kewtin 'педать', nîştin 'оседать', nûstin 'спать', pişkutin 'раскрываться (о почках)', roîştin 'идти', 'уходить', xeftin/xewtin 'спать' и, возможно, другие.

Промедиая основа глаголов данного класса имеет в исходе согласний =t. отсутствующий в настоящей основе: kewt-kew.

Исключение составляет глагод bestin , настоящая основа которого сохраняет =t.

Соотношение основ ряда глагодов этого класса характеризует-

- I. Чередованием гласных: a) a-ê : hat-(h)ê ; б) i-ê : \vec{r} ist-- \vec{r} est ; б) i-o : şit-şo .
- 2. Чередованием согласных: a) s-z : xwast-xwaz , gest-gez; б) ş-j: çêşt-cêj kuşt-kuj, kiroşt-kiroj ; в) g-l: hêşt-hêl.
- 3. Чередованием гласных и согласных одновременно: a ê , s-z : parast-parêz , gwast-gwêz ; б) a-ê , ş-j : naşt-nêj ; в) a-ê , f-w : axaft-axêw ; r) î-ê , ş-j : hawîst-hawêj; д) i-ê , s-j : rīst-rêj .
- 4. Отсутствием группы îş в настоящей основе глаголов geîştin и roîştin : geîşt-ge (ga-в 3 л. ед.ч.), roîşt-ro.
- 5) Отсутствием в(\$) в настоящей основе и одновременно переогласовкой: wist-we , bist-biye, xist-xe (xa-в 3 л. ед.ч.).
- 6. Супплетивными образованиями: wutin : wut-le , ditin: dit-bin .
- У. Класс глаголов на =din вкиючает переходные глаголы, за исключением глагола mirdin 'умирать', bijardin 'отбирать', birdin 'уносить', çandin 'сеять', собирать (цветы)', demandin 'разжигать', 'заваривать' (чай)', jendin 'раскачивать', kendin 'копать', kirdin 'делать', nardin 'посилать', pesardin 'подпирать', bwardin 'проглядеть', sendin/sandin 'подучать', sipardin 'поручать', xwêndin 'читать', xwardin 'есть' и, возможно, другие.

У глаголов данной группы прошедшая основа имеет в исходе согласный =d ,отсутствующий в настоящей основе: kend-ken.

B основех глеголов jimardin , bijardin,nardin ,çandin , bwardin неблюдеется чередование глесных: jimard-jimer ,bijard-bijer , nard-ner , çand-çen .

Настоящая основа глаголов kirdin ,birdin , xwardin xaрактеризуется (наряду с переогласовкой) отсутствием г прошедшей основы: kird-ke (ka - в 3 л. ед.ч.), bird-be (ba - в 3 д. ед.ч.), xward-xo (xwa- в 3 л. ед.ч.).

УІ. Класс на =andin . В этот класс входят переходные (каузативные по форме) глаголы, проведная основа которых имеет суффикс =and . нестоявая основа - en : birjand-birjen .

Являнсь по существу производными, глаголы данныго класса четко делятся на две группы: I) образованные от непереходных глаголов — преимущественно классов на =an ,=în , реже на =tin, и только один случай на =un(çun); 2) образованные от имен существительных (с элементом звукоподражания). Последние, сементически будучи непереходными, употовбляются как переходные глаголы.

A. Глаголы первой группы (с непереходными коррелятами):
alandin (alan) 'наматывать', 'обматывать', cemandin (cemin/ceman), 'сгибать', giryandin (giryan/girin), 'доводить до слез',
lewerandin (leweran/lewerin 'пасти', geyandin (geyin/ge(y)iştin), 'доводить', довезти!, çû(w)andin (çûn) 'пускать в обращение', 'распространять', nu(w)andin (nûstin) 'укладывать спать', tirsandin (tirsan) 'пугать' и др.

Отмечена группа глаголов, не имеющих соответствующую непереходную пару²: nûqandin 'аакрывать', 'смыкать (глаза)', niwandin
'показывать', lewandin 'утепать', pirwandin 'крошить', qiçan—
din 'добиваться', řexsandin 'халовать', selmandin 'допускать',
'верить', sepandin 'приписивать', řetandin 'отогнать', 'спуг—
нуть', terandin 'гнать причь', tirûkandin 'моргать', tawandin
'скручивать', хауандіп 'проходить', 'тянуться (о времени)',
жезандіп 'выхолащивать' и, возможно, другие.

E. Глаголы второй группы (с мотивирующими именами): balandin (bale) 'блеять', fikandin/fiqandin (fike/fiqe) 'свистеть', cirpandin (cirpe) 'шептать', girmandin (girme) 'грохотать', lûrandin (lûre) 'выть', nalandin (nale) 'стонать', pirmandin (pirme) 'ныхтеть' и другие.

Выделенные нами классы глаголов (по соотношению основ и признаку переходности-непереходности) можно представить схематически:

	Прошедшая	Настояща я	Класс	Типы чередований
	основа	основа	глаголов	в основах
I	8.		на =an неперех.	a 6
II	1		Ha =in Henepex.	
	.	y	-перех.	a - 6
III	û	 	на = ûn - неперех.	
		a	- перех.	
IУ	t		- неперех.	s-z, ş-j,f-v,s(ş)-ø a-ê, f-ê, i-ê,
			-перех.	i-o
У	d		на =din -неперех. ³ - перех.	a-6, i-e wa-o, wa-wê, r-ø
ŊΙ			Ha =andin	· · · · · · · · · · · · · · · · · · ·
<u> </u>	and	ên		

I В классификации, предложенной Д.Н.Маккензи, учтены не все морфологические глассы глаголов (см. D.N.Mackenzie, Kurdish dialect studies, vol.I, London, 1961, p.85-87).

 $^{^2\}mathrm{CM}$. Taufiq Wahby and C.J. Edmonds, A kurdish-english dictionary. London, 1966.

³ Только один глагол (mirdin). .

ви влиот рафия

Г.С. прон

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ЛО ИВ АН СССР ВА 1975 ГОЛ

- I. Айтберов Т.М. Земельные пожеловения в Дагестане в XVI-XVII вв. (Новые денные). - В кн.: Бартольдовские чтения 1975. Год 2-ой. М., 1975. с.5-6.
- 2. Айтберов Т. К вопросу о джизье в аварском нуцальстве (XVII-XIX вв.) ПП и ПИКНВ, XI/I. M., 1975, с.3-6.
- 3. Акимучкин 0.Ф. и Борщевский Ю.Е. Материалы по библиографии персидских рукописей ЛО ИВ. Ч.2. В кн.: Нускажа-йе хатти, т.7. Тегеран, 1975. с.7-28. (На перс.яв.).
- 4. Акимушкин О.Ф. Моголистан, моголы и киргизы в первой половине XVI века. (Заметка по политической истории региона). ПП и ПИКНВ, XI/I. М., 1975, с.6-II.
- 5. Акимушкин О.Ф. Собрания персидских рукописей в Денинграде. - В кн.: Ближний Восток, № 2, / АПН/. М., 1975, с.6I-65. (На рус., перс. и энгл.яз.).
- 6. Акимушкин О.Ф. /Отв. ред./: Гоухар Морад. Траур в Баяма. Повесть и рассказы. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1975, 222с.
- 7. Амусин И.Д. Клятва ессеев. ВДИ, 1975, № 1, с.151-158. Рез. на енгл. яз.
- 8. Амусин И.Д. Об одной забытой публикации тартуского профессора Александра Васильева. "Уч. зап. Тартус. гос. ун-та, вып. 365. Труды по знаковым системам, 7", 1975, с.296-301.
- 9. Amoussine J.D. A propos de l'interprétation de 4Q I6I (fragments 5-6 et 8). "Revue de Qumran ", t. 8, I975, fasc.3, 18 3I, p.38I-392.

- IO . Баевский С.И. /Рец. на кн./: Опис не персийските ръкописи в Народната библиотека "Кирил и Методий". Джеминд Сайяр. София. 1978. 238с. НАА. 1975. № 2. с.200-203.
- II. Баевский С.И. /Рец. на кн./: Джеминд Сайяр. Опис на персийските ръкописи в Народната библиотека "Кирил и Методий". София, 1973. 238 с. "Исторически преглед", София, 1975, № 6, с.121-123. (На болгар.яз.).
- I2. Баевский С.И. /Рец. на кн./: Мир Джамел-ад-дин Хусейн Инджу Ширази; "Словарь /в честь/ Джахангира", т.І-2. Изд. Рахим Афифи. Мешхед, 1972. 2609 с. /На перс.яз./. НАА, 1975, № 6, с. 196-197.
- ІЗ. Барташева Н.Л. Топонимика Кафиристана в "Сирадк ат-та-варих". ПП и ПИКНВ , XI/I. М., 1975, с.88-91.
- 14. Берлев О.Д. Имя персонажа "Повести о красноречивом жителе оазиса" и иератический знак Möller I 207в. В кн.: Древний Восток. Сб. І. К 75-летию акад. М.А.Коростовцева. М., 1975. с.15-24.
- I5. Берлев О.Д. Скарабен Рамсеса П с указательными местоимениями. - ПП и ПИКНВ, XI/I. М., 1975, с.II-I4.
- I6. Hodjash S.I. and Berlev O.D. Several Middle Kingdom stelae of the Moscow Fine Arts Museum.-"Altorientalische Forschungen III, Berlin, 1975, p.5-18; 4 Taf.
- I7. Berlev O.D. Un don du roi Rahotep. "Orientalia Lovaniensia Periodica", 6/7, 1975/1976, Leuven, /1975/, p.31-41; I pl.
- 18. Бертельс Д.Е. /Пер. русского текста на нем. яз./: Архивы академий наук социалистических стран. Бибдиография. Вып. 2. 1969-1972. Л., "Наука", 1975. 374c.
- I9. Bogoslovski E.S. Die Wortverbindung śdmw's in der ägyptischen Sprache während der 18. Dynastie. "Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde", Bd. 101, 1974, Ht.2, 5.81-89.
- 20. Богословский Е.С. /Рец. на кн./: Tosi M., Roccati A., Stele e altre epigrafi di Deir el Medina, N 50001-50262. (Catalogo del Museo Egizio di Torino. Ser. seconda-Colezioni, vol. I). Torino, 1972. 368c. 268 рис. - ВДИ, 1975, № 2, с.154-162.

- 2I. Богословский Е.С. /Ашнотации на работы сов. ученых по египтологии/. "Annual Egypt, bibliogr. 1971", Leiden , 1975. p.20. 85. 99. 101. 114. 150. 162. 168.
- 22. Бойко К.А. Хушани /аль-Хушани, Мухаммед ибн Харис/. КЛЭ, т.8. М., 1975, с.356.
- 23. Болдырева М.А. В.С.Рендра и Ф.Гарска Лорка. ПП и ПИКНВ. XI/2. М., 1975. с.3-8.

Болневский В.Е. см. № 3.210.

- 24. Васильев К.В. "Хун фань" ("Всеобъемлющий образец") об идеальном правителе и его месте в мире. В кн.: УІ науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисн и докл.І. М., 1975, с.5—14.
- 25. Витол А.В. Турция и европейские державы на Берлинском конгрессе (1878 г.) ТС 1973. М. 1975. с.121-141.
- 26. Волкова М.П. Две версии рассказа о раннем периоде жизим Нурхаци в "Хуам-ции кай-го фан-люз". - В кн.: УІ науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. І. М., 1975, с.167-174.
- 27. Волкова М.П. О редком и малодоступном маньчжурском сочинении "Речи ста двадцати старцев". ПП и ПИКНВ, XI/I.M., 1975, с.96-99.
- 28. Ворожейкима 3.Н. О специфике представлений о прекрасном в средневековой персидской поэзии. ПП и ПИКНВ, XI/2, м., 1975, с.8-18.
- 29. Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XII вв. Отв. ред. О.Л.Финман. М., "Наука", Гл.ред. восточной лит,1975. 380 с. Библиогр.: с.354-364. Словарь терминов, указатель имен, указатель назв. произв. (с.365-378).
- 30. Горегляд В.Н. Японская литература /до 70-х гг. XIX в./клэ. т.8. м.. 1975. с.1096-IIO5. Лит.: с.III8.
- ЗІ. Горегляд В.Н. /Пер. с япон./: Кэнко-Хоси. Из "Записок от скуки". В кн.: Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975. с.705-716. (БВЛ, 1/18).
- 32. Гохман В.И. Некоторые проблемы происхождения и распространения названия "Снам". - ПП и ПИКНВ, XI/I. М., 1975, c.14-18.
- 33. Гохман В.И. Этническая ситуация у чинов Бирмы. В кн.: Расы и народы. Т.5. М., 1975, с.161-176.
- 34. Гохман В.И. /Рец. на кн./: Egar M. The muslims of Burma. A study of a minority group. Wiesbaden ,1972, I5Ip.-В кн.: Расы и народы. Т.5. М..1975, с.343-345.

- 35. Громковская Л.Л. /Отв.ред./: И была двбовь, и была ненависть. Сб. рассказов япон. писателей XX века. М., "Наука", Глав.ред. вост.лит.. 1975. 295с. (АН СССР. Ин-т востоковел.).
- S6. Gruntfest J.B. /Peq. H8 KH./: Harding G.L. An index and concordance of Preislamic Arabian names and inscriptions. Toronto, Univ. of Toronto Press. I971. X lii + 948p. JAOS, vol. 94, I974, ½ 4, p. 496-499.
- 37. Гуревич И.С. О соотношении письменного и разговорного языка в танских юйну (на материале Линь-цзи лу). ПП и ПИКНВ, XI/2. М., 1975, с.39-43.
- 38. Dandamayev M.A. Forced labour in the palace aconomy in Achaemenid Iran. "Altorientalische Forschungen II", Berlin, 1975.S. 71-78.
- 39. Dandamaev M.A. La politique religieuse des Achéménides, " Hommages et opera minora, vol.1. Monumentum H.S.Nyberg.
 I", Leiden .1975, p.193-200. (AI .t.4).
- 40. Dandamayev M.A.Social stratification in Babylonia. (7-th -4 th centuries B.C.) "Acta Antiqua", t.22, Budapest .1974. fasc. I-4. p.438-444.
- 4I. Дандамаев M.A. /Рец. на кн./; Freydank H.Spātbabylonische Wirtschaftstexte aus Uruk . Berlin , 1971. 167c. + 98 табл. - ВДИ. 1975. № 1. с.185-186.
- 42. Dandamajev M.A. /Peu. Ha KH./: Mayrhofer M. Aus der Namenwelt Alt-Irans . Die zentrale Rolle der Namenforschung in der Linguistik des Alt-Iranischen , Innsbruck ,1971, 243.OLZ ,70.Jg.,1975, 12 6, S. 595-598.
- 43. Dandamayev M.A. /Peq.H8 KH. /: Mayrhofer M.Onomastika Persepolitana. Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen. Unter Mitarbeit von J.Harmatta u.a. Wien, 1973. 358S. - "Göttingische gelehrte Anzeigen", 227.Jg., 1975, Ht. 3/4, S.225-239.
- 44. Dandamayev N.A. /Peq. Ha RH. /: Sack R.H. Amel-Marduk 562-560 B.C. A study based on cuneiform, Old Testament, Greek, Latin and Rabbinical sources. Alter Orient und Altes Testament. Kevelaer, 1972. 4to,X+138p., 10pl. BiOr, Jg.31,1974, N 3/6, p.281-282.
- 45. Дендамаев М.А. /Отв.ред. и послесл./. Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., "Наука", Гл.ред. вост.лит., 1975. 336с.

Послесл.: с.333—334.(Совм. с И.М.Дьяконовым и В.А.Лившицем). См. также № 51.

- 46. Додхудоева Л.Н. Некоторые иконографические особенности миниатор "Хамсе" низами 1431 года. ПП и ПИКНВ, XI/I. М., 1975. с.103-106.
- 47. Дулина Н.А. Изменения в османской дипломатии (30-е годы XIX в.) ТС 1973. М., 1975, с.62-81.
- 48. Дулина Н.А. Отношение Мустафы Решида паши к христианскому населению Османской империи и вмешательству европейских держав во внутренние дела государства. ПП и ПИКНВ, XI/I. М., 1975. с.18-22.
- 49. Дулина Н.А., Медведева Л.Я., Насилов В.М., Нигматов Х.Г., Султанов Т.И., Тугушева Л.Ю. УП Тюркологическая конференция в Ленинграде. СТ. 1975. № 5. с.107-117.
- 50. Дьяконов И.М. Лингвистические данные к истории древнейших носителей афразийских языков. - В кн.: Africana . Африканский этногр. сборник. 10. Л., 1975, с.117-130. Рез. на англ.яз.
- 51. Дъяконов И.М., Дандамаев М.А. и Лившиц В.А. Месяцы в древней Передней Азии. /Прилож. I/. В кн.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. с.300-304.
- 52. Дъяконов И.М. и Неровнак В.П. Основные черты фригийской морфологии. В кн.: Античная балканистика 2. Предварит.материалы. М.. 1975. с.4-9.
- 53. Дъяконов И.М. Подразделения месяца в Передней Азии. Основы хронологии Вавилонии и Ассирии. /Прилож. 2 и 3/. В кн.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975, с.305-319.
- 54. Diakonoff I.M. Nochmals Mattiwazza-Kuriwazza-Sattiwazza.
 "Altorientalische Forschungen III", Berlin, 1975, S.167-168.
- 55. Diakonoff I.M. On root structure in proto-Semitic. B kH.: Hamito-Semitica. The Hague-Paris, 1975, p.133-151. Bibliogr.: p.151. Discussion: p. 151-153.
- 56. Diakonoff I.M. Opening Address. -B KH.: Hamito-Semitica. The Hague-Paris, 1975, p.25-35. Bibliogr.: p.35. Discussion: p. 35-39.
- 57. Diakonoff I.M. The rural community in the Ancient Near East. "Journ.of the economic and social history of the Orient", vol.18, 1975, pt.2, p.121-133.
 - 58. Diakonoff I.M. Slaves, helots and serfs in early antiquity. "Acta Antiqua", t.22, Budapest, 1974, fasc.1-4, p.45-78.
 - 59. Diakonoff I.M. und Jankowska N.B. Zum Mythos von den vorderasiatischen Ariern: die "Leichenverbrennung" des Königs

Parattarna. - "Altorientalische Forschungen II", Berlin,1975, S.131-132.

Cm. Takwe № 45.

- 60. Еланская А.И. Закон пропорции в коптском и категория времени в древнеегипетском языке. В кн.: Africana. Африканский этногр. сборник. 10. Л. 1975. с. 144-148. Рез. на франц.яз.
- 61. Еденская А.И. "Квадитатив второй" в коптском языке. ПП и ПИКНВ, XI/2. М., 1975, с.48-47.
- 62. Elanskaya A.I. Quelques stèles coptes des musées de Leningrad et de Moscou. "Orientalia Lovaniensia Periodica", 6/7.1975/1976. Leuven./1975/.p.215-222; 2 pl.
- 63. Елисеев Д.Д. /Изд. текста, пер. с корейск., предисл. и коммент./: Ним чангун джон. ("Повесть о полководде Ниме"). Факс. ксилографа. М., "Наука", Глав.ред. вост.лит., 1975. 71с.: 27 л.факс. (ППВ.48). Рез. на англ.яз.
- 64. Елисеев Д.Д. /Пер. с корейск./: Сон Хён. Из сборника "Гроздъя рассказов Ёнджэ". Чхон Е. Из сборника "Разные рассказы из Страны, лежащей к востоку от моря". Лю Мо Нъин. Из сборника "Простые рассказы Оу". Неизвестный автор. Из сборника "Маленъкие рассказы от скуки". Пак Чивон. Из "Жэхэйского древника". В кн.: Классическая проза Дальнего Востока. М. 1975. с.266-275; 300-306 (БВЛ. I/I8).
- 65. Елисеева Н.В. /Хроникальные заметки о научной жизни в ЛО ИВ АН СССР/. НАА. 1975. № 6, с.233-234.
- 66. Едисеева Н.В. X годичная сессия ЛО ИВАН СССР. НАА, 1975, № 1, c.233-237.
- 67. Жденова Л.В. Художественное пространство в цикле Чхве Чхивона (857-?) "Воспеваю ветер и луну" (884 г.) ПП и ПИКНВ, XI/2. М., 1975, с.I3-I5.
- 68. Западова Е.А. и Минина Г.Ф. Самодеятельные артисты Биркы. "Азия и Африка сегодня", 1975, № 4, с.41.
- 69. Зэпадова Е.А. /Статьи в КЛЭ/: Хла Джо. КЛЭ, т.8. М., 1975, с.293.

Якан. - Там же. с. 1062.

70. Зислин М.Н. Из истории восточной грамматической науки в XI в. (О двух направлениях в изучении древнееврейского языка). - ПП и ПИКНВ, XI/2. М., 1975, с.48-51.

- 71. Знежни М.Н. "Мэ'8г (ауіп'" караниская граннатика древнееврейского языка (по рукописи 1208 г.). Автореф. дисс. ...канд. филод. наук. Тбижнен. 1975. 16с. (Тбижне. гос. ук-т).
- 72. Зограф Г.А. "Вторичная глагольная флексия" в новых индоарийских языках. ШП и ПИКНВ, XI/2. М., 1975, с.55-59.
- 78. Зограф Г.А. Литература урду. В ки.: Краткая история литератур Индии. Курс лекций. Л., 1974, с.61-71.
- 74. Зограф Г.А. Язык и письменность.-В ки.: Народная республика Бангиадев. Справочник. М., 1974, с.13-16.
- 75. Zograph G.A. S.Y.Rudin, 1929-1973. IIJ, vol.16, H 3 (1975), p.222-224.
 - См. также № 127.
- 76. Зограф И.Т. Среднежитейский язык (к вопросу о пермодизации истории кытайского языка). - ПП и ПИКНВ, XI/2. М., 1975, c. 52-55.
- 77. Иванова Г.Д. Мори Отай. Одна отрока из его насмедия. ПП и ПИКИВ. XI/2. М.. 1975. с.15-19.
- 78. Жанабадзе С.С. Некоторые вопросы грузинской купольной архитектуры У в. III в ПИКНВ, XI/I. М., 1975, с.25-28. Кальянов В.И. см. № 129.
- 79. Кепинг К.Б. Ленсические группы глагодов и субъектноооъектное согласование в тангутском языке. - ПП и ПИКНВ, XI/2. М.. 1975. с. 59-64.
- 80. Кинк К.А. Режувие кремневые орудия древнего Египта. В кв.: Древний Восток. Сб.І. К 75-летию акад. М.А.Коростовцева. М., 1975, с.25-35.
- 81. Клянторный С.Г. 0 генетических корнях древнеториской культуры. В кн.: Финно-угорские народы и Восток. Тарту, 1975. с.36-38.
- 82. Клянторный С.Г. О собственности на землю в Тюркском каганате. - В кн.: Бартольдовские чтения 1975. Год 2-ой. М., 1975, с.20-22.
- 83. Киянторный С.Г. Представления древних тюрков о пространстве. ПП и ПИКНВ, XI/I. М., 1975, с.29-30.
- 84. Клянторный С.Г. Рунические надписи из кургана Арман П. В ин.: Первобитная археология Сибири. Л., 1975, с.184-185.
- 85. Kljaštormyj S.G. Einige Probleme der Geschichte der alttürkischen Kultur Zentrelasiens.-"Altorientalische Forschungen II", Berlin, 1975, S.119-128.

- 86. Киянторинй С.Г. и Сумтанов Т.И. /Рец. на кн./: Шаниязов К.И. К этнической истории узбекского народа. (Историю-этнографическое исследование на материалах кинчакского компонента). Тамкент, Изд. ФАН Уз.ССР, 1974.342с. — СТ,1975, № 4,с.106— 108.
 - Cm. Takke № 92. ISI.
- 87. Козина Е.М. Законы типа "лин" о казенных работах при династии Тан. ПП и ПИКИВ. XI/I. M.. 1975. с. 34—38.
- 88. Ковырева Н.В. Сельская округа в государстве Ларса. ВЛИ. 1975. № 2. с.9-17. Рез. на англ.яз.
- 89. Колесников А.И. Собрание сасанидских монет Кабульского музея (информация о коллекциях и результаты предварительного исследования). ПП и ПИКНВ, XI/I. М., 1975. с. 88-42.
- 90. Кононов А.Н. Актуальные теркологические заметки. СТ.1975. № 2. с.77-86.
- 91. Кононов А.Н. Адександр Петрович Поцелуевский (13.У.1894-6.Х.1948). В км.: Попелуевский А.П. Избранные труды. Анхабад, 1975. с.7-21.
- 92. Кононов А.Н., Петросян D.А., Иванов С.Н., Клянторный С.Г., Тугумева Л.D. Андрей Евгеньевич Мартинцев. /Некродог/. - СТ, 1975, № 3, с.125.
- 93. Кононов А.Н. /О плане работы советского комитета тюркодогов. Краткое изложение доквада/. - CT.1975. № 2. c.III-II2.
- 94. Kononov A.W. Sovyetler Birliği'nde Kâşgarli Mahmut'un divanini konu alan araştırmalar. B KH.: I Türk Dili Bilimsel Kurultayma Sunulan Bildiriler 1972. Ankara .1975.c.393-399.
- 95. KOHOHOB A.H. /Peq. Ha KH./: Kakuk S. Recherches sur l'histoire de la langue osmanlie des XVI-e et XVII-e siècles. Les éléments osmanlis de la langue hongroise. Budapest,1973. 660p. BR . 1975. N 1. c.135-139.
- 96. KOHOHOB A.H. /Peq. Ha RH./: Yüce, Nuri , Gerundien im Türkischen .Eine morphologische und syntaktische Untersuchung. Mainz ,1973, XY + 88S. - CT, 1975, k 3, c.95-96.
- 97. Кононов А.Н. /Отв.ред./: Гарбузова В.С. Поэты первой четверти XX в. Л.. Изд.ЛГУ. 1975. 72с.
- 98. Кононов А.Н. /Отв.ред./: Поцелуевский А.П. Избранные труды. Подг. к печ.: Б.Ч.Чарыяров и др. Анхабад, "Млым", 1975. 237с. с илл.; I л.портр.

99. Кононов А.Н. /Ред./: Алланазаров О, Промеднее время в современном туркиемском дитературном языке. Анхабад, "Ылым", 1975. 139с. (Совм. с Лж.Амансарыевым).

Cm. range # TST.

- 100. Кроль В.Л. Древнекитайское представление о "теле" династии . III и ПИКНВ. XI/I. М.. 1975. с. 42-47.
- 101. Кромъ В.А. Пространственные представления в полемике каньских мыслителей (по материалам трактата "Янь те лунь"). В кн.: УІ науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тезиси в докл. І. М., 1975. с. 117-128.
- IO2. Kroll Ju.L. /Peu. Ha MH./: de Crespigny R. The last of Han , being the chronicle of the years ISI-2IO A.D. as recorded in chapters 58/68 of the Tzu-chih t'ung-chien of Ssu-ma Kuang. Canberra , Austral. Mation. Univ., 1969, XXXIV+557p. 2 maps. JAOS , vol. 95, 1975, 12 2, p.277-279.
- IOS. Kpomb D.M. /Peu. ma km./: Konrad N.I. Západ a Východ. Přeložil V.A. Černý. Praha, I978. 252 S.- HAA, I975, № I, c.225-226.
- 104. Куликова А.М. Б.А.Дори и университетское востоковедение в России. НАА. 1975. № 2. с.220-228.
- 105. Курдоев К.К. Изучение курдской литературы в Ираке. НАА, 1975, № 2, с.171-179.
- 106. Курдоев К.К. Об изафетном показателе множественного числа в мукри. ПП и ПИКНВ, XI/2. М., 1975, с.64-68.
- 107. Кумев В.В. Заметки и истории пуштунской калянграфии. ПП и ПИКНВ.XI/I. М.. 1975. с.106-110.
- 108. Кычанов Е.И. К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в. - В кн.: Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974, с.165-170.
- 109. Кычанов Е.И. и Савицкий Л.С. Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М., "Наука", Глав.ред, вост. инт., 1975.302 с., 7 л.илл. (АН СССР. Ин-т востоковед. "Культура народов Востока". Серия). Список лит.: с.297-299. Рез. на англ. яв.
- IIO. Кычанов Е.И. О некоторых наименованиях городов и местностей бывшей территории тангутского государства. ПП и ПИКНВ, XI/I. M., 1975, c.47-51.
- III. Кычанов Е.И. Прецедент и кодекс в дальневосточном праве (на примере тангутского права). В кн.: УІ науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тезиси и докл. І. М., 1975, с.99-109.

- II2. Кыченов Е.И. Тангуты о Кытае (по тангутским первоисточникам). В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск. 1975. с.143-147.
- IIS. Kychanov E.I. On the slaves and servants in the Tangut Encyclopedia "A sea of meanings established by the saints". B km.: The countries and peoples of the East. M., 1974, p.209-214.
- II4. Ливниц В.А. "Зороастрийский" календарь. /Приложение 4/. В кн.: Бикермен Э. Хронология древнего мира. М., 1975, с. 320-332.
- II5. Лившиц В.А. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе. В ки.: Новые находки на Кара-тепе. В старом Термеве. М.. 1975. с. 47-60.
- II6. Ливниц В.А. К толкованию нескольких бейтов из насыд Уисури. - ПП и ПИКНВ. XI/2. М., 1975. с. 19-23.
- II7. Лившиц В.А. Парфянский язык. БСЭ, 3-е изд., т. I9. М.. 1975. c. 255.

CM. Takke Me 45.5I.

- II8. Лундин А.Г. "Дочери бога" в южноарабских надписях в в "Коране". ВЛИ. 1975. № 2. с.124-131. Рез. на англ.яз.
- II9. Лундин А.Г. К истории слов "сундук" и "фелюга". ПП и ПИКНВ. XI/I.M..1975, с.III-II5.
- . 120. Мартынов А.С. Конфуцианская личность и государство (постановка вопроса у Су Дун-по).-В ки.: УІ науч.конфер. «Обще-ство и государство в Китае». Тезисы и докл. І. М., 1975, с.72-83.
- I2I. Мартынов А.С. Статус Тибота в ХУП-ХУШ веках в традиционной системе китайских политических представлений. Автореф. лисс... кана. ист. наук. Л. 1975. 16с. (ДГУ им. А.А.Жданова).
- I22. Мартынцев А.Е. Лексико-грамматические типы рифмы Онуса Эмре. - ТС 1978, М., 1975, с.204-208.
- I23. Мартынцев А.Е. Об одной особенности ритма турециих мани. ТС 1973. М., 1975, с. 209-213.

CM. Takke M 184.

Мелвелева Л.Я. см. № 49.

I24. Меньшиков Л.Н. /Пер. с кит./: Гань Бао. Из "Записок о поисках духов". - В ки.: Классическая проза Дальнего Востока. М., I975, с.37-40. (БВЛ.I/18).

- I25. Микауко-Маклай Н.Д. Описание персидских и таджикских рукописей института востоковедения. Вып. З. Исторические сочинения. М., "Наука", Глав.ред. вост.лит., 1975. 443 с.
 Указатели: с.405-442.
- I26. Михайлова Ю.Д. О проблеме суверенитета и государственного устройства в Японии (I870-80 гг.) ПП и ПИКНВ, XI/I.M., 1975. c.52-55.
- 127. Мифы древней Индии. Лит. излож. В.Г.Эрмана и Э.Н. Темкина. Предисл. и примеч. В.Г.Эрмана. /Отв.ред. Г.А.Зограф /. М., /"Наука"/, Глав.ред. вост.лит., 1975, 240с. (АН СССР. Ин-т востоковел.). Указ.: с.230-239.
- 128. Мусаэлян Ж.С. Некоторые свадебные обряды в курдских народных песнях из рукописного собрания ГПБ. В кн.: Фольклор и этнография. Л..1974, с.210-214.
- 129. Невелева С.Л. Мифология древнеиндийского эпоса. (Пантеон). /Отв.ред. В.И.Кальянов/. М., /«Наука»/, 1975. II8с. (Исслед. по фольклору и мифологии Востока). Список лит.: с.II2— II4(74 назв.). Рез. на англ.яз.
- ISO. Невелева С.Л. Реализация эпического сравнения (на материале "Махабхараты"). ПП и ПИКНВ. XI/2. M..1975. c.23-27.
- ISI. Никитина М.И. Заметки о зрительном знаке в корейской культуре. Графическое слово 美民 大木 . ПП и ПИКНВ, XI/2. М., 1975. с.27-36.
- 132. Никитина М.И. /Пер. с корейск./: Ирён. Из "Дополнений к истории трех государств". Хо Хин. Повесть о Хон Гильдоне. В кн.: Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975, с.251-254; 306-332.
- 133. Ниязов Х.Н. К локализации ар-Радуйани -нисон автора "Тарджиман ал-балага". III и ПИКНВ, XI/I. М., 1975, с. II5-II8.
- 134. Носова Н.И. О предельных глаголах в бирманском языке.
 ПП и ПИКНВ, XI/2. М., 1975, с.68-70.
- 135. Огнева Е.Д. "Защитный круг" из Хара-Хото. В кн.: Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л.,1975, с.61-69.
- I36. Огнева Е.Д. Роль хвалы в тибетском тексте. ПП и ПИКНВ. XI/I.M..1975, с.II8-I2I.
- 137. Оранский И.М. О соотношении периодизации истории языка с периодизацией памятников письменности. (На материале истории иранских языков). - ВЯ, 1975, № 2, с.32-46.

- 138. Оранский И.М. Различия диалектиме, диахронические и проблема варшантности языка (на материале истории пранских языков). В ки.: Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докл. и сообщений. (Баку, 21-24 октября 1975 г.). М., 1975.c 138-140.
- I39. Oranskij I.M. Altiranische Philologie und altiranische Sprachwissenschaft in der UdSSR (1917-1970). "Altorientalische Forschungen II". Berlin 1975. S. 139-179.
- I40. Oranskij I.M. Indo-Iranica IV. Tadjik (régional) buruj "bouleau". - "Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste". Paris, 1975, p.435-440. (Collection linguistique... 70).
- I4I. Oranskij I.M. Die neuiranischen Sprachen der Sowjetunion. Übersetzt von W.Winter. / I, II/. The Hague-Paris, "Mouton", 1975.(Janua linguarum... Ser. critica, 12.I,II).
 - I. 172 S.
 - II. Bibliographie. 266 S.
- I42. Oranskij I.M. Notes Irano-Slaves. Vieil-Iranien var-/russe dialectal var. "Hommages et opera minora. Vol.2. Monumentum H.S.Nyberg.II. Leiden. 1975. p.139-143. (AI. 1.5).
- 143. Оранский И.М. /Рец. на ки./: Абаев В.И. Историко-эткмологический словарь осетинского языка. Т.2. L-R. Л. "Наука", 1973. — В кв.: Этимология 1973. М..1975. с.193-196.
- 144. Павловская Л.К. Пинхуа народный исторический роман (на материале "Заново составленного пинхуа по истории Пяти династий"). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л.,1975. 17с. (ЛГУ им. А.А. Жданова).
- 145. Петрова О.П. Сведения о Японии, полученные от японцев в петровское время. - "Страны и народы Востока". Вып. 17. Кн.3. М..1975. с.158-166.
- 146. Петросян Ю.А. Из истории пропаганды доктрины османизма на Балканах (по материалам библиотек и архивов Сараева). TU 1973. М..1975. с.142—149.
- I47. Петросян D.A. Исследование культури народов Востока. "Пайам-и-новин", т.I0, 1974/1358, № 2 (II2), с.39-42. (На перс. яз.).
- I48. Петросян D.A. Младотурецкое движение в документальных источниках и мемуарах. TC 1973. M., 1975, c.150-161.
 - См. также № 92,181.

- 149. /Пиотровский М.Б./ Актуальные проблемы изучения истории Иемена. "ас-Саури", Аден, 1975, № 9, с.5, II; № 16, с.5, II. (На араб.яв.).
- 150. Пиотровский М.Б. Древнейеменское наследие в мусульманской цивилизации. — "ал-Хикма", Аден, 1975, № 38, апредъ, с.54-59. (На араб.яз.).
- ISI. Пиотровский М.Б. Изучение древнейеменской цивилизации в Советском Совзе. — "ас-Сакафа ал-джадида", Аден, 1975, март. с.48-51. (на араб.яз.).
- I52. Ромодин В.А. К вопросу о реданциях "Автобиографии" Абдуррахман-хана. ПП и ПИКНВ, XI/I. M.. 1975. c.121-124.
- 153. Руденко Б.Т. /Пер. с древнегруз., предисл. и примеч./: Циципвини, Нодар. Семь планет (Барам-Гурмани). М., "Наука", Глав.ред. вост.лит., 1975. 428 с. (ППВ.50). Списки лит. в примеч. Рев. на англ.яв.
- 154. Рудой В.И. О двух терминах буддийской психологии. ПП и ПИКНВ. XI/I. М.. 1975. с.56-59.
- 155. Савицкий Л.С. К проблеме изучения творчества тибетского поэта Цаньян Джамцо (1688-1706). - ПП и ПИКНВ, XI/2. М.. 1975. с. 37-38.

CM. TRICKS M 109.

- 156. Сазыкин А.Г. О языковых особенностях рукописи "Повесть о Чойджид дегини" из собрания рукописного отдела ЛО ИВ АН СССР. ПП и ПИКНВ. XI/I. М.. 1975. с. 124—127.
- 157. Смирнова Л.П. Кембриджская рукопись "Аджа'иб ал-анйа':
 ПП и ПИКНВ. XI/I. М.. 1975. с. 127-182.
- 158. Смирнова О.И. Среднеазнатское худат (к этимологии слова). ПП и ПИКНВ.XI/I.M., 1975. с.60-63.
- 159. Спирин В.С. К вопросу о "пяти элементах" в классической китайской философии. — В кн.: УІ науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тевиси и докл.І. М., 1975. с. 110—116.
- 160. Спирин В.С. К предистории понятия "График (дао)". ПП и ПИКНВ, XI/I. М.,1975, с.69-67.
- I6I. Starkova C.B. Les plus anciens manuscrits de la Bible dans la collection de l'Institut des Études Orientales de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. "Colloques Internationaux du C.N.R.S", & 547, Paris ,1972, p.37-42, 2 pl.
- I62. Стеблин-Каменский И.М. Повседневная и ритуальная пища ваханцев. В ки.: Страны и народы Востока. Вып. 16 "М., 1975, с. 192-209. Лит-ра: с. 209.

- 163. Гринберг А.Л. и Стеблин-Каменский И.М. Систанские сказания о Рустаме. - ПЛ и ПИКНВ, XI/I. М., 1975. с. 99-103.
- 164. Гринберг А.Л. и <u>Стеблик-Каменский И.М.</u> Коротко об экспедициях. /Хроника/. - СЭ. 1975. № 5. с.186.
- I65. Стеблин-Каменский И.М. /Пер. с англ./: Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., "Наука", гл.ред. вост.лит., 1975, 336с. (АН СССР. Ин-т востоковел.).
- 166. Struve V.V. The communities of Egypt and Sumer and the communities of India. -B KH.: The countries and peoples of the East. M., 1974, p.181-192.
- 167. Сужтанов Т.И. О времени образования казахских жузов.
 ПП и ПИКНВ, XI/I. М., 1975, с.67-69.
- 168. Султанов Т.И. Письмо волотоординского хана Улуг-Мухаммада Турецкому султану Мураду П. - ТС 1978. М., 1975. с.58-61.
- 169. Султанов Т.И./Статьи в Каз.СЭ/: Кадыргали Джалаири. КазСЭ, т.6. Алма-Ата, 1975, с.215.

Kachm-xan. - Tam xe. c.54I.

Касым-хан и могольский жан Сенд. - Там же, с.54I. См. также № 49.

- 170. Темини Э.Н. Мировозврение Бхамахи и датировка его трактата "Кавьяланкара". /Отв.ред. В.Г.Эрман/. М., "Наука", Глав.ред. вост, лит. 1975.140 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Список лит.: с.133-139.
- 171. Темини Э.Н. О значении термина " pratibhā " в трактате Бхамахи "Kāvyālankāra ". - IIII и ПИКНВ, XI/I.M.,1975,c.73-79. См. также № 127.
- 172. Терентьев-Катанский А.П. Одежда народов Центральной Авии домонгольского периода. ПП и ПИКНВ, XI/I.M., 1975, c.70-73.
- I73. Terentyev-Katansky A.P. The appearance , clothes and utensile of the Tanguts. B kH.: The countries and peoples of the East. M., 1974, p.215-224; with ill.
- 174. Троцевич А.Ф. Корейская средневековая повесть. М., "Наука", 1975.264с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Рез. ма англ. яз. Список лит.: c.246-250 (144 назв.). Указатели: c.251-259.
- 175. Троцевич А.Ф. /Пер. с корейск./: Ким Бусик. Из "Исторических записей о трех государствах". Лим Чхун. История Деньти. Ли Гок. Бамбучинка. Отмельник Сигён. Служка Гвоздь. Неизвестный автор. Повесть о верной Чхунхян... В кн.: Класси-

- ческая проза Дальнего Востока. М., 1975, с.244-251; 254-258; 261-266; 332-368. (БВЛ.1/18).
- 176. Тугумева Л.Ю. Два уйгурских документа из рукописного собрания Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. СТ. 1975. № 4. с.92-101.
- 177. Тугушева Л.Ю. О надписи на золотом ковие из собрания Эрмитажа. - В кн.: Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л..1975. с.80.
- 178. Тугушева Л.Ю. Язык деловых документов как функционально-стилистическая разновидность литературно-письменного языка в древнеуйгурском обществе. - ПП и ПИКНВ,XI/2. М., 1975,с.71-78.
- 179. Тугушева Л.Ю. Явыковые и внеязыковые значения в делифровке памятников древнеуйгурской письменности. - СТ,1975, № 5. с.27-32.

См. также № 49. 92.

- 180. Туманович Н.Н. Неизвестные труды В.В.Бартольда. В кн.: Бартольловские чтения 1975. Год 2-ой. М..1975. с.40-41.
- 181. Торкологический сборник, 1978. /Памяти Б.М.Данцига, А.Ф.Миллера, А.С.Тверетиновой/. Ред. кол.: А.Н.Кононов (отв. ред.), С.Г.Клянторный, Ю.А.Петросян, С.С.Цельникер. М., "Наука", Глав.ред. вост.дит., 1975. 283с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- 182. Фадеева И.Е. Государственная деятельность и общественно-политические взгляды Ахмеда Мидхат-пами. Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Л..1975. 25с. (ЛГУ им. А.А.Жданова).
- 183. Фадеева И.Е. Реформаторская деятельность Мидхат-паши в Болгарии в 60-х годах XIX в. ТС 1973. М., 1975, с. 109-120.
- I84. Фадесва И.Е. и Мартинцев А.Е. /Рец.на ин./: Turcica. Revue d'etudes turques, t.3, I971. Paris ,1973. CT,1975, № 4. с.III-II2.
- 185. Фихман И.Ф. Крупные землевладельцы и муниципальная организация в позднеримском Египте (По оксиринхским папирусам). ВДИ, 1975, № 1, с.49-67.
- 186. Фихман И.Ф. Оксиринх и Ермуполь в византийское время (сопоставление арендных договоров). В кн.: Древний Восток. Сб. I. К 75-детию акад. М.А.Коростовцева. М., 1975. с. 184-191.
- I87. Fichman I.F. Оксиринхские куриали. "Archiv für Papyrusforschung" ,Bd. 22-23, Leipzig ,1974, S.47-87.
- I88. Фихман И.Ф. Раздачи верна в городах римского Египта. (По данным Р.Оху. XL). ВДИ,1975, № 4, с.60-70. Рез. на англ. яз.

- 189. Fikhman I.F. Quelques données sur la genèse de la grande propriété foncière à Oxyrhynchus. "Le monde grec. Pensée, littérature, histoire, documents. Hommages à Claire Préaux". Bruxelles, 1975. p.784-790.
- 190. Финман О.Л. /Пер. с кит./: Бо Син-дзянь. Жизнеописание красавицы Ли. - Сань Чжэнь. Жизнеописание Ин-ин. - В кн.: Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975, с.59-83. (БВЛ.1/18).
- 191. Фишман О.Л. /Пер. с кит./: Юань Мэй. Из книги "О чем говорил Конфуций". Цзи Юнь. Из "Заметок из Хижины "Великое в малом". В кн.: Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975. с.135—144. (БВЛ. 1/18).

См. также № 29.

- 192. Халидов А.Б. Якут ибн Абдаллах ар-Руми аль-Хамави. КЛЭ. т.8. м..1975. с.1072.
- 193. Ханин З.Я. Проблема дискриминации пармев в первые годи буржуваных преобразований в Японии. ПП и ПИКНВ, XI/I.M., 1975. с.79—83.
- 194. Хачикян М.Л. Шумеро-хурритский словарь из Рас-Шамри нак источник по хурритской диалектологии. ВДИ,1975, № 3, с.21-38. Библиогр. в примеч. Рез. на англ.нз.
- 195. Цукерман И.И. Диалект, идиолект, автограф. В кн.: Актуальные вопросы исследования иранских языков и диалектов. Тезисы локл.. М.. 1974. с.22-24.
- 196. Пукерман И.И. Geryan или kiryan (к вопросу о возникновении окказиональных форм) - III и ПИКНВ, XI/2. M., 1975, с.73-75.
- 197. Четверухин А.С. К вокаливации египетской нисон jr.j. ПП и ПИКНВ. XI/2. М...1975. с.76-79.
- 198. Четверухин А.С. Наблюдения над староегипетскими предлогами и генитивным управлением. - В кн.: Africana. Африканский этногр. сборнив, 10. Л.,1975, с.131-143. Рез. на нем. яз.
- 199. Чижикова К.Л. Дополнения к библиографии по бенгальскому языковнанию. ПП и ПИКНВ. XI/2. М.. 1975. с. 104-108.
- 200. Чугуевский Л.М. К вопросу о формах личной зависимости в Дуньхувне. ПП и ПИКНВ, XI/I. М., 1975. с.83-87.
- 201. Чугуевский Л.И. Общинные объединения мирян при буддийских монастырях в Дуньхуане. В кн.: УІ науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. І. М., 1975, с.61-70.
- 202. Шифман И.Ш. Угаритские маргиналии. ПП и ПИКНВ, XI/I. М., 1975. с.132-136.

- 203. Шафман И.Ш. Угаритский юбилей. ВДИ,1975,№ 2, с.94-100. Рев. на англ.яв.
- 204. Schiffmann I. Die Grundeigentumsverhältnisse in Palästina in der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends v. u Z. Acta Antiqua". t.22. Budapest. 1974. fasc.1-4. S.457-471.
- 205. Школяр С.А. "Самъян шоу чэн ду" ("Записк≃ о защите Самъяна") как источник по истории китайско-чжурчжэньской войны 1206—1208 гг. В кн.: УІ науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл.І. М.,1975, с.129—139.
- 206. Прон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ДО Мь Ан СССР ва 1974 г. - ПЛ и ПИКИВ. XI/2. М. 1975.c.84-104.
- 207. Шумовский Т.А. У моря арабистики. По страницам памяти и неизданных документов, М., "Наука", Глав.ред. вост.лит.1975, 344 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.).
- 208. Shumovsky T.A. Two chapters from the 15th-century encyclopedia of Arabic maritime geography. B KH.: The countries and peoples of the East. M., 1974, c.91-98.
- 209. Щеглова О.П. Иранская литографированная книга. (Из истории книжного дела в Иране в XIX первом десятилетии XX в.) ПП и ПИКНВ. XI/I. М.. 1975. с. 136-140.
- 210. Щеглова О.П. Каталог интографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. /В 2-х частях/. Под ред. Ю.Е.Борщевского. М., "Наука". Глав.ред. вост.лит.. 1975.
 - Ч. I. 400 с. с факс.
 - Ч. 2. 401-789 с. с факс.
- 2II. Юзбашяш К.Н. Армения "эпохи Багратидов" в международноправовом аспекте. - "Ист.-филом.журшал", Ереван, 1975,№ I, с.33-53. (На арм. яз.). Рез. на рус.яз.
- 212. Юзбашян К.Н. "Повествование" Аристакэса Ластивертци и закат "эпохи Багратидов". Автореф. дисс.... д-ра ист.наук... Л.,1975. 38 с. (ЛГУ вм. А.А.Жданова).
- 213. Юзбашян К.Н. "Эскурмальский тактикон" новый византийский источник по истории Армении. — ВОН АН Арм. ССР, 1975, № 5, с. 91-98. Рез. на арм. яз.
- 2I4. Yuzbashian K.N. L'administration Byzantine en Arménie aux X-e XI-e siècles. REArm, N.S., t.10, 1973-1974, p.139-183.
- 215. Yuzbashian K.N. Photios sur l'origine du nom "Pauli-ciens". REArm, N.S., t.10, 1973-1974, p.185-188.

216. Юзбашян К.Н. /Рец. ма кн./: История армянского народа. Т.І. Ереван, 1971. 991 с. - ВОН АН АрмССР, 1973, № 1, с.101-106. (На арм.яз.).

217. Осупова З.А. Конструкции предложения в вжнокурдском диалектэ сулемани. - ПП и ПИКНВ, XI/2, M., 1975, с.79-83.

Список сокражений

FRI -"Библиотека всемирной дитературы". /Cepws/. RC9 - "Большая советская энциклопелия". - "Вестник древней истории". R/I II BOH AH ADMCCP - "Вестных объественных наук Академых начк Армянской ССРи. - "Вопросы явыкознания". RЯ - "Казахская советская энциклопежия". KaaCa KIIS - "Краткая дитературная энциклопедия". ЛГУ - Ленингражский государственный университет им. А.А.Жданова. - "Народы Азии и Африки". HAA ппв - "Письменные памятники Востока". /Седия/. пп и пикнв.хі. - "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI голичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. (Краткие сообщения и автоаннотации)". М... T975. CT - "Советская тюркология". CЭ - "Советская этнография". TC 1973 - "Торкодогический сборник 1973".М.. 1975. AI - "Acta Iranica". / Серия /. BiOr - "Bibliotheca Orientalis". IIJ - "Indo-Iranian journal". - "Journal of the American Oriental Socie-JAOS ty". OLZ - "Orientalistische Literaturzeitung". - "Revue des études arméniennes. Nouvelle Re Arm N.S. série".

СОДЕРЖАНИЕ

ma	m/	٦n	**	a
ИC	п	J٢	n	Ħ

	UTP
Е.И.Васильева. Социально-экономическое положение Ар- деланского княжества в первой половине XIX века	3
А.В.Витол. О первых попытках создания новых	
военных и учебных учреждений в Османской империи в пер-	
вой трети ХУШ в. (иностренные проекты)	9
н.А.Дулина. О программе реформ Мустафы Решида паши	
(1838–1858)	12
Е.М.Козина. Источники рабства в Китае (по докумен-	
там периода династии Тан)	18
А.И.Колесников. Договоры между мусульменеми и поко-	
ренным населением в годы завоевания Ирана арабами (к по-	
становке проблемы)	23
Е.И.Кычанов. Новые материалы об этногенезе дунган.	31
Ю.Д.Михайлова. Из истории "движения за свободу и	
народные права (к оценке событий 1885 г. в Осака)	38
А.М. Мокеев. Некоторые вопросы политической исто-	
рии Джунгарского ханства во второй половине ХУП в	42
Т.П.Селиванова. Тантрины, эканги и дамары в Каш-	
мире Хв	46
О.И.Смирнова. О древнетюркских монетах из Кувы	70
(Фергана). (Предварительное сообщение)	5I
И.Ш.Шифман. Еще раз о "царском дворце" Согдианы	57
no-re-manus and too a delanger Health and Health	- '
питододи	
D. H. Tananara. Magradanyawa darawaya na mayaway	
В.Н.Горегляд. Трансформация буддизма под влиянием	F0
местной культурной традиции в Японии IX-XII вв	59
С.Г.Кляшторный. Представление о времени в древне-	
тюркских памятниках. І. Системы исчисления времени	63
В.Н.Кобец. "Спсин ёрё" - моральный кодекс Фукудза-	
ва Окити (к вопросу о формировании буржуваной морали в	
Японии)	65

	CTD.
О. Л. Кроль. К характеристике экономических взгля-	
дов Сан Хун-яна	7I
А.С.Мартынов. Девизы правлений китайских импера-	
торов (нянь-хво)	78
В.И.Рудой. Из истории абхидхармы	84
В.С.Спирин. Теоретический аспект древнекитайского	
учения о "трех материалах"	90
ис точниковедение	
М.Х.Абусентова, "Ахсан ат-таварих" Хасан-бека	
Румму как источник по истории казахских ханств	96
Т.Айтберов. Еще раз о монгольском нашествии на Да-	
rectam	99
М.П.Волкова. Некоторые особенности развития мань-	
чжурской литературы	I04
Л.Н.Додхудоева. Две рукописи "Хамсе" Низами из со-	
брания ЛО ИВ АН СССР	I07
М.Е.Ермаков. "Гао сэн чжуань" и агиографическая	
традиция	IIS
А.М.Куликова. Первое путеществие И.П.Минаева на	,
Восток в его переписке с А.Н.Веселовским	118
А.Г.Лундин. Новый тип катабанских посвятительных	
недписей	I24
Т.К.Посова. Некоторые формальные характеристики	
индийской рукописи (XYI-XIX вв.)	I29
А.Г.Сазыкин. О периодизации переводческой деятель-	
ности ойретского Зая-пандиты	I34
Г.И. Султанов. Известия мирвы Хайдара Дуглата и	
Сейфи Челеби о Тибете и тибетцах XVI в	I4 0
И.Е.Федееве. Редкея рукопись из собрания ЛО ИВ	
АН СССР о придворном этикете османских султанов (ХУПв.)	I45
литер атурове дение	
З.Н.Ворожейкина. К вопросу о странствующих четверо-	
CTMEMRX	I49

	Стр
Л.В.Галкина. Стихотворение П.Верлена "Дождь в горо-	
де" и поэзия Ким Джонсика (Соволь) (1903-1934 гг.)	I 55
Н.Б.Гафурова. Основные линии сходства двустиший Ка-	
бира в традициях дадупантки и сиккской	I6 Į
Л.В.Жданова. Стихотворения корейского поэта Чжве	
Чхивона (857-?), написанные осенью-зимой 884 г весной	
885 г. (к структуре цикла)	166
М.Е.Кравцова. Некоторые типы повторов в поэзии	
Шэнь Юэ (44I-5I3)	173
А.В. Маслов. Танские источники по биографии Цэнь	
Шэня (714?- 770? гг. н.э.)	T79
ж.С. Мусаэлян. Истоки сюжета курдской поэмы "Зам-	
· · · · · · · · · · · · · · · · · · ·	183
С.Л.Невелева. Семантика древнеиндийских (эпических)	
сравнений (некоторые выводы)	T86
М.И.Никитина. К понимению двух древнекорейских по-	100
этических произведений (хянга)	тот
Э.С.Русинова. Положительный герой в романах Бхабани	171
Бхаттачарии	200
Л.С.Савицкий. Лирическая поэзия Цаньян-джамцо	200
(ХУШ в.) и тибетский фольклор (опыт формального анали-	
3a)	0/4
Г.Г.Свиридов. Принцип "дхвани" в построении "По-	.04
	209
вествования, собранного в Удзи"	203
	217
ников "бицзи"	225
дж.ландари. первым рассказ-очерк на курдском языке	225
языкознание	
В.И.Гохман. К истории расхождения тайских языков	
	228
Я.Б. Грунтфест. Классификация частей речи у Спинозы.	234
И.С.Гуревич. Что считеть словом в китейском язы-	201
же Ш−У вв.?	230
И.Т.Зограф. "Юань-чао би-ши" и пекинский диалект	207
и. 1. 30 граф. Мань-чао ом-ши и некинский диалект	244
NUMBEROW SHUAM	44

	Стр
К.Б.Кепинг. Выражение значения множественности в	
тангутском языке (имена)	24 8
К.К.Курдоев. Еще раз о формах множественного	25.6
числа имени в курдском языке	256
в бирманском языке	259
Л.П.Смирнова. Вспомогательная функция глагола	
гозаштан в современном персидском просторечии	262
И.И.Цукерман. К вопросу о возникновении и функ-	
ционировании окказиональных форм (на материале хорасан-	
ского курманджи)	265
А.С.Четверухин. Вокализация именных морфологичес-	
ких показателей египетского языка старой и средней	
ступеней развития (общий обзор)	270
З.А.Юсупова. Классы глаголов в сулеманийском диа-	
лекте курдского языка	275
РИФАЧТОИКАЙ	
Г.С. Шрон. Материалы к библиографии работ сотрудни-	
ков ЛО ИВ АН СССР за 1975 г	280

Цена 1p. 58к.